ПАТРИАРХ НИКОН И ЕГО НАСЛЕДИЕ В РУССКОЙ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И МЫСЛИ:
материалы дискуссии

Архипов А.Ю. – с. 404; Абакумова Н.А. – с. 353, 362; Амбарцумов Ф.Н. – с. 388; Анашкин Д.П. – с. 385; Анненков В.И. – с. 357; Ахиезер А.С. – с. 415; Бабушкин В.У., Ляхов И.И. – с. 432; Баева Л.В. – с. 421; Баширов Л.А. – с. 346; Белоножко Е.П. – с. 366; Бендин А.Ю. – с. 370; Бобринский Б. – с. 392; Бубнов Ю.А. – с. 422; Васильева Е.Е. – с. 360; Васильева О.Ю. – с. 339, 340, 344, 345, 347, 451, 463; Воробьева Н.В. – с. 367; Гостев А.А., Соснин В.А. – с. 383; Громов М.Н. – с. 416; игум. Дамиан (Залетов) – с. 399; Даниленко Б. – с. 350, 389, 449; Долгов К.М. – с. 417; Дорошенко С.М. – с. 375; Есин Б.И., Липич О.В. – с. 405; Заболотная Н.В. – с. 358; Задорнов А.Л. – с. 393; Залужный А.Г. – с. 404; Ионова А.И. – с. 346; Калезич Дм. – с. 387; Калитин П.В. — с. 432; Карпенко Л.Б. – с. 408; Кимелев Ю.А. – с. 414; Кольцова Т.М. – с. 362; Комаровская Е.П. – с. 352; Костикова М.Н. – с. 374; Кручинина А.Н. – с. 359; Леонтьева Т.Г. – с. 368; Лескин Д.Ю. – с. 426; Линник Ю.В. – с. 423; Лолаев Т.П. – с. 428; Лопаткин Р.А. – с. 348; Лучшева З.А. – с. 428; архим. Макарий (Веретенников) – с. 393; Максимович В.Ф. – с. 375; Масленникова Н.В. – с. 409; Миронович А. – с. 371; Модестов С.А. – с. 411; Муравьев А.В. – с. 354; Мякинин А.Е., Семикопов Д.В. – с. 399; Никонов К.И. – с. 440; Новицкий В.И. – с. 373; Нуриев Д.А. – с. 422; Овсиенко Ф.Г. – с. 415; Павловская О.А. – с. 429; Панарин А.С. – с. 437; Парилов О.В. – с. 424; Пауткин А.А. – с. 407; Петрий П., Дырин А., Макаренко В., Онищук С. – с. 433; Пинкевич В.К. – с. 349; Рогожин Н.М. – с. 365; Рогожкина Е.И., Майборода З.П. – с. 362; Русанду И. – с. 431; Рыбаков Ю.М. – с. 401; Силантьева М.В. – с. 443; Соколов А.Р. – с. 368; Соколов Н.М. – с. 358; Сытых О.Л. – с. 419; Тажуризина З.А. – с. 446; Теребихин Н.М., Шаляпин С.О. – с. 425; Тихон (Полянский С.М.) – с. 429; Тодоров А.А. – с. 378; Токарева Е.С. – с. 364; Фельдман Д.М. – с. 380; Цап С.Н. – с. 401; Чичканов В.П. – с. 340; Чумакова Т.В. – с. 436; Шахов М.О. – с. 355; Шестов Н.И. – с. 381; Шмидт В.В. – с. 341, 346, 347, 348, 349, 351, 352, 354, 355, 393, 447, 451; Шохин В.К. – с. 455; Юрчёнков В.А. – с. 366; Яблоков И.Н. – с. 432

ВАСИЛЬЕВА О.Ю., д. ист. н., проф., зав. кафедрой государственно-конфессиональных отношений РАГС.

Уважаемые коллеги! В 2005 г. исполнилось 400 лет со дня рождения Патриарха Никона, в 2006 г. – 325 лет его памяти, в 2007 г. – 355 лет интронизации. Этим памятным датам в истории нашего Отечества было посвящено множество различных мероприятий[1].

Мы рады возможности обсудить в широком кругу вопросы, связанные с наследием шестого Предстоятеля Русской Церкви – Святейшего Патриарха Никона (1605–1681). Эти особые для бытия современного российского общества, государства, Русской Православной Церкви вопросы важны уже лишь потому, что как и триста лет назад они не оставляли равнодушным ни индивидуальное, ни общественное сознание, так не оставляют и теперь, и связаны они, в том числе, и с государственной идеей, которую мы все ищем, но найти и сформулировать пока не можем.

Очевидно, что развитие и борьба идей происходят не только в умах людей, но и в самой жизни, т.к. идеи составляют отвлеченную формулировку тех сил, которые, взаимодействуя между собой, направлены на поиск и утверждение смысла как личной жизни, так и общественной, и мировой. Созидая настоящее, мы осмысливаем прошлое, чтобы понять, каким будет наше будущее и какими будем мы в будущем.

В отличие же от прошлых веков и исторических периодов мы можем приблизиться к осмыслению оставленного Святейшим Никоном, Патриархом Московским и всея Руси, наследия благодаря качественно новым условиям – становятся доступны документальные источники, в частности, спустя 340 лет с момента написания, издано его творческое наследие, способное прекратить профанирование многих проблем, «высокомудрые» досужие пересуды и послужить началом конструктивного разговора.

Попытке обозначить круг проблем и актуальных тем, связанных с наследием эпохи Патриарха Нико-

[1] См.: *Шмидт В.В.* Юбилей Патриарха Никона // Вестник Российского философского общества. 2006. № 2 (38).

на, и посвящается настоящий обзор, составленный по материалам научных исследований кафедры государственно-конфессиональных отношений и итогам проведенных научных мероприятий в 2004–2007 гг.*

ЧИЧКАНОВ В.П., д. экон. н., проф., член-корр. РАН, проректор по научной работе РАГС[2].

С именем этого церковного и государственного деятеля связаны многие события в социально-политической, культурно-исторической жизни нашего Отечества, Православной Церкви.

С середины XVII в. Россия оказывается в центре мировых геополитических интересов. Традиционный уклад жизни требовал существенной трансформации и должен был стать адекватным как новым политическим реалиям, так и внутренним движениям национального самосознания. Россия, воспринявшая идеи миссионизма, наследницы Византии и хранительницы Вселенского Православия, должна была оказаться приспособленной к этим новым историческим реалиям (в России начиналась эпоха Нового времени). В прошлое уходила Русь средневековая со всеми ее партикуляристскими тенденциями, с ее молчаливым аутентизмом... Патриарху Никону как Предстоятелю Церкви и «мужу государственному» суждено было отстоять самобытно-русское среди традиций вселенского, утверждая Святую Русь.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Никон был вдохновителем и активным участником практически всех трансформационных процессов и дел: из 6 лет своего активного Патриаршества, 2,5 года он был регентом государства Российского, без чьего участия не решался ни один сколько-нибудь важный вопрос; ради духовного укрепления и освящения «премененного» Ромее-Московского царства собирал в Москву – столицу третьего Рима и нового Израиля святыни Вселенского Православия, перенес в Успенский собор мощи митрополитов Московских, в этот период были открыты святые мощи (канонизирован) прп. Даниила, князя Московского, прп. Иакова Боровичского и др.; развивая государственно-политическую идею Москвы – третьего Рима и Святой Руси – нового Израиля впервые с полной решительностью был заявлен и проведен принцип независимости и самостоятельности Церкви, в соответствии с которым реализовывалась «симфония» властей; и т.д.

Патриаршество Никона было не долгим, но составило эпоху в истории нашего Отечества. Созданные им монастыри являются шедеврами национального русского искусства, а поэтому имеют и мировое значение. Являясь духовными центрами Святой Руси, они даже в своем разрушенном и пока еще не в возрожденном состоянии продолжают выполнять просветительскую и миссионерскую задачу.

Сегодня, вспоминая об этом великом человеке, о великих его заслугах перед Отечеством и Церковью Христовой, в день, когда Его Святейшество, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил восстановить почитание памяти Патриарха Никона, приятно внести и свою небольшую лепту.

Впереди большая и кропотливая работа по осмыслению бесценного исторического и интеллектуального наследия, которое оставил Патриарх Никон и которое лишь теперь, будучи введенным в научный оборот, может быть реально изучено во всей его многогранности и без идеологических предвзятостей... Уверен, что обсуждение наследия выдающегося российского церковного и государственного деятеля, которым явился Патриарх Никон – фигура поистине вселенского масштаба – поможет приоткрыть не только тайну, но и постичь фундаментальность происходивших в XVII в. процессов, которыми были заложены и с которыми в тесной связи находятся многие явления нашей современной жизни и недавней истории.

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.:

Уважаемые коллеги, поскольку проблемы *никоноведения* определены для нашей дискуссии, а ведущим специалистом в этой области является д-р

* Никоноведческой тематике посвящены № 1–2, 3–4 журнала «Государство, религия, Церковь в России и за рубежом», выпущенные в 2008 г. кафедрой государственно-конфессиональных отношений. См. статьи: *Дорошенко С.М.* Патриарх Никон: Духовный свет сквозь века (духовная власть как духовная опора на все времена); *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи; *Шмидт В.В.* Патриарх Никон: Наследие; *Он же.* Никоноведение: библиография, историография и историософия; *Зимин С.Н.* И жезл Лигарида расцвел...; *Антоний (Храповицкий), митр.* Патриарх Никон и Россия; *Алубаев А.В., Струнин К.А., Шмидт В.В.* Патриарх Никон: Историософия в памятнике; *Масленникова Н.В.* Новый Иерусалим.

[2] Из приветственного слова к участникам конференции «Патриарх Никон: Симфония разделенных властей в истории и культуре». 7 июня 2005 г.

философии В.В. Шмидт (далее по тексту – В.Ш.), которому принадлежат первенство издания трудов Патриарха Никона в нашей стране и активная популяризация идей Святейшего[3], предлагаем ему выступать в роли эксперта.

ШМИДТ В.В., Советник Российской Федерации 1 кл., д. филос. н., зам. заведующего кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС по научной работе.

Прежде всего, уважаемые коллеги, хочу поблагодарить Вас за предоставленную возможность обсуждения в этом высоком собрании наследия Патриарха Никона и результатов моих изысканий.

Патриарх Никон – одна из самых ярких фигур не только отечественной, но и мировой истории, культуры и мысли, поскольку как его наследие, так и в целом его эпоха, – есть достояние христианской цивилизации, в котором собственно Патриарх Никон со всей документальной очевидностью и обоснованностью предстает в образе вехового столпа поствизантийской духовной традиции, законно претендуя на место в ряду величайших имен таких как Парменид, Платон, Аристотель, Дионисий Ареопагит, Иоанн Златоуст, митрополит Фотий, Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский, Григорий Палама, Мартин Лютер, Рене Декарт, Г.В.Ф. Гегель и многих других. Безусловно, почисление Патриарха Никона в этот ряд еще не указывает на то, что в его трудах мы имеем возможность увидеть скрупулезно разработанное и систематически изложенное философское учение – такого нет, но развиваемые им идеи воплощены, имплицитно выражены в художественных формах – архитектурных, графических, поэтических и др., а также зафиксированы в виде исторических, канонических и правовых, богословских, религиозно-философских и социально-политических обоснованияй, представляя вершину средневековой славяно-русской мысли, прерванной в России в начале XVIII в. насаждением западноевропейской модели организации научного знания.

Не вдаваясь в пространные рассуждения о Никоне и постановке проблем, сошлюсь на помещенные в настоящем сборнике материалы – специально подготовленные статьи: и если прот. С. Михайловский восполнял историографические пробелы описанием заслуг Патриарха Никона перед Церковью, обществом и Отечеством, М.В. Зызыкин – исследованием его идей в части государственных и канонических воззрений, то мы в своих работах старались представить религиозно-философский взгляды Святейшего и показать их основу – реконструировать систему богословия, а также провести научную демифологизацию того вульгаризированного образа, который в настоящем позиционируется как Никон, и определить исторически-достоверный облик Святейшего.

Это удалось сделать благодаря тому, что были обработаны ранее недоступные архивные материалы и, прежде всего, его «Судное дело», большую часть которого и составляет «Возражение Патриарха противо вопросов и ответом...», «Духовные наставления христианину», т.е. Царю, а также различные письма, расспросные речи и т.д., которые впоследствии составили солидный том, опубликованный к юбилейному 2005 г. – 400-летию со дня рождения Патриарха Никона. Так осуществилось то предпри-

[3] Поводом к дискуссии стали результаты исследовательских работ В.В. Шмидта: 1) «Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: Опыт демифологизации» (далее по тексту: «Демифологизация...»), подготовленной на кафедре государственно-конфессиональных отношений Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации и защищенной 20.09.2007 в диссовете Д.502.006.11 по философским и историческим наукам по специальности 09.00.13 – религиоведение, философская антропология, философия культуры (диссертация хранится в РГБ, Синодальной библиотеке Московского Патриархата, библиотеках РАГС и Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим» [г. Истра, Московская обл.]); полную версию исследования см.: *Шмидт В.В.* Патриарх Никон: Демифологизация. М. (в печати); также см.: Патриарх Никон: Стяжание Святой Руси – созидание государства Российского / Сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. В 3 ч. М.; Саранск, 2009–2010; 2) «Религиозно-философские воззрения и система богословия Патриарха Никона», подготовленной на кафедре философии религии и религиоведения отделения религиоведения философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и защищенного 26.06.2000 в диссовете Д.053.05.84 по философским наукам по специальности 09.00.06 – философия религии (дисс. хранится в библиотеках: гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова; Московской, Санкт-Петербургской и Минской Духовных академий и семинарий; Свято-Сергиевского Богословского института в Париже; Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим», Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря [г. Истра, Московская обл.]; в РГБ, Синодальной библиотеке Московского Патриархата и Британской библ. – The British Library Slavonic and East European Collection, London); полную версию исследования см.: *Патриарх Никон.* Труды / Научн. исслед., подготовка документов к изд., сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М.: Изд-во МГУ, 2004. – 1264 с.

ятие, которое замышлялось еще нашим известным любителем, собирателем и исследователем древностей В.М. Ундольским, предпринявшим попытку публикации выдержек из трудов Никона, и который сказал бы так: «Спустя почти 350 лет после осуждения Святителя ему дали возможность говорить»[4].

Это удалось сделать благодаря тому, что при достижении поставленных задач мы опирались на современную теоретико-методологическую научную базу – совокупность принципов историзма, социальности, научной объективности, а также междисциплинарного, комплексного историко-философского, религиоведческого, историко-культурологического и других подходов, позволивших рассмотреть проблему в диалектической взаимосвязи элементов системы средневековой картины мира с подобными элементами картин мира Нового и Новейшего времени; мы применяли общенаучные и отраслевые теоретические и эмпирические методы, среди которых: герменевтический, иеротопический[5], индуктивно-дедуктивный, экземплификативный[6], просопографический и идеографический[7], типологизации, феноменологический; историко-семиотический, контентный, структурно-функциональный и другие виды анализа. Достоверность получаемых нами результатов обусловливается сочетанием качественных и количественных методов анализа привлекаемой литературы, архивных, археологических материалов; использованием современных приемов теоретико-методологического анализа, верификацией предлагаемых теоретических положений в ряде эмпирических исследований в области современной социальной и гуманитарной науки.

Мы с удовлетворением отмечам, что сохранившиеся и доступные нам материалы того далекого исторического периода, к которому для детального осмысления так не хотелось С.М. Соловьеву «ворочаться на 200 верст», свидетельствуют о Патриархе как о выдающемся человеке, своими духоустроением, умонастроениями и деятельностью – всем образом своей жизни, продолжавшим многовековую традицию стяжания Святой Руси, активно участвуя в утверждении государственной мощи и величия Церкви на основах святоотеческого предания, напоминая о них также и формулой в предисловии

---

[4] В 1886 г. Ундольский в письме к историку А.Н. Попову писал: «Мой больше чем полугодовой труд “Отзыв Патриарха Никона об Уложении Царя Алексея Михайловича” не пропущен Петербургскою цензурою по резким выражениям Святейшего автора “Возражения”. Что делать? Надо дать другой оборот: как при жизни Патриарха многое ему не удавалось, во многом ему грубо отказывали, так и через двести почти лет по его кончине не хотят выслушать его правдивого и весьма замечательного голоса о первом законодательном нашем памятнике... Буди всегда и во всем воля Божия!».

[5] Метод, позволяющий в рамках энергийно-ономатического подхода в философии (Д.Ю. Лескин) проводить исследования сакральных объектов в культурах различного типа цивилизаций. Под *иеротопией* понимается создание сакральных пространств как особый вид творчества, а также специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества (термин введен А.М. Лидовым – см.: Иеротопия: Исследование сакральных пространств: Материалы международного симпозиума. М., 2004. С. 15–31). *Иконотопос* – это святое, избранное Богом или человеком, но по воле свыше, место, которое осознается избранным, имеет сакральный (небесный) Первообраз, описанный в Священном Писании или конфессиональной литературе, которому, как правило, соответствует земной прототип и которое стремится к самосохранению и организации пространства вокруг себя по принципу *священной топографической иконичности* как образ Первообраза и земного прототипа. Для обозначения реального символизма предлагается термин «топографическая иконичность» или «иконичная топография» (термины введены В.В. Лепахиным – см.: Новый Иерусалим и Третий Рим // К проблеме образования Московского государства. Сомбатхей, 1999. С. 52).

[6] «Весь так называемый экземлификационный метод основывается на возможности усмотрения сущного в фактическом». В данном случае, анализируя историческое прошлое в части умоначертательного наследия, мы представляем это наследие в цитировании – представлении экземпляра – законченного фрагмента, который подбираем так, чтобы, не разрывая мысли автора, представить суть его не столько даже идеи, сколько характера всей его системы. Этот метод оправдывает пространное цитирование, обусловленное реинтерпретацией и введением в новый контекст и научный оборот малоизвестного или основательно забытого из исторического прошлого – о методе см.: *Шпет Г.Г.* История как предмет логики // Историко-философский ежегодник’88. М., 1988. С. 290–320. § VIII. С. 313.

[7] *Просопографический,* или *биографический, метод* применяется с целью понимания субъективной стороны общественной жизни, в первую очередь через выявление типов личностей, которые интерпретировали социальные процессы и явления, а также выявление в исторических исследованиях социо-биографических черт исследуемых исторических личностей (т. I. С. 266–267). *Идеографический* с целью изображения объекта исследования в его индивидуальности и неповторимости, как оригинального целого (т. II. С. 83–84), что в равной степени относимо и к образу Патриарха Никона, и к системе ортодокс-славянской философии.

Служебнику 1656 г.: «Священство Божественным служит, царство же человеческим владеет и о сем печется. Вкупе же уставы и правила Святых отец, яко от Святаго Духа вдохновенны, облобызающе приемлют и держат».

Святейший Никон, как это следует из его образа действия и письменного наследия, свою задачу как Первосвятителя понимал и видел в том, чтобы удержать развитие Российской государственности и народности в святоотеческих традициях, в то время как в русском обществе уже намечалось отступление от веры и Церкви, формализовавшееся в первом светском законодательном акте – Соборном «Уложении» 1649 г.[8]

Совокупность грандиозных, хотя и не в полном объеме представленных здесь нами проблем, с которыми пришлось столкнуться Патриарху Никону, крайне слабо, если практически вообще не освещена с учетом его образа мысли и действий, о чем нами неоднократно упоминалось. При этом обилие и разнохарактерность исследований лишь усугубляют ситуацию: «Реальный облик Никона заблокирован обильным фактическим материалом, который в значительной степени мифологизирован его современниками и последующими поколениями. О Патриархе сложилось много легенд и слухов. Своеобразное восприятие эпохи, когда он жил и действовал, существенно отличается от современных научных и общественных представлений. Новый подход к данной теме требует критики источников и их демифологизации, а также хотя бы краткого хронологического обзора исторической литературы, связанной с историей Российской Православной Церкви и духовной культуры Отечества»[9]. Эта проблема была поставлена нами в 2004 г. на Всероссийской научно-практической конференции в Саранске «Социальные конфликты в России XVII–XVIII веков», а затем развита в 2005 г. там же на конференции «Патриарх Никон: История и современность».

Безусловно, наши исследования были бы невозможны без реальных достижений всей предшествующей традиции освоения наследия Патриарха Никона, древней и средневековой славяно-русской культуры и мысли. На этом пути мы делаем лишь небольшой шажок, значимость которого, на наш взгляд, заключается в публикации в России монументального наследия Патриарха Никона, которое дает возможность более адекватно посмотреть и на век XVII, и на следующие за ним эпохи, и на день сегодняшний с его перспективными возможностями. Следует также оговориться – вспомнить таких крупных ученых как Г. Вернадский и В. Туминс, трудами которых «Возражение...» Патриарха Никона 25 лет назад все-таки увидело свет на русском языке, но в отечественный научный оборот так и вошло[10]. Публикуя сей монументальный труд, Вернадский пишет: «“Возражение” – один из важнейших источников для истории отношений между “царством” и “священством” в России... Выразил Никон свои взгляды с большой прямотой и неустрашимостью. В общем и целом, по мнению

[8] Как известно, этот новейший для того времени «конституционный» акт государства имел далеко идущую перспективу, во многом, если не полностью, отменявший действия бытовавших норм, которые являлись выражением истинной древнерусской гражданской как единой церковно-государственной традиции, зафиксированной в Кормчей и решениях Стоглавого собора (в отношении последнего высказывались различные точки зрения, тем не менее, по мнению церковного историка Е.Е. Голубинского «Собор не только написал свои постановления, но и утвердил и обнародовал их собрание как законодательный кодекс»). Так, по Соборному уложению, в частности, вводился Монастырский приказ, управление которым обеспечивалось в основном светским чиновничеством, а итогом деятельности которого стала секуляризация, в ходе которой было изъято до, а то и более, 80% от всех городских владений Церкви, восхищался-узурпировался суд духовенства и т.д. Сравнивая с устоями и укладом древности, это не только возможно было квалифицировать, но расценивалось как посягательство на права Церкви – узурпация государством не только ее имущества, но и власти. Узаконение новых норм социального бытия свидетельствовало о кардинальной трансформации основы – Бытия и метафизики. Будучи ответственной за последнюю, Церковь в лице своего Первоиерарха осознавала свою ответственность и прилагала все возможные усилия – от получения привилегий до печатания Кормчей и ее рассылки с целью сверки-применения наряду с действующей нормой государственного закона, от требований полной отмены до призыва братьев-Первосвятителей Вселенной осудить Уложение как отступничество от Православия, от обличительной критики вмешательства в дела Церкви, прикрываемых действующей нормой до смиренномудрого удаления с кафедры и полагания судьбы Церкви и Царства в руце Отмщающего неверным.

[9] *Румянцева В.С.* Патриарх Никон в отечественной историографии периода ее становления: конец XVIII – середина XIX в. // Вопросы истории. 2005. № 10.

[10] Было издано в Германии в знаменитой серии «Slavistic printings and reprintings», выпущенной «Mouton Pablishers» (Берлин–Нью Йорк–Амстердам) под № 300 тиражом всего до 500 экз.; издано оно было, в отличие от нашей публикации, по неполному списку никонового Крестного Кий-островского монастыря, хранящегося в Музее истории религии.

Н. Гиббенета, возражения Никона "показывают глубокое знание им Священного Писания, его начитанность и обширность его ума; но вместе с тем в его возражениях выразился его характер и отразилось его душевное настроение"... Действия Царя Алексея после разрыва его с Никоном – взятие на себя управления церковными делами – создавали опасный для свободы Церкви прецедент. Всем этим подготовлена была почва для церковной политики Петра и его ближайших преемников... Могучая личность Никона, рожденного в крестьянской избе и поднявшегося на высоту Патриаршего престола, наложила свой отпечаток не только на время царствования Алексея Михайловича, но и на последующие судьбы России».

Завершая настоящее слово, укажем: сложившаяся научная традиция, система подходов и методов к исследованию наследия и деятельности Святейшего Патриарха Никона, его роли в системе государственно-церковных взаимоотношений, на наш взгляд, обусловлена тем, что: 1) исследования посвященные Никону, выполненные в историко-критической традиции, базирующейся на принципе тождества идеологии и вероучения, отражали и отражают собой социально значимый идеологически заказ, а поэтому в своих выводах тенденциозны и довольно сомнительны; 2) отсутствует – все еще не сложилась научно-историческая и духовная традиции освоения эпистолярного наследия, описания, систематизации и реконструкции религиозно-аксиологических систем мысли, что не позволяло детально изучать их, включая и взгляды Никона, других религиозных деятелей и личностей, в аспектах религиоведческого, социально-философского, социально-политического, правового, исторического, религиозно-философского, богословского знания, и, следовательно, дать соответствующую научную оценку; 3) не выработано четкое представление о славяно-русской как подвиде ортодокс-славянской оригинальной системы философии с ее понятийно-категориальным и методологическим аппаратом, предоставляющим б льшие возможности для аутентичного изучения русского наследия, созданного до Нового времени, хотя исследования философских, богословских, религиозно-философских, аксиологических, социально-политических и других комплексов в системе мысли Древней и Средневековой Руси, реконструкции основных понятий и категорий, осмысление их как системного явления, качественно отличного от западноевропейской и восточной философской и религиозно-философской традиций, активно ведутся в современных гуманитарных отраслях[11].

Благодарю за внимание и буду признателен за принципиальность суждений, критику и Вашу заинтересованность.

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.:

Фундаментальность и грандиозность наследия Патриарха Никона обусловливает столь широкий интерес и к наследию, и к его творцу. В связи с этим материалы нашей дискуссии сгруппированы по отраслевому принципу. Прежде, чем приступить к их представлению, позвольте привести мнение нашей кафедры[12] в отношении работ В.Ш., которые неоднократно обсуждались на заседаниях.

Сегодня перед Россией стоит ряд серьезных проблем, механизмы разрешения которых были сформированы, в том числе, во второй половине XVII в. – в период, который характеризуется, с одной стороны, фиксированием кардинальной трансформации цивилизационных картин мира на Евроазиатском континенте, выработкой модели международных отношений (Вестфальская система, 1648), а с другой – серьезнейшими социально-экономическими, политическими, государственно-конфессиональными, церковно-гражданскими и культурными преобразованиями в Московском государстве как духовно-культурном наследнике Византийской империи, что подготовило адекватное вхождение Руси именно в эту, с ее основополагающими принципами национально-государственного суверенитета, легитимно-сакральной монархической автократии, гражданско- и государственно-институциональной деклерикализации систему международных отношений. Непосредственным участником, выразителем и творцом этого исторического периода в жизни России, получившего

[11] См. обобщающие исследования: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237) / Пер. А.В. Назаренко; под. ред. К.К. Акентьева. СПб., 1996; *Мильков В.В.* Основные направления религиозно-философской мысли Древней Руси XI–XV вв.: Дисс. д-ра филос. н. в форме науч. доклада. М., 2000; *Лескин Д.Ю.* Метафизика слова и имени в русской религиозно-философской мысли: Дисс. д-ра филос. н. М., 2007 и др.; см. также: *Бибиков М.В.* Византийская философия. Т. I. С. 398–399; *Лурье В.М.* История Византийской философии: Формативный период. СПб., 2006; и др.

[12] Подготовлено д. ист. н, проф. Васильевой О.Ю., к. филос. н., проф. Зуевым Ю.П., д. филос. н. Овсиенко Ф. Г.

именование «эпоха», был Предстоятель Греко-Российской Восточной Православной Церкви Никон – Патриарх Московский и всея Руси, оставивший богатейшее наследие, которое до сего дня является практически неизученным.

Современности важно возвращаться к осмыслению прошлого, раскрывающемся в образах жизни и служения исторических личностей, изучать (демифологизировать-«очищать») их образы, тем более, если они стали архетипами социокультурного бытия, чтобы не только понять, каким было прошлое и будет будущее, какой является нация (народность), но и не творить социальное квазибытие.

С учетом того, что в отраслевых обществоведческих и исторических науках все еще нет внятных выводов о наследии, итогах и влиянии XVII в. на перспективы социально-политического будущего России, ее миссии в мировой истории и т.д. из-за неадекватной, а порой и вульгаризированной оценки основных деятелей прошлого, недостаточно осмыслены социокультурные, социально-политические, религиозно-философские и др. явлений и факты, обращение к наследию и образу Патриарха Никона крайне важно.

В.Ш. впервые в отечественной науке в отраслевом исследовании:

– представлен комплексный анализ и дана оценка источников и авторской литературы по никоноведению; проведено комплексное исследование процессов мифологизации / демифологизации / ремифологизации социокультурного и социально-политического образа исторической личности, а также феномена ортодоксальной славяно-русской философии как явления древнерусской мысли и русской философии; документально (на основе количественных и качественных данных) прослежен генезис социально-политического мифотворчества как социокультурного явления, в рамках которого нашла свое отражение социально-историческая сущность подобного вида мифов как явлений картины мира, включая специфику знаково-символических форм, оказывающих влияние на политическую активность социально-институциональных субъектов; выявлены положительные и отрицательные моменты отечественного социокультурного мифотворчества, а также обозначен комплекс проблем, связанных с моделью институциональных взаимоотношений государства, Церкви и общества, требующих, в свою очередь, формулирования научно-исследовательских целей и постановки задач в части демифологизации субъектов, средств и механизмов этих взаимоотношений;

– выявлен и уточнен комплекс документов, составляющих наследие Патриарха Никона (из фондов РГАДА, РГИА, ГИМ, БАН, РГБ, РНБ и др.), значительная часть из которых введена в научный оборот, что позволяет точнее воссоздать целостную картину становления и развития ортодокс-славянской системы философии в ее славяно-русской традиции, а также полнее раскрыть общие закономерности и специфику институциональных государственно-конфессиональных и социальных отношений, судопроизводства в системе отечественного государственно-правового строительства;

– предложена для научной дискуссии оригинальная парадигмально-методологическая модель для понимания феномена «историческое» как явления и процесса сложноорганизованной системы в аспектах его реализации, в которой сумма идей и представлений есть детерминанта самой системы – это первое и второе – в целях критичного рассмотрения собственно суммы этих идей и представлений задана типологическая модель родовидовых отношений с учетом принципа от общего к частному: *византийская философия* → *ортодокс-славянская система* византийской философии → *славяно-русская традиция* ортодокс-славянской системы византийской философии, в которой появляется возможность понимать оригинальность ортодоксальной славяно-руской философии и различать ее предмет-объектную область от области богословия (теологии) как оригинальной отраслевой науки; также вычленены и описаны модель, структурные единицы понятийно-категориального аппарата и основной архетипический образ ортодокс-славянской картины миры;

– реконструирована и уточнена система воззрений Патриарха Никона, в объеме которой собственно Патриарх стал объектом историко-культурологического, философско-религиоведческого исследования, а также продемонстрирована синергийность философских воззрений Никона святоотеческому наследию, православному богословию и аутентичность ортодокс-славянской системе философии.

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.:

Уважаемые коллеги, пожалуйста, – вопросы к эксперту-докладчику – В.Ш.

БАШИРОВ Л.А., к. филос. н., доц. кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС.

Вы охватили столько проблем; чем занимались ученые, работавшие в этой области до Вас?

ШМИДТ В.В.:

Широта проблем связана именно с характером второй половины XVII в., поскольку эпоха Патриарха Никона явилась той бифуркационной точкой в истории и культуре России, с которой началось ее Новое время, тем связующим звеном между Русью древне-средневековой и Россией современной. Я уже приводил слова Г. Флоровского, но повторюсь: второго такого деятеля в нашей истории, как Патриарх Никон, нет, кому бы было посвящено такое множество исследований – они практически не поддаются исчислению[13] – среди них и крупные работы, и мелкие малозначительные. Общим их свойством является недокументальность, так что большая их часть есть ничто иное как досужее наукообразное мнение – анекдот по поводу или, в лучшем случае, – пересказ позиции известного автора-историка. Транслирование сложившегося в историографии некритичного и «вульгарного» мифа о Патриархе Никоне как раз и понуждает не столько пересмотреть, скорректировать и дополнить бытующие авторские позиции, сколько, исходя из документальных, археографических источников, указать на их научно-историческую несостоятельность.

ИОНОВА А.И., д. ист. н., проф. кафедры государственного управления и правового обеспечения государственной и муниципальной службы РАГС.

Я не являюсь специалистом по Православию. В свое время в университете я занималась в семинаре специалиста по русской реформации М.М. Смирина; когда я читала Ваши работы, меня не покидала мысль – возникали некие параллели между Никоном и Мартином Лютером. *Скажите, не кажется ли Вам, что какие-то предреформаторские мотивы все-таки у Никона могли обнаруживаться?*

ШМИДТ В.В.:

Этот вопрос вполне закономерен в перспективе более чем вековой провокации – приписывания русской модели иероавтократии как симфонии качеств то папоцезаризма, то цезарепапизма. Подобные мысли активно бродят-внедряются в общественное сознание (в свое время на это указывал и М.В. Зызыкин), примером тому – работы западных исследований, прежде всего, Дж. Биллингтонаа, среди отечественных – те, которые восходят к идеям Лигарида – Татищева – Соловьева – Каптерева. В данном контексте весьма любопытна книга Библиографической серии 1890–1915 гг. Флорентия Павленкова «Ян Гус. Лютер. Кальвин. Цвингли. Патриарх Никон: Биографические повествования», переизданная издательством «Урал» (Челябинск, 1996), а затем и «Республикой». Как видите – кричащее название! В данном случае необходимо говорить о сформированной традиции, которая восходит не только и не столько к книгоиздательской деятельности Ф.Ф. Павленкова, но более важно – к все той же «раскольническо-старообрядческой» традиции в нашей культуре, которая за Патриархом Никоном закрепляет понятие теократа, реформатора Церкви, разорителя древнерусского благочестия и основоположника церковного раскола.

Социально-культурно-политический контекст образа Патриарха Никона со всей очевидностью указывает на духовную значимость этого времени именно в цивилизационном аспекте, когда на арену жизни выходит сменяющее Средневековье Новое время с его еще пока не а-теистическими, но уже обостренными гуманистическими идеями секулярного антропо- и национально-государственного суверенитета (центризма), взыскующими легитимации через сакрализацию себя, своих сущностных начал. И если в условиях борьбы за национальные суверенитеты религиозный фактор – Церковь с ее богословской и философской мыслью – работают на политико-государственные этно-национальные интересы, то в условиях Третьего Рима как нового Израиля национально-государственные интересы принимают принципиально иной масштаб – трансформируются в экклесио-кафолические. Таким образом, в ряду государственно-церковных деятелей с их предреформационным чутьем оказываются Папа Григорий, Фома Аквинский, Лютер, Кальвин, Цвингли в масштабе европейского этато-антропоцентризма, с одной стороны, а с другой – митро-

[13] См.: *Шмидт В.В.* Никоноведение: библиография, историография и историософия // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2008. № 3–4 (44–45).

полит Макарий, Патриархи Гермоген, Филарет, Никон как утвердители теоцентрической картины мира в масштабе стяжания Святой Руси как духовно-политической преемницы Византийской империи и охранительницы Ромейского наследия в условиях «пременения царств».

Возвращаясь в проблеме, говоря о типологической схожести героев – церковно-гражданских деятелей, какими были Лютер и Патриарх Никон, – в мере допущения и предположения, что в основе их духовных исканий были мотивы максималистского дерзновенно-беззаветного служения Богу, то, безусловно, – да! –параллели возможны. Вместе с тем, стараясь в духовном дерзновении и максималистских умонастроениях увидеть и понять их, нам не следует забывать о различии идей, которые подвигали как Лютера, так и Никона в их усердии: с одной стороны – этно-национальный как национально-государственный центризм, а с другой – кафолико-государственный экклесиологизм.

Вместе с тем, не забудем и об историческом уроке, который также является объединяющим эти две выдающиеся личности, – трагичность социально-политических, духовно-культурологических, институционально-правовых последствий для нации-государства, когда религиозные идеи оказываются использованы политическими силами в политической борьбе. Так, с одной, западноевропейской стороны, состоявшийся перевод на немецкий язык Священного Писания усилил процессы культурно-национального самосознания, политизация которого, как и политизация идеи сакрального породили Реформацию, утверждение которой сопровождалось невообразимыми для Лютера народными страданиями и трагизмом – ужасами социально-политических конфликтов. С другой, русской, – несбалансированная политика церковно-государственных и государственно-церковных интересов и отношений в условиях неоформленной «симфонии властей» при определении и реализации стратегических задач, связанных с ответственностью за судьбы Эйкумены, ее духовных центров и ее наследия при недостаточном контроле политических сил с их ресурсами и идеологической обстановки, при всех значительных достижениях и успехах привели, тем не менее, к непредсказуемому для властей социо-культурному аутизму с элементами социально-политической агрессии значительных групп людей – старообрядцев-раскольников в отношении церковно-государственных институций и дискредитации Патриаршей власти и Патриаршего достоинства.

Таким образом, в данном контексте (т.е. не реформаторском, хотя и несколько напоминающем его предысторию и последствия, поскольку масштабнейшая деятельность Патриарха Никона ни по каким основаниям, критериям не подпадает под определение реформации) мы можем сравнивать Патриарха Никона и основоположников Реформации именно в том, что их идеи были вписаны в политический контекст, их имена как маркеры были использованы самым бесчестным образом, а результатом оказывалось социальное напряжение и конфликты. Это один уровень.

Второй и более глубокий уровень, который, полагаю, Вы также имеете в виду, я бы связывал с ответственностью пастыря за ту дарованную ему Богом паству, блюдение которой, сохранение, наставление и возведение к Граду Небесному д лжно воспринимать как меру крестоношения пастыря. И в этой части собственно политиканства как увлеченности играним в политику ни у одного из наших героев мы не находим, поскольку в их деятельности есть то самое главное, ради чего они были – иметь и всем своим деланием исповедовать ответственность пастыря за судьбы человека в мире и мира во вселенной – ради беззаветного служения Богу. В связи с этим и проявляется как раз то общее, посредством чего их (этих выдающихся в своем роде исторических личностей) объединяют как якобы основоположников социокультурных катастроф, – политиканство, политтехнология и власть имущие политиканы, для которых они есть ресурс, которым, в частности, выступают и их идеи, и их имена, и институции, к которым они принадлежали, и т.д.

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.:

Как Вы думает, насколько от личностного отношения автора зависит объективность создания исторического портрета? Дело в том, что в своей работе Вы указываете самые разные авторские оценки Патраирха Никона, и, как мне кажется, Ваша позиция близка к оценкам митр. Антония (Храповицкого).

ШМИДТ В.В.:

Все довольно просто – от собственной трезвости, критичности и осознания меры ответственности

перед будущими поколениями, а также соблюдения принципа – «не искушай; не навреди».

Не секрет, что наши смыслополагания кореллируются с логическими моделями, которые в основном и зависят от наших умонастроений и смыслополаганий; это довольно четко показал известный отечественный логик проф. В.А. Бочаров в исследовании «Божественные атрибуты» (М., 2003). Работая с суммой идей эпохи и индивида важно понять их соотнесенность между собой – объем представлений в их ретроспективном генезисе и не приписывать им желаемого тебе. Это трудно и, наверное, не всегда удается, но усилия того стоят, поскольку последующие обличат тебя как фальсификатора.

Что же касается моей авторской интерпретации, то она действительно многогранна, поскольку стояла задача представить образ личности. Представлять личность, на мой вкус, более продуктивно посредством анализа деятельностной основы исследуемой личности в рамках, о чем мы оговаривались не раз, именно комплексно-интегративного подхода и, безусловно, с учетом того, что было сделано до нас. В своих изысканиях – приближении ко всякой личности – предпочитаю сосредотачиваться на содержательном аспекте – духовно-душевных качествах исследуемого объекта, поэтому и считаю возможным констатировать, что наиболее основательно, четко и корректно выраженным при характеристике образа Патриарха Никона является мнение владыки Антония (Храповицкого), которое разделяю полностью.

ЛОПАТКИН Р.А., к. филос. н., проф. кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС.

В какой идеологической парадигме Вы работаете и о какой дезавуации идет речь в Вашей работе?

ШМИДТ В.В.:

Прежде всего, обращу внимание на программную статью известных историков Д.Ф. Полознева, Б.Н. Флоря и Я.Н. Щапова в которой констатируется: «При непосредственном участии Патриарха как автора создавались различного рода полемические сочинения, поучения, наставления и обличения, адресованные, вероятно, наиболее образованной части общества. Особое место в обосновании объема церковной власти заняли сочинения Патриарха Никона и памятники церковной литературы, переведенные по его указаниям или вновь включенные в современную книжность. Среди них важнейшим признается "Возражение" Патриарха Никона... Однако ввиду низложения Патриарха его суждения не получили распространения, более того, *"дело Никона" стало опасным для светской власти прецедентом усиления власти Патриарха и связанные с этим делом документы долгое время были недоступны даже научным исследователям...*»[14].

Проводимая в середине XVII в. Патриархом политика институциональной самостоятельности и независимости Церкви от государства была неприемлема для европейских государств и, в первую очередь, для Ватикана, в связи с чем, были предприняты беспрецедентные по своему масштабу в истории Русской Церкви и государства усилия и меры вмешательства во внутриполитическую жизнь, в результате чего глава Русской Православной Церкви был дискредитирован, подвергнут суду, осужден и до конца жизни заточен в монастырско-тюремное смирение. Для придания легитимности судебному процессу и «Судному делу» главы Церкви был организован с участием Вселенских Патриархов Большой Московский собор (1666–1667). С целью сокрытия инспирированной и реализованной антиинституциональной и антиправославной политики собственно клерикального государства в отношении Русской Церкви и ее главы, был задействован ресурс идеологического обличения Патриарха Никона как теократа, посягнувшего на государственную власть, как Первоиерарха, разрушавшего святоотеческую традицию: тайный представитель Конгрегации пропаганды веры Паисий Лигарид по поручению Царя написал официальную историю Большого Московского собора, вариант которой был составлен также и Симеоном Полоцким. Официальные и личные документы досудебного периода жизнедеятельности Патриарха Никона были уничтожены; «Судное дело», документы которого были перемешаны, засекречены, и к нему, в отличие от «Истории...» Лигарида, доступ разрешался лишь по «Высочайшему дозволению»; была развернута масштабная полемическая литературная деятельность в раскольничьей (богомилов-старообрядцев) среде, настойчиво закреплявшая за Патриархом как

[14] *Полознев Д. Ф., Флоря Б. Н., Щапов Я.Н.* Высшая церковная власть и ее взаимоотношения с государственной властью: X–XVII вв. // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. РПЦ. С. 209–210.

единственное и наиважнейшее во всей его деятельности организацию и проведение книжно-обрядовой справы, называя ее «церковной реформой», которая разрушила древнерусско-святоотеческое благочестие и благочиние. Так был сформирован в общественном сознании социально-политический миф, в научно-литературной обработке вошедший в официальную историю и историографию.

Именно дезавуация этих системных мероприятий и конкретных социально-политических явлений – действий как внешнеполитических, так и внутриполитических, обеспечивается в нашем исследовании.

В исследовании мы доказываем, что именно из-за идеологической ангажированности авторов в отечественной историографии до сих пор нет четкого понимания роли и значения Патриарха Никона в истории, его влияния на характер всей последующей социально-политической и культурной жизни как Православной Церкви, так и российского государства, о чем образно говорил Г. Флоровский, «редко кто писал о нем бескорыстно и беспристрастно, без задней мысли и без предвзятой цели»... Все эти споры и пересуды были следствием именно неаутентичной изучаемой предмето-объектной области философско-методологической исследовательской платформы авторов. Чтобы избежать подобной «ловушки», избежать привязки к идеологическим парадигмам, а также ангажированности «модой» современных научных подходов мы предлагаем исходить из аутентичной платформы, о которой сказано выше (а также и в приводимой ниже нашей статье «Патраирх Никон...»).

ПИНКЕВИЧ В.К., д. ист. н., проф. кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС.

В работе Вы вводите неологизм «славяно-русская ортодоксальная система философии». Как он соотносится с предшествующей традицией?

ШМИДТ В.В.:

Когда мы говорим о системе наук и философии как ее части, то должны отчетливо понимать, что появление этой классификации на Руси относят к середине – второй половине XVIII в. Эта классификация соответствовала европейской модели, а у нас была принята в результате всеобъемлющих реформ Петра I без учета тех культурных, научных традиций и достижений, которые уже были выработаны в русской древности и зафиксированы в рукописном наследии, в частности, в философско-богословских сводах – я подробно показываю эти моменты и на текстологических примерах, и приводя библиографические описи.

Отечественная школа истории философии слепо следует европейской, но заходит еще далее и говорит, что в Древней Руси философии не было, а была лишь богословская, в крайнем случае – религиозно-философская мысль. Но на каком основании делаются такие утверждения?

Если мы рассматриваем традицию, которая отражает православную даже поствизантийскую славяно-русскую систему взглядов как картину мира, исходя не из западноевропейских аристотеле-августино-картезие-кантианских рационалистических, а из аутентичных энергийно-ономатических подходов, то в объеме, который традиционно именуют древнерусской литературой и богословием, мы видим детально проработанные комплексы философских и естественнонаучных идей.

Понятно, что философская система как система онтологическая возникает как таковая только тогда, когда возникает представление о Боге – монотеистические парадигмы, без наличия которых говорить об онтологических комплексах не представляется возможным. Это было блестяще продемонстрировано и доказано в одной из последних работ – у Ю.М. Романенко (докт. исследование, опубликованное в 2003 г. под названием «Бытие и естество: Онтология и метафизика как типы философского знания»). Романенко правильно обращает внимание, что именно безпредпосылочная категория – «бытие» – трансформируется в истории мысли и, в конечном итоге, вырождается в «естество», легко заменяемое категорией «материя». Отсюда выстраиваются соответствующие и гносеологические, и аксиологические системы. Выше мы также упоминали о работе В.А. Бочарова «Божественные атрибуты». Все эти исследования не оставляют никакой возможности говорить о том, что в системе православной философии не существует антологических представлений, т.е. нет представлений как о бытии, так и о сущем – т.е. как о соответствующих категориях. Именно богословская мысль (традиция) как раз и ставит вопрос о проблеме гносеологии – т.е. познания «бытийного» как сотворенного и «сущего» как творящего, теургического. Для этого, соответственно, разрабатывается и катафатический, и апофатический методы. И вот

с разработкой и принятием этих методов познания, кстати, с их применения и начинаются, собственно, как гносеология, так и вслед за ней онтология как системные разделы философии.

При всем этом очевиден тонкий момент: рассуждая о креационистских моделях мироздания и соответствующих им картинах мира и системах мысли, прежде всего, исихастских, или реконструируя их, мысль предпринимает попытки понять, что есть причина причин и приводит к той грани, которая разделяет области богословия (теологии) и философии. Вот в этих нелегких исканиях собственно православная система посредством бинарно-триадной модели христо-антропо-центризма и принципа нисхождения-восхождения дает возможность четко и последовательно разделять область богословскую и область философскую. Уровень христо-антропоцентризма, т.е. нисходящий Логос (Бого-Человек) – это область теологии (богословия), а антропо-христоцентризма, т.е. восходящий к Богу логосный Человек (образ для грешного человека с его социальной историей после грехопадения), искупающий-преобразующий себя и мир, свое социальное, – это область антропологии – единой философии как совокупного социо-, полито-, культуро-фюсиса как естественнонаучного знания).

Так что, когда мы рассуждаем о том, что было создано до эпохи великих перемен, до начала XVIII в., и что после – в период рационалистической систематизации, мы не имеем права не то что судить, но и рассматривать-рассуждать без опоры на источники, которые, не глядя на наше «бурное» прошлое, все еще сохранились, но остаются в забвении будто их нет. В этих текстах отражено множество различных тем, которые составляют исключительно отраслевое философское знание, чему примером может служить опубликованное наследие Патриарха Никона.

Рассуждая далее, не забудем, что опыт жизни в антропоцентричной матрице, как подражание просвещенному Западу, с середины XIX в. ставит проблему возвращения к корням – «к античности», одухотворению «рацио», в связи с чем появляются знаменитые работы в области истории литературы А.С. Архангельского, Ф.И. Буслаева, А.И. Соболевского, философской психологии, религиозной антропологии и философии и т.д. С середины – второй половины XIX в. мы пытаемся вернуться обратно, взглянуть на святоотеческое наследие – русскую «античность» и возродить, возможно, все еще доступное.

Отчасти я согласен, что применяемые мной словоформы «славяно-русская ортодоксальная система; ортодокс-славянская система» культурным человеком воспринимаются как некий неологизм, тавтология (на это, в частности, указывает и д-р искусствознания М.Н. Соколов из НИИ РАХ), поскольку Русь – не только славянка по существу, но и имеет общее православное византийско-поствизантийское наследие, пережив балканские и малоросские влияния на свою культуру. Тем не менее, термин «славяно-русский», как на то указывает авторитетный филолог Е.М. Верещагин, является устоявшимся. Что же касается второй части – *ортодокс-славянская система русской философии*, – то это, скорее, попытка выделить тот период истории русской философии, который был до начала XVIII в., до забвения традиций православной умозрительности и умоначертательности.

Я признаю дискуссионную важность этой проблемы, как и говорю о субъективизме в конструировании термина «ортодокс-славянская», который для моего восприятия легче термина «православно-русская», поскольку для меня русская это и есть православная, но для многих русская есть и марксистско-ленинская, и т.д.

ДАНИЛЕНКО Б., к-т богословия, протоиерей, директор Синодальной библиотека Московского Патриархата.

Как известно, персона Патриарха Никона – это своего рода семантический ключ в отношении понимания российской истории. И, конечно же, образ Патриарха Никона привлекает внимание наших современников именно тем, что он являет некую историческую и мировоззренческую парадигму. В своих работах Вы достаточно много места уделяете рассмотрению взглядов наших современников, таких как Дж. Биллингтон и А.И. Солженицын в связи с их оценкой историко-философской схемы, которую явил в свое время Патриарх Никон. Как Вы считаете, насколько актуально в наше время, в частности, в России, когда некоторые направления формационно-исторического развития страны и общества намечены лишь пунктиром, воспринимать персону Патриарха Никона и его идеи как возможную схему развития, или, наоборот, как некую схему предостережения – так поступать нельзя, – имеется в виду, конечно же, в первую очередь, в облас-

ти выстраивания отношений между Церковью и государством, или государством и Церковью (если так более удобно)?

ШМИДТ В.В.:

Да, вопрос непростой, многоаспектный и обусловлен, в первую очередь, моей критической статьей «Дж. Биллингтон и Патриарх Никон: к идеологии американской политики в отношении славяно-россов» на III гл. «Век раскола» кн. «Икона и топор», написанной Джеймсом Биллингтоном в 1963 г. (в русском переводе появившейся спустя 40 лет), который опубликован в журналах «Имперское возрождение» (2007. № 4) и в «ПОЛИС» (2008. № 2).

Благодарю Вас, о. Борис, за актуализацию именно этого направления, тем более, что еще памятно 90-летие восстановления Патриаршества с перспективой его, Патриаршества, последующего испытания в мере пастырской апостасии и ответственного стояния в вере за судьбы Церкви – народа – государства, но также памятования о 90-летии вершины национально-государственной апостасии России – крушении монархии с ее государственными устоями и онтоаксиоответственность в мире, о начале торжества десакрализованного апостасного Бытия с его воинствующим атеизмом и лишением социальной физики (= жизни) ее духовно-исторических корней и основ – метафизики, укорененной в Логосе, что обеспечивалось гонением и уничтожением Церкви как свидетеля Логоса, правоправно Его славящего и правоправного в Его Духе водительствующего – отделением школы от Церкви.

Итак, что делает данный авторитетный ученый – один из крупнейших русистов и весьма известный в мире человек? Какова основная задача? – Показать историю России в ее катаклизмах, а также сформировать представление о том, что же это такое, что за нелепое образование – Россия. И все это, пожалуй, с единственной целью – обосновать идею оправданной борьбы с Россией как одной из мощнейших стран славянского мира – мира православного.

Итак, коротко: Джеймс Биллингтон рассматривает конфликт, который якобы развернулся в XVII в. между Патриархом Никоном и частью общества, которое именуется раскольническим или в последний век – старообрядческим. Настаивая на том, что: первое, Патриарх Никон – теократ, а старообрядцы – фундаменталисты; второе, теократия неминуемо приводит к фашизму, а фундаментализм – к ксенофобии и антисемитизму, экстремизму и терроризму; следовательно, сформированный в XVII в. архетип ортодоксальной (православной) «московитянской» идеологии есть угроза всему цивилизованному миру. Поскольку эту архетипическую для славяно-русской и поствизантийской культуры парадигму изжить невозможно и, более того, эти феномены жизни в целом порождаются Православием, соответственно, окружающий православную Эйкумену мир должен не только это учитывать, но и ради своей безопасности должен бороться с этим наследием. Вот что делает Биллингтон!

Но этого оказывается мало – сформирована лишь научно доказанная идеологическая платформа, которую теперь можно и нужно эффективно использовать. Для ее «разворачивания» призвана диссидентствующая часть самих же русских, в частности, А.И. Солженицын, который выехал из СССР и оказался в США в большом почете и с наградами. Биллингтон и не скрывает этого, открыто говоря на 15-й странице книги, что на Солженицына, как на пророческий голос русских традиций, возлагались большие надежды, которые, правда, не оправдались. Не будем здесь оценивать позиций, в том числе и диссидентов, – почему тот или иной человек принимает те, или иные решения и сообразно поступает. Но когда Солженицын в 70-е годы возбуждает в контексте Хельсинских соглашений вопросы старообрядчества и начинает чернить Русскую Православную Церковь, поскольку та не покаялась за гонения на староверов, и тем влиять на Советский Союз (подобные действия д лжно воспринимать на уровне провокации и угрозы социально-институциональной катастрофы). Так начинается процесс... – Русская Зарубежная Церковь, никогда не ставившая вопрос о старообрядчестве, поскольку там была традиция, представленная, в частности, и митрополитом Антонием (Храповицким), который вслед за Патриархом Никоном как раз и говорил о значимости единоверия, вдруг его возбудила. Реанимация подобного столь противоречивого и далеко неоднозначного социокультурного и церковно-государственного конфликта стала полной неожиданностью и для иерархов РПЦ, и для руководства СССР, тем более что годы советского строя подорвали почти всю, если не обескровили духовную (церковную) жизнь и народа, и Церкви, так что проблема обрядовой символики, как наиважнейшая для века XVII, в конце века XX не могла быть столь

острой. В итоге, во избежание разрастающегося конфликта, РПЦ была вынуждена принять ряд решений о снятии клятв с обрядов и т.д. Так вновь возник вопрос социально-политической активности старообрядчества...

И Биллингтон, и вновь явленный Солженицын, «пророческий голос русских традиций», которые пропагандируют тему Патриарха Никона как теократа и покаяния перед старообрядцами от лица Церкви, – есть олицетворение тех сил, которые направлены на дискредитацию Православия и носителей православных идей в мире. Думаю, очевидно, что за этим следует – и «первые ласточки» уже есть – Югославия, Сербия, Белоруссия со всей палитрой обвинений – от ксенофобского экстремизма до обвинений в диктатуре, к которой осталось добавить лишь обвинения в «фашизме и антисемитизме»...

Таким образом, мы видим, что все эти попытки использования, прежде всего, символов, которые являются неотъемлемыми образами национальной картины мира – социо-культурными, социально-политическими образами и архетипами, – активизируют в общественном сознании разного уровня идеи и моделируют социо-культурно-политические пространства с учетом того, что они легко корреспондируются, взаимозамещаются, но чаще фальсифицируются, поскольку в отношении к ним все еще нет четкого оценочного суждения.

Так что, уважаемые коллеги, становится очевидной значимость мифологизации – демифологизации – ремифологизации социокультурного архетипического образа, от «чистоты» которого зависит корректность социально-политической пропаганды и стабильность общества. Подводя итоги, можно уверенно говорить, что если предложенные и реализовавшиеся в короткий срок патриаршества Никона идеи «симфонии» разделенных властей способствовали преодолению последствий Смутного времени и Русь становилась мощнейшим государством на Евразийском континенте, оказывая активное влияние на политику и духовную жизнь народов, если Русь окончательно осознала себя исторической преемницей Ромейского царства и охранительницей наследия Вселенского Православия, защитницей и государственно-политическим гарантом Православной Эйкумены, сформировала, утвердила модель миропорядка на миссионерско-экклезиологических и ортодоксально-аксиологических основаниях, становясь неотъемлемой частью геополитической картины мира в системе международных отношений, то само собой становится очевидным, что институциональное разделение государства и Церкви, несмешение функций одного института в отношении к другому и их обоих в отношении гражданского общества, идеологическое поддержание реализации основных установок государства и Церкви по обеспечению национального единства и сохранения традиционных духовных и культурных ценностей есть залог национально-государственной мощи.

Из опыта отечественного и зарубежного исторического освоения наследия Патриарха Никона очевидно, что мы все еще не можем остановиться и отказаться от политико-пропагандистской игры с этим цивилизационного характера наследием. К чему приведет нас эта игра – Бог весть.

КОМАРОВСКАЯ Е.П., д. ист. н., проф. Российского государственного социального университета.

Каково Ваше мнение по поводу геральдического сопровождения деятельности Патриарха Никона?

ШМИДТ В.В.:

Действительно, Патриарх Никон был первым и, пожалуй, единственным из русских Патриархов, кто имел герб архипастыря. Речь не идет о современной традиции – традицию Нового и Новейшего времени, когда все, кому не лень, без осмысления своей собственной историчности и соотнесения с собой.

Если мы отстранимся от геральдической символики, устанавливающей-указывающей атрибуты рода, его исторические достоинства, то мы получим набор элементов, соотносимых с миром сакрального. В гербе Патриарха Никона использованы именно такие элементы – их можно подробнее, как и сам герб, рассмотреть на иллюстрации. Как видно, Патриарх вводит свое имя в геральдическую эмблему на двух медальонах, которые удерживаются ангелами. Щит классически разделен на четыре части, в каждой из которых отображены атрибуты архиерейской власти. Их можно по-разному трактовать, но в русле церковной традиции они все однозначно понимают, что зрят образ архипастыря, о чем была и соответствующая надпись: «*Егда печать сию верний сматряем, Велика Пастыря в сем уподобляем*».

Так что, рассуждая о символике патриаршего герба, становится понятным, что этот герб указывает, прежде всего, на главу Церкви – Христа, а через

то и на Патриарха, который есть, по слову Никона, – «образ жив Христов» и который есть Предстоятель Церкви воинствующей – земной. Так, герб – это знако-символическое отражение Церкви и ее Предстоятеля, имя которого в зерцалах может быть заменено именем последующего Патриарха, как и титла на скрижалях святительской мантии.

Я позволю себе продлить ответ и обратить внимание на следующую проблему – условия, в которых создавалась эта геральдическая эмблема. Не будем забывать, что в середине XVII в. Европа выработала понятия национальных государств, суверенитета и т.д., вела активные дипломатические сношения с Московской Русью. Как равный партнер Москва должна была иметь равноценные «протокольные маркеры». Так что, проводя активную внутри- и внешнегосударственную политику, выстроенную на примате власти духовной над светской (это есть незыблемый онтологический принцип, поскольку источником власти есть Бог, и несть власть не от Бога, т.е. власть не от Бога не есть власть, и поскольку воля народа = сердце, которое в руце Божии, а поставляемый помазывается Церковью на царство по избрании народом, то и закон духовный, власть духовная есть первичная), Патриарх Никон в особых, качественно новых геополитических условиях впервые в истории русских государства и Церкви ставит вопрос о разграничении властей и их институциональном разъединении. Здесь я должен упомянуть и тем парировать замечания к-та богословия А. Задорнова (МДА), который в анализе наших выводов применяет нормы канонического права не учитывая национальную традицию, которой как раз Патриарх Никон во многом и обосновывает суть своих решений и поступков. Так что этот герб фиксирует не уподобление институций – Церкви государству, но их онтологическую и социальную не слитность – различие природ. У царского рода есть герб, у государства есть герб и у Церкви этот герб тоже есть. И именно этим гербом в мире дольнем Патриарх Никон еще раз подчеркивает институциональную независимость Церкви и патриаршей власти от власти государственной и воли царской.

АБАКУМОВА Н.А., директор Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим».

Я представляю учреждение культуры – музей, который в силу драматических событий и волею судьбы оказался в стенах уникальной святыни – монастыря Нового Иерусалима – любимого детища Патриарха Никона. Весь наш коллектив, и прошлые поколения наших сотрудников с полной ответственностью несли и несут ту огромную духовную, материальную ответственность за то наследие, которое было вверено в наши руки. В перспективе этого сохранения, я хотела бы заметить, что есть очень много острых моментов, связанных не только с наукой, но и с политикой, с историей прошлой, настоящей и будущей. Это особенно остро ощущаем мы, ежедневно находясь в стенах этого знаменитого монастыря, в месте, где действительно фокусируются исторические, социокультурные проблемы, связанные с уникальной фигурой Патриарха Никона.

В последние годы мы отметили сразу несколько юбилеев: 350 лет со дня интронизации Патриарха Никона, 350 лет со дня основания монастыря, 400 лет со дня рождения и 325 лет памяти Святейшего. И мне хочется отметить, что В.В. (как послушника нашего монастыря мы привыкли называть его Виктор) самым активным и творческим образом принимал участие во всех этих юбилеях и во всех этих событиях, которые нам очень дороги, тем более памятны и своей не простотой.

Ежедневно соприкасаясь с различными людьми, чувствуется эта нота сомнительной неоднозначности в отношении личности Патриарха Никона, обусловленная официальным отношением многих отечественных исследователей к его наследию, что продолжается и до сих пор. Одной своей коллеге из очень крупного музея была вынуждена сказать: «Прошло 350 лет. Невозможно же, чтобы за все беды нашего государства нес ответственность один человек...»[15]. Таким образом, та тема, которая сегодня обсуждается и которую В.Ш., один из самых крупных ученых, а может быть и самый крупный из

[15] *В.Ш.*: Известная последовательница старообрядчества д. филол. н., гл. н. с. ОР ГИМ Юхименко Е. М. в прямом эфире телепрограммы «Православной энциклопедии» на ТВЦ 30.06.07. «Священство и царство в деле Патриарха Никона» все же смягчает свою позицию и на вопрос ведущего прот. Алексия Уминского «Патриарха Никона обвиняют в том, что он один виноват в страшном расколе Русской Церкви, даже сегодня нас всех называют никонианами. Насколько исторически оправдана позиция: во всех гонениях на старообрядцев виноват именно Никон?» говорит: «Конечно, он не может быть ответственным за три последующих века существования разделенной Церкви. Но инициатором был непосредственно Патриарх Никон. Существует его письмо к Константинопольскому Патриарху 1654 г., в котором Никон спрашивает о том,

занимающихся вопросами никоноведения сейчас, причем занимающийся на стыке разных гуманитарных наук, является очень важной, поскольку ее непредвзятое, идеологически неангажированное решение позволит многим и многим людям другими глазами смотреть на наше выдающееся историческое и культурное наследие, на самих себя как живущих в доверии и любви к миру в узком и широком его понимании.

Я надеюсь, что мы и дальше будем сотрудничать с В.В., поскольку нам еще очень много нужно делать, в том числе и в музее, и в патриаршем народопочитаемом монастыре Нового Иерусалима. Я приглашаю всех участвовать в тех научных, культурных и просветительских проектах, которые музей и монастырь сейчас активно развивают.

МУРАВЬЕВ А.В., к. ист. н., ст. н. с. Института всеобщей истории РАН, завуч Духовного училища Московской митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви.

Уважаемое собрание, я должен высказать академическое удовлетворение и радость, что сейчас в отечественном религиоведении начинают появляться серьезные фундированные труды, основанные на работе с рукописями, с архивами, в то время как еще совсем недавно казалось, что наша наука находится в таком упадке, что все труды и многие диссертации защищаются по вторичным, а то и третичным пересказам.

Разумеется, мы как старообрядцы, и как старообрядцы рефлексирующие свое собственное самосознание, с пониманием относимся к тому, что в новообрядческой среде образ Патриарха Никона признается основополагающим. Это совершенно нас не удивляет и не шокирует, и в этом смысле проблем никаких нет. Но, с другой стороны, хотелось бы видеть несколько большую сбалансированность и устранение некоего идеологического перекоса в сторону б льшей объективности. Мне хотелось бы высказать несколько соображений.

Первое. Как вы понимание, мы не можем не прореагировать на попытку пересмотра существующих дефиниций в конфессиональной области. Всем понятно, что термин «старообрядчество» является юридическим и вынужденным термином, и никаких других именований для себя, кроме как «православные христиане», мы не мыслим. Поелику государственной власти, не во времена Николая II, как говорит В.В., а во времена екатерининские предложили этот термин, мы с ним согласились, поскольку он выражает некую социальную единицу. Ведь не будем мы теперь вести, на мой взгляд, бесперспективные дискуссии из-за того, что наше понимание «католический» на самом деле для католиков есть *кафолический*, т.е. *вселенский* и т.д.

Далее. Мне кажется термин «развенчание мифов» довольно опасным, поскольку может привести к нарушению ныне имеющегося некоторого баланса в части религиозного диалога и взаимоприятия.

Как филолог я также не могу не обратить внимания на характерное для многих ученых некорректное употребление термина славяно-ортодоксальная Эйкумена в порядке его написания как Ойкумена, что является неверным, как если бы мы вдруг начали писать феология вместо теология, восходя к греческой транслитерации. В остальном же, я выражаю удовлетворение появлением такого глубокого труда, и надеюсь, что он послужит развитию нашего дальнейшего взаимопонимания.

ШМИДТ В.В.:

Благодарю Вас, уважаемый А.В., прежде всего, за возможность присутствовать в этом мероприятии и за интересные суждения. Многое из сказанного Вами впечатляет, особенно по части не желания пересмотра дефиниций и «развенчания мифов». Но как без этого, если даже в отношении к тому, что есть «старообрядчество» – его феноменальности, наговорено и написано столь великое число нелепиц. Наши философско-религиоведческие и историко-политологические наблюдения свидетельствуют о том, что применительно к явлению и характеру социокультурного и гражданско-политического раскола (от последней трети XVII в. по наст. время) дефиниция «*старообрядчество*»

может ли Поместная Церковь иметь некоторые различия в обрядах. И ответом было, что может, с точки зрения допустимого церковными канонами. Думаю, что можно было бы не столь резко вести дело, к примеру, не трогать двоеперстие и т.д.». Но как и многие из исследователей, пропагандирующих старообрядчество, умалчивают тот факт, что в этом ответе далее говрится о применении мер воздействия на непокорных воле Церкви вплоть до их отлучения.

Далее ведущий спрашивает: Наверное, с Патриарха Никона могло бы быть снято категоричное обвинение в том, что именно он повинен в гонениях на старообрядцев. Как по Вашему? – Это – сложный вопрос, – говорит *Е.М.,* – однозначно ответить на него я затрудняюсь.

или «*староверие*» является не критичной, научно необоснованной и есть не более чем *квазинаучный* и *политический миф*, поскольку: 1) это явление своими мировоззренческими установками и социально-политико-экономическими корнями уходит еще в предшествующий век – и Вам это как историку должно быть хорошо известно; 2) именно проведенная Патриархом Никоном синопсическая унификация богослужебных текстов и обрядов в форме *книжно-обрядовой справы* есть преодоление и «потребление новин» – частных богословских заблуждений, зафиксированных в решениях Стоглавого собора (1551), т.е. *восстановление* именно *древлеправославной* русской как кафоличной *традиции в отправлении обрядов и чинопоследований* – и это Вам как филологу должно быть хорошо известно. Столь же некорректным является отнесение старообрядческих организаций, которые обладают типологическими чертами деноминации, к типу церквей и самоусвоение ими именований, связанных с Русской Православной Церковью – и это Вам должно быть хорошо известно, несмотря на то, что Вы новоприсоединившийся к этой религиозной традиции. Во всяком случае при скрупулезно-документальной работе над статьей «Социальная альтернатива русского старообрядчества» (Социальная реальность. 2007. № 10) эти проблемы должны были натолкнуть Вас на целый комплекс проблем, которые Вы усердно микшируете.

Поскольку старообрядчество не есть тема нашей дисскуссии, а лишь незначительный ее фрагмент, о котором не упомянуть невозможно, то мы и заявляем свою позицию[16] в подходе к данному явлению жизни общества – под «***старообрядчеством***» (общеприн.; раннее – *раскол*, *строверие*) мы понимаем **совокупность религиозных направлений и толков, возникших в русском православии в конце XVI–XVIII вв. как социокультурная и гражданско-церковная реакция на смену политико-правовых и социально-экономических норм патриархального уклада жизни, восходящих к теологумену** (частное богословское мнение) **близкому ереси богомильства и традициям, установленным решениями Стоглавого собора 1551 г.**; *с конца XVIII в. в историографии представлено как явление секстантского раскола Русской Церкви – раскола старообрядчества, связываемого с книжной и церковно-обрядовой справами (так называемой «реформой Церкви») Патриарха Никона.*

ШАХОВ М.О., д. филос. н., проф. кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС.

Мне трудно согласиться с многими из выводов и положений, которые делает, а порой кажется, что и продавливает, В.Ш. Библиография и привлеченный материал поражает, но чем возможно объяснить некоторую избирательность авторского подхода, в частности, практически не анализируются выводы .Ф. Каптерева и Б.П. Кутузова, если только не считать, что игнорирование последнего происходит из-за отсутствия научной квалификации?

ШМИДТ В.В.:

Думаю, что при заявленном подходе достаточно внимания уделено трудам и позиции Каптерева, тем более, что они даются в сопоставлении с Н.И. Субботиным; кроме того достижения Каптерева не игнорируются, а активно привлекаются в виде цитирования. Что касается работ Кутузова, то к ним действительно относится серьезно невозможно: если главным делом жизни человека является регентство, то следует квалифицированно обсуждает проблемы музыковедения – но вместо этого погружается в область истории и теории языка и речи, в которой не осведомлен, реанимируя на все лады «некомпетентную болтовню» века XIX (тем не менее, как и у всякий образованный человек, он высказывает весьма интересные гипотезы и приводит факты).

В дополнение мы вынуждены сделать серьезное замечание по сути полемики вокруг проблем в «старообрядческом науковедении», ярчайшие примеры которого как раз и представляют известные Б. Кутузов, К. Кожурин, М. Шахов и др., рассуждая о книжной справе как реформе, порушившей все древнерусское благочиние, а также величайших глубинах и достижениях «старообрядчества» – его культуры и мысли, восходящих будто бы к разработанным онтологическим и социально-философским аспектам своего мировоззрения.

[16] Надеемся, что работа по демифологизации «старообрядчества» рано или поздно, но будет проведена. Эти попытки делались и ранее, о чем упоминает в труде «Икона и топор» Дж. Биллингтон, и говорит, в частности, и С.В. Румянцева (Ересь Капитона и Православная Церковь в 40–80 годы XVII в. // Религии мира. М., 1984), и информационно-аналитический альманах «Державное слово» (2008. № 2, 3) в своих статьях «Церковный раскол – мифы и реальность», «Двуперстие», и т.д.

Так вот, с целью возразить этой старообрядческой учености и исчерпать их суемудрые домыслы, приведем суждение авторитного историка словесности А.И. Соболевского из его сочинения «Несколько мыслей об древней русской литературе» (СПб., 1903): «Сделанные в Москве в XVII в. переводы показывают, что интересы здесь были не вполне, но в значительной степени те же, что и прежде. Епифаний Славинецкий переводит: Шестоднев Василия Великого, Богословие Иоанна Дамаскина, слова Афанасия Александрийского против ариан – произведения хорошо известные ранее в славянском переводе; Арсений Грек (или кто другой) переводит Вопросо-ответы пс. – Афанасия к Антиоху, существовавшие уже давно в славянском переводе и также помещенные в Макарьевских Минеях, и т.д. Вообще, пересматривая русскую литературу XVII в., переводную и оригинальную, мы можем убедиться, что интересы московского читателя этого столетия по преимуществу те же, что и у его предков, – духовные.

Почему же в XVII в. мы наблюдаем замирание древней русской литературы?

Кажется, дело в языке этой литературы. Как известно, переводы многих произведений греческой литературы, южно-славянские и русские, древнейшие (IX–X вв.) и позднейшие (XIV–XV вв.), – не обладают особыми достоинствами; некоторые из них едва ли были понятны даже самим переводчикам. Пписцы при переписке часто искажали тексты и своими ошибками и описками превращали понятные места в непонятные. Тем не менее многие древние переводные тексты, за исключением отдельных мест (богослужебные книги – минеи, триоди и т.п. здесь не имеют в виду), были достаточно понятны для русского читателя X–XIV вв. Что до оригинальных русских произведений, хотя бы жития Феодосия Печерского, то в их понимании этими читателями мы не имеем основания сомневаться. В XV в. живой русский язык уже настолько изменился и отдалился и от древнего церковно-славянского, и от древнего русского языков, что читатель этого времени мог понимать славянский язык лишь при помощи руководителя. Грамматик и словарей славянского языка не было, но традиция еще сохраняла понимание и древних форм (аориста и т.п.), и словарных особенностей. Читатель в недоуменных случаях должен был справляться у «ведущаго» и уже при его помощи проникать в смысл текстов. В XVI в. при дальнейшем изменении живого русского языка и ослаблении традиции, московский читатель стал уже затрудняться при чтении многих из тех памятников, переводных и оригинальных, которые были написаны на славянском языке. Отсюда такие заявления, как у Курбского. Последний был почитателем и любителем славянского языка, и тем не менее у него о Богословии Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха мы читаем, что это произведение «ко выразумению <пониманию> неудобно и никомуже познаваемо <ни для кого не понятно>». Конечно, наиболее непонятными представлялись древнейшие тексты, изобиловавшие и древними формами, и особенными словарными данными, а тексты сравнительно позднего происхождения, т.е. переведенные в XIV в. (Маргарит Златоуста, сочинения аввы Дорофея, Диалектика Иоанна Дамаскина и др.) с поздним славянским языком, понимались до некоторой степени. В то время как первые уже почти не существуют в Москве в XVII в., последние продолжают свою жизнь и с некоторыми исправлениями печатаются в этом столетии – они даже имеют успех и выдерживают по несколько изданий (слова дьячка в 1-й сатире Кантемира, который хвалится: «В Златоусте не запнусь, хоть не разумею», – могут относиться и к Маргариту, и к изданным в Москве в 1664 и 1665 гг. «Беседам» Златоуста на Евангелия).

Если бы в Москве XVI–XVII вв. оказались люди способные поновить славянский язык древних текстов, сделать его более понятным для читателя того времени, можно было бы с уверенностью сказать – древняя русская литература не так бы скоро уступила место новой и не так бы решительно стушевалась перед последней; но за дело исправления в это время никто не решился взяться, а переводчики, как Арсений Грек, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Евфимий и др., слишком гнались за буквой оригинала и мало заботились о ясности своих переводов. Федор Поликарпов, которого никак нельзя заподозрить во вражде к славянскому языку, так «доносил» Синоду о переводе Епифанием важнейших святоотеческих творении: «Книга Григория Богослова Назианзина с прочими, иже в ней, *преведена необыкновенною славянщизною,* паче же рещи – еллинизмом, и за тем *о ней мнози недоумевают и отбегают»* (ЖМНП. 1894. № 9. С. 31 – ст. Браиловского). Тредьяковский, который в юности «не только писывал, но и разговаривал со всеми» на славянском языке, в предисловии к переводу «Езды на остров любви» заметил: «Язык

славенский в нынешнем веке у нас *очень темен* и многие его наши, читая, не разумеют». «Невразумительность» переводов Арсения Грека, Симеона Полоцкого и Евфимия для их современников также не подлежит сомнению. Словом, новые переводы с разных языков в Москве XVII в. не могли найти себе читателя и обновить замиравшую древнюю русскую литературу; они погибли вместе с нею.

То, что произошло в Московской Руси в XVII в., в юго-западной Руси имело место столетием раньше. Здесь падение традиционного понимания славянского языка было в полной силе уже в XVI в. Во второй половине этого столетия и в начала следующего слышатся голоса о непонятности для юго-западно-русского читателя славянских текстов, и появляется целый ряд произведений на юго-западно-русском (белорусском) языке. Если списки древних славянских текстов XVI в. юго-западно-русского происхождения дошли до нас в ничтожном числе, то их списков XVII в., можно сказать, не существует. Юго-западно-русские ученые этого времени, за редкими исключениями, как Захария Копыстенский, совершенно не знают этих произведений и пользуются в силу необходимости их греческими оригиналами и латинскими переводами. В юго-западной Руси XVII в. древняя русская литература была в том положении, в каком она оказалась в Москве после Петра – она уже почти не существовала. Здесь в это время был *средний период* русской литературы, слабо связанный с периодами предшествующим и последующим, соответствующего которому не было в Москве и который продолжался до половины XVIII в., когда южная Русь приняла из Москвы ее новую литературу, начав ее же новый период».

Так что, было бы неплохо, если бы рассуждая о столь тонких предметах, и Кутузов, и Шахов, и иже с ними потрудились познакомиться с уже имеющимися в историографии отраслевыми достижениями.

военные науки

АННЕНКОВ В.И., д. воен. н., проф. кафедры государственного управления и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России.

Эпоха Патриарха Никона во многом определила вектор развития России и продолжает влиять на современную ее жизнь, т.к. в то время были сформированы основные архетипы картины мира. Роль и значение Патриарха Никона в истории России, его наследия для славяно-русской жизни велики, однако образ Никона оказался мифологизированным. Его демифологизация и результаты глубокого анализа его наследия могут служить основой для адекватного развития русского православного самосознания и осуществления формационных трансформаций без регресса национально-государственной мощи.

Необходимо отметить, что понимание специфики «Бытия» и функционирования национальной картины мира является духовно-культурной основой национально-государственной мощи, обеспечения национальной безопасности и формирования общественно значимых идей. В связи с этим, исследования вопросов, касаемых личности и деятельности Патриарха Никона, а также его наследия, являются актуальными и весьма своевременным для развития сегодняшней России.

Отдельные положения работ В.В., как мне представляется, имеют большое значение для решения вопросов обеспечения национальной безопасности современной России, поскольку на основе полученных результатов можно констатировать, что: 1) невозможно обеспечить существование и развитие Российского государства без сохранения и развития славяно-русского социокультурного архетипа, традиционно русской системы воззрений, основанной на святоотеческих представлениях о «бытие» и «сущем», а также противодействия идеям гуманизированной культуры католического типа и секулярно-прагматической культуры протестанского типа; 2) при геополитическом столкновении государств (цивилизаций) ведется безкомпромиссное противоборство во всех сферах человеческой деятельности, при этом основными объектами воздействия становятся духовная составляющая нации, национальные ценности, национальный образ жизни, культура; мониторинг и противодействие таким воздействиям являются определяющими для современной России в свете ее безопасности; 3) без прошлого нет будущего, поэтому демифологизация образов исторических личностей и представлений об исторически значимых событиях представляется важным фактором для обеспечения сохранения и развития Русской цивилизации и Православия.

Особый интерес также представляют выявленные положительные и отрицательные моменты отечественного социокультурного мифотворчества, а также определенный и сформулированный ком-

плекс проблем, связанных и моделью институциональных взаимоотношений государства, Церкви и общества.

Думаю, в дальнейших исследованиях подобного рода целесообразно обратить внимание на разработку вопроса обеспечения национальной безопасности России за счет проведения духовно-идеологической политики, использующей ресурсную базу Церкви (Православия), так как последняя имеет сильное влияние на международные (региональные) отношения.

искусствоведческие науки

СОКОЛОВ Н.М., д-р искусствоведения, заслуж. деятель искусств России, гл. н. с. НИИ Российской академии художеств.

Работа В.В. «Демифологизация...» (ее автореферат) поражает своей масштабностью, – признаюсь, что я впервые употребляю в такого рода отзыве слово «поражает», поскольку большая часть текстов в более близких мне гуманитарных дисциплинах, т.е. в различных отделах истории искусств, на фоне этого реферата кажутся мелкотравчатыми и компилятивными. Автор (о чем можно судить по «титаническому» списку публикаций) не только подымает колоссальный пласт архивных материалов (отчасти еще практически не вошедших в активный научный оборот), но и достаточно интересно концептуализирует данные материалы, вводя их в русло современной философии истории и современной культурологии. Отдельные места могут показаться спорными и зачастую терминологически усложненными, даже терминологически вычурными и все равно не хочется критиковать эти частности, поскольку сделано самое главное – духовное наследие Патриарха Никона на наших глазах перестает быть лишь одним из эпизодов мировой истории, чем-то исторически частным или даже провинциальным. Оно зримо вырастает, занимая свое законное эпохальное место, и Никон становится для уяснения исторических судеб православия фигурой столь же ключевой, какой Фома Аквинский является для католицизма, Лютер с Кальвиным для протестантского мира, а Ницше с Фрейдом для модернизма. После чтения реферативной работы Шмидта мне хочется, перефразируя Флоренского (его слова о «Троице» Рублева), воскликнуть: «Был Никон, значит есть православие»!

Многие писавшие о Никоне страдали ярко выраженной сектанской ограниченностью – просветительской, либерально-интеллигентской, старообрядческой и т.д., но теперь, благодаря В.В., мы получаем весомые аргументы против этого сектанства. Никон – это русский XVII в. в самых лучших и провиденциально самых жизнестроительных его качествах.

Каждое крупное и яркое историко-философское исследование вызывает массу вопросов, иначе оно не было бы ни крупным, ни ярким. Остановимся лишь на трех пунктах, вызывающих у нас особые сомнения. Во-первых, мы никак не можем согласиться с тем, что «богословская вербализация» начинается на Руси лишь с XVI в. А что митрополит Иларион, Феодосии Печерский, Кирилл Туровский или Епифаний Премудрый (если назвать лишь минимальное число имен) недостаточно «вербальны»? Не следует выделять в качестве богословия лишь философский дискурс, тогда ведь и от Никона почти ничего не останется, он ведь не был философом.

Во-вторых, коробит глаз эпитет «славяно-русская» по отношению к философии и цивилизации. Логичнее было бы употреблять (по вкусу) понятия «российская», «русская», «русская православная» или «поствизантийская», иначе мы впадаем в совершенно ненужную этнографическую путаницу. Все-таки нужно придерживаться парадигмы «нация-государство», а не «нация-племя». Мы ведь не называем французскую цивилизацию «галльско-французской». Не надо забывать, что Россия – это непреложная историко-политическая реальность, а «славяне» (не с этнической, а с политической точки зрения) во многом романтико-позитивистский миф XIX в.

В-третьих, для меня как для историка искусства очень не хватает здесь эстетики Никона, эстетики, имея в виду конкретный художественный вкус, необычайно передовой для русского XVII в. и парадоксально уживавшейся у Патриарха с нетерпимостью к конфессионально-чуждым художественным явлениям, ведь именно благодаря Никону по сути возникло русское барокко. В.В. это все, несомненно, прекрасно известно, и мы полагаем, что тут для соответствующих экспликаций просто не хватило места.

ЗАБОЛОТНАЯ Н.В., д-р искусствоведения, проф. Российской академии музыки им. Гнесиных.

В истории отечественной культуры не только фигура Патриарха Никона, но и сложившийся спектр

оценок его деятельности постоянно притягивают взгляды многих поколений исследователей, порождая множество противоречивых суждений, которые зачастую уходят от объективной исторической картины в область умозрительных построений, потому не вызывает сомнений актуальность заявленной темы, и В.В. настаивает не только на комплексном исследовании наследия Святейшего, но и на первостепенном значении его полномасштабной демифологизации. Такой подход отвечает задачам современной науки и несет важный историко-культурный потенциал. Трудно переоценить серьезность задач исследований, которые осуществляет В.В.

Опираясь в качестве фундамента работы на большие группы исторических материалов, документов и публикаций, он делает особый акцент на освоении подлинных рукописных источников, при этом, вводя в контекст своих исследований широкий круг публикаций, относящихся к различным периодам и направлениям общественной мысли, изучает их как целостный феномен – и не только систему взглядов Патриарха Никона, но и бесконечно разросшуюся сферу ее интерпретаций, порожденную потребностями разных политико-исторических периодов. Благодаря этому читатель имеет возможность следовать за автором, мысленно воссоздавая в процессе чтения сложные процессы социокультурной динамики.

Отдельно подчеркнем, что в процессе многолетних исследований В.В. был тщательно освоен (причем в значительной мере – впервые выявлен) широкий круг архивных материалов и документов, касающихся наследия Патриарха Никона. Благодаря прочной опоре на комплекс источниковедческих и историографических материалов, В.В. удается многосторонне осветить роль Патриарха Никона в социокультурной ситуации перехода к Новому времени, проследить то, как и почему складывалась динамика трактовок и оценок его деятельности. Более того, комплексный подход к предмету, органически присущий его исследованиям, позволяет фокусировать внимание на узловых моментах, предлагать свои интерпретацию такой ситуации и выработать панорамный взгляд на наследие Патриарха, которое рассматривается в преемственной связи с системой славяно-русской религиозно-философской традиции, в широком общественно-политическом и историко-культурном контексте.

Единые принципы интерпретации материала позволяют читателю, вслед за автором, обратиться к глубинному слою истории культуры, погрузиться в проблематику органичного развития отечественной религиозно-философской традиции, задуматься о коренных ее чертах. Учитывая все это, можно утверждать, что разработанные В.В. методы и научные положения, бесспорно, будут востребованы в различных научных областях, в том числе, в культурологии, искусствоведении, истории и историографии. Выявленный круг перспективных науковедческих и общекультурных вопросов, ожидающих дальнейшего изучения, чрезвычайно привлекателен, что, безусловно, порождает импульсы для дальнейшего движения исследовательской мысли.

КРУЧИНИНА А.Н., к-т искусствоведения, заслуж. деятель искусств России, проф. Санкт-Петербургской государственной консерватории (академии) им. Н.А. Римского-Корсакова.

В конце XX – начале XXI в. в отечественном гуманитарном знании происходит интенсивный процесс переоценки устоявшихся мнений, суждений, концепций. Эти явления наблюдаются, прежде всего, в исторической науке, в философии, культурологии, и, как отражение достигнутых результатов, в филологии, искусствознании, музыковедении.

Новые установки исследователей базируются на расширяющейся источниковой базе. В научный оборот введен обширный круг публикуемых исторических документов, памятников литературы и искусства. В результате даже известные культурные артефакты, бывшие неоднократно предметом обсуждения, получают новую интерпретацию. Поле научного поиска представляет собой пульсирующую Вселенную, вбирающую в себя полный круг дисциплин гуманитарного цикла. Комплексность, широта, свобода от идеологем прошлого, смелость и увлеченность исследователей создают предпосылки для формирования в будущем новой, непротиворечивой историко-культурной концепции Русского государства, отражающей этапы его становления и развития.

Новый уровень осмысления исторического прошлого позволяет иначе взглянуть на события настоящего, особенно, если речь идет о переломных эпохах в жизни страны. Осмыслению одной из переломных эпох русской истории и посвящены работы В.Ш. «Магическим кристаллом», сквозь который изучается эпоха, показывается личность Патриарха Никона. Автор ставит своей целью восстановить историческую справедливость, представив в работах

подлинный масштаб деятельности одного из ярчайших культурных, государственных, церковных вершителей истории России середины XVII в.

Впервые в научной литературе дан исчерпывающий анализ источников и научной продукции, связанной с Патриархом Никоном. В.Ш. определил, что отношение к Никону и оценка его деятельности в современной науке базируется на сложившихся еще в полемической литературе конца XVII–XVIII вв. представлениях, искажающих реальную историческую картину. В связи с этим и вводится термин «демифологизация».

Работы В.Ш. представляют собой комплексное исследование разнообразного круга источников, и, прежде всего, наследия Святейшего Никона, которое изучается в контексте религиозно-философской мысли и социально-исторической жизни русского общества. Впервые автор определил причины дискредитации Патриарха, а, в связи с этим, и виновников как осуждения и заточения Никона, так и последующего раскола Православной Церкви. В.Ш. возвращает образу Никона величие, монументальность, рассматривая его жизнь как образцовое житие мученика за Веру, Церковь и Отечество. Особенно следует отметить анализ философской концепции наследия Никона, данный в контексте славяно-русской системы философской мысли.

Можно много говорить о достоинствах этих работ, где дается представление о плане, путях исследования, установках и конечных выводах. Однако масштаб заявленных проблем, разнообразие подходов, широта социо-культурного фактора позволяют считать, что целостная картина эпохи может быть воссоздана все же усилиями многих (а не одного) ученых.

Деятельность В.Ш. в области изучения и демифологизации Патриарха Никона не имеет себе равных по интенсивности издательской и организационной работы: В.Ш. является постоянным участником конференций и других научных проектов, но и инициатором самых смелых и неожиданных начинаний, направленных на изучение личности и трудов Патриарха. Его идеи необычайно вирулентны. Так, в музыкальной медиевистике, начиная с XIX в. и до выхода в свет исследований В.Ш., существовало устойчивое суждение о разрушении Патриархом Никоном традиций древнерусского певческого искусства, однако реальные рукописные источники с середины – конца XVII в. не соответствовали этой концепции, но она все же принималась как аксиома, не требующая доказательств. Работы В.Ш. заставили исследователей иначе взглянуть на проблему и определить реальный вклад в певческую культуру, сделанный Патриархом.

Однако не со всеми мнениями В.Ш. я могу согласиться: прежде всего, с оценкой значения Стоглавого Собора, а также с негативным отношением к старообрядчеству. Для древнерусского певческого искусства решения Стоглава явились стимулом в создании свода церковных песнопений, включавшего полный круг русских памятей, всю Студийскую гимнографию и целостность монастырского богослужения. Старообрядцы поморского согласия сохранили эту полноту в своих рукописях, записав напевы нотацией с киноварными пометами, введенными при жизни Патриарха Никона. Каждое историческое явление многогранно, и взгляд исследователя должен быть целостным. Именно тогда и будет достигнута та историческая справедливость, которую восстановил в отношении Патриарха Никона В.В. Шмидт.

ВАСИЛЬЕВА Е.Е., к-т искусствоведения, доц. кафедры народного творчества и фольклора Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства.

Поставленная тема многозначна, в заданной ею структуре каждый уровень по-своему актуален. «Бунташный» XVII в. продолжает оставаться загадочным для историков, искусствоведов, лингвистов, занимающихся проблемами русской истории и культуры. Сложность парадоксальным образом состоит не в отсутствии свидетельств и материалов, но в их относительном изобилии, к которому не подобрать ключа. Невыработанность позиций, отсутствие последовательных представлений о взаимодействии и конфликтах в области этнических, конфессиональных, государственных отношений до сих пор сказываются в несогласованных оценках, в произвольном перенесении границ того или иного явления. При этом интерес отнюдь не ограничивается дискуссиями академического порядка (их-то как раз и не хватает) – проблемы XVII в. транслируются в XXI, оказывают влияние на современные процессы, и, в свою очередь, насущные политические интересы воздействуют на толкование истории.

Заявленный В.Ш. «опыт демифологизации», отнесенной к личности и наследию Патриарха Никона, более уместен. Сложный, подвижный

рельеф событий на протяжении веков скрыт за лапидарной картинкой, общим местом истории. Проникнуть сквозь него в поисках истины нелегко. Сочувствие к гонимым и «несчастненьким», ощущение своего родства с церковными диссидентами в разное время препятствовали становлению объективной оценки или хотя бы стремлению к ней. Дело не только в нравственной стороне проблемы (нравственно, прежде всего, стремление к истине). Ради сохранения мифа о расколе смещенными оказываются время и события: жестокость по отношению к раскольникам общепринятое мнение закрепляет за Патриархом Никоном, но эти действия начали те, кто его судил и сместил; справы (реформы, если это кому-то привычнее) книжные и уставные также привязываются к его имени, но начаты они были веком ранее; его же действия и вкусы считают причиной кардинального стилистического перелома в литургической музыке, который произошел поколением позже. Словом, *монументальный образ Патриарха Никона служит плотиной, запирающей историю*.

Исследования В.Ш. возвращают к реальности. Обзор и систематизация литературы дают представление о неравных по объему частях: обширнейшая из них описывает негативный, «демонизированный» образ Патриарха, причем «исследователи, – говорит В.Ш., – работавшие в парадигме критического направления, обращались лишь к факту состоявшегося суда, а не к сущностной стороне – собственно деятельности патриарха Никона... не обращались к позиции и мнению самого Патриарха»; противоположная, апологетическая часть литературы не оставляет пределов языка и аргументации житийной, она требует истолкования. Собственно научные исследования немногочисленны, сосредоточены на осмыслении источников. В этом направлении обсуждаемые сегодня исследования В.Ш. делают значительный шаг – они основаны на обширной источниковедческой базе, причем значительная часть источников отыскана, обработана и опубликована автором (объем выполненной источниковедческой работы поражает).

Методологические основания работ многообразны: неожиданное до парадоксальности соединение кропотливого анализа исторических источников с выявлением философской системы, описанием богословской системы, выявлением философской концепции, политических и дипломатических тенденций. При этом остается впечатление, что существо дела (т.е. сути воззрений Патриарха, их включение в систему представлений о политике, т.е. истории, творимой в днях), на мой взгляд, все же не достаточно прописано. Об этом приходится догадываться, сопоставляя терминологические ряды, щедрой рукою введенные из различных областей. Возможно, краткость тому виной, но в опубликованном тексте соединение этих подходов еще не принесло значительных плодов. Так, описание философской системы вряд ли можно свести к глаголическому алфавиту [«славяно-русский алфавит (язык) задает оригинальную модель картины мира, конституируя ее содержание»]. Более разумна опора на систему языка в его историческом развитии (в этом плане надежный фундамент создают исследования В.В. Колесова). Эстетическая составляющая ортодокс-славянской философии, по справедливому суждению автора, принципиально важна. В связи с этим хотелось бы проследить историю не только монументальных форм (в созидании монастырей), но историю иконописи, в которой Патриарху, по расхожему мнению, отводится роль нарушителя традиций. Как соединить строгое следование иконописному канону и самой идее иконичности (напомним приведение Иверского образа Богородицы, который стал одним из палладиумов Московского царства) и допущение портретного изображения в иных формах живописи? Мифологизированное сознание, реализующее себя в оппозициях, не может освоить такой более сложной структуры.

Аналогичная картины сложилась и в области музыкального и поэтического искусства, которые используют тот же штамп разрушения, коренной ломки традиции. Стилистический сдвиг, перемена форм – вне индивидуальной воли и выше единичного замысла. В те же времена происходит смена музыкального стиля в Западной Европе (от полифонических форм к классицизму, наглядный пример чему являют творчество двух поколений семьи Бахов), которую не принято трактовать столь прямолинейно. Дело Патриарха и его учеников было сложным: запасти, как в ковчег, все звучавшее, собрать все стили и формы роспева; приготовиться к новому, не ставя ему препятствий, испробовать и проращивать новые формы ради воплощения сути предания. Непонимание этого процесса, нежелание его проявить искажает картину развития русского искусства, не оставляет в ней места для первой композиторской и поэтической школы Нового

времени, каковая сложилась в монастыре Нового Иерусалима. Сходные процессы происходили в области богословия и особенно литургики.

Специфика исследований В.Ш. в том, что освобожденные от груза искажений проблемы разрастаются, отчего возникает множество вопросов. В заключение считаю необходимым еще раз отметить актуальность обсуждаемой темы, ее мощную источниковедческую базу, умелое сопоставление данных и методик различных научных дисциплин, что, несомненно, послужит развитию исторической науки, искусствоведения, философии.

КОЛЬЦОВА Т.М., к-т искусствоведения, заслуж. работник культуры России, зав. отделом древнерусского искусства Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера»; доц. кафедры теории и истории языка, литературы и культуры Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Время Патриарха Никона, в истории России является важным этапом в развитии общества. Роль и значимость фигуры этого великого преобразователя долгое время оставались вне пределов систематического научного изучения. В то же время исследование наследия Патриарха Никона является крайне актуальным в наши дни, так как именно этот период жизни российского государства во многом предопределил дальнейшие исторические процессы, особенно в период перехода от Средневековья к Новому времени. В то время формировался новый исторический опыт России по поддержанию национально-государственной безопасности и утверждению перспектив международных отношений. Глубокие исследования и знания о времени Патриарха Никона существенно влияют и обогащают нашу современную жизнь с ее многоплановыми духовными усовершенствованиями.

Работы В.Ш. опираются на широкую источниковедческую базу – это и архивные данные о Патриархе Никоне, и его жития, и литературные сочинения собственно Патриарха, привлекаются и литературные источники, в том числе мемуарная литература (впервые сделан столь подробный обзор материалов и документов, посвященных Никону). Исследование «Демифологизация...» объединяет все существующие к настоящему времени литературные источники и впервые дает полное, всеобъемлющее представление о Патриархе Никоне как исторической личности, его месте и роли в отечественной социально-политической истории, а также о его наследии – системе религиозной, философской мысли в контексте истории культуры.

Очень важно, что для решения поставленных задач автор наряду с традиционными методами исследования религиоведения и философии культуры, использует опыт и достижения науки в смежных областях знаний: истории архитектуры, искусствоведения, культурологии, филологии. Это очень перспективный путь, который позволяет быть объективным в раскрытии поставленных задач в их совокупности.

Существенным фактором является то, что основные авторские выводы сделаны на основании новых открытий: впервые привлеченных письменных источников и введенных в научный оборот литературных произведений; в сферу исследования включен значительный круг исторических документов, памятников архитектуры и искусства; дан обширный справочно-библиографический и источниковедческий материал, который важен для широкого круга исследователей и является большим вкладом в отечественную науку.

Мне довелось работать под руководством В.Ш. над фундаментальным изданием «Патриарх Никон. Труды» (М.: Изд-во МГУ, 2004). Стоит отметить, что В.Ш. обладает даром прекрасного вдохновителя и увлеченного организатора, умеющего собрать вокруг себя соратников-исследователей. Он инициировал ряд конференций и изданий трудов, посвященных Патриарху, благодаря которым фигура Никона вновь обрела для России большую значимость.

исторические науки

АБАКУМОВА Н.А.: представляю отзыв на исследования В.Ш., подготовленный сотрудниками нашего Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим» Е.И. РОГОЖКИНОЙ, к. ист. н., ученым секретарем музея, и З.П. МАЙБОРОДА, к-том искусствоведения, вед. н. с. музея.

Современное Российское государство и общество пребывают, пользуясь удачным термином автора, «зажатыми» между социализмом и скороспелым капитализмом с туманными перспективами. Россия в очередной раз переживает переходный период, в процессе которого меняются не только базисные элементы государства и общества, но все устои и нравственные нормы.

В этих условиях представляется результативным обращение к опыту российской истории XVII в. – сравнительно близкому к нам по времени периоду, когда за короткий срок в результате эволюционных процессов произошли поистине тектонические сдвиги в жизни Московской Руси. Тогда, как и сейчас, для государства и общества жизненно необходимым стал поиск социально-политических и культурных ориентиров, иначе говоря, соответствующей текущему моменту идеологии.

Из истории XVII в. мы знаем, как трудно шел этот процесс, с какими драматическими коллизиями сталкивалось Московское правительство на этом пути. Помимо объективных трудностей, проистекающих из противоречий эпохи (остатки средневековой идеологии и тенденции новой эпохи), сложность проблемы заключалась в том, что сама по себе идеология представляет собой комплекс представлений, больше относящихся к области верований, нежели знаний (некоторые исследователи определяют идеологию как систему представлений – образов, мифов, идей и понятий, – наделенную самостоятельным существованием и исторической ролью в рамках конкретного общества).

В центре этой эпохи стоит колоссальная фигура Патриарха Никона, связанная своей ролью и драматичностью судьбы с противоречиями российской действительности этого времени.

В общественной и зарубежной историографии в течение трех столетий сложился, вопреки прямым и косвенным данным, неисторический идеологизированный образ Патриарха, не проявленный ни в нравственном и, как ни странно, ни в идеологическом отношении. В связи с этим считаем исследование В.Ш., посвященное проблеме демифологизации образа Патриарха Никона и его наследия в русском историческом и культурном контексте, своевременной и отвечающий на запросы сегодняшнего дня.

Важно отметить, что исследование на заявленную тему предпринимается впервые и является первым в гуманитарной сфере систематическим междисциплинарным исследованием, строго научным по широте охвата источников и литературы, по уровню анализа, по примененным в исследовательской работе методикам. Важное место в работе (особенно ценное для практической работы историка XVII в., например, работающего в музее) является анализ источников, особенно материалов «Судного дела» Патриарха Никона. Предпринятый автором скрупулезный анализ «Дела» имеет особую ценность, т.к. осуществляется, вообще впервые, если не считать трудов Н.А. Гиббенета. К анализу источников примыкает обширная историография, включающая обзор не только отечественной литературы, но и зарубежной, что особенно ценно, т.к. в большинстве своем она малоизвестна.

Очень интересен материал, посвященный историко-психологической реконструкции личности Патриарха Никона. Обращает внимание мысль автора, что при работе над реконструкцией личности человека, в том числе и верующего, особенно монашествующего возможны идеалистические подходы (для этого необходимо разработать понятийно-категориальный аппарат). Мы целиком согласны с мнением В.Ш., что наиболее объективную и адекватную характеристику Патриарха Никона дает митр. Антоний (Храповицкий): «У Никона была нежная, мягкая, любящая душа. Это не был властолюбивый и жестокий человек Лигарида, Каптерева, Соловьева». Патриарх Никон был поистине воином Христовым, больше всего пекущимся о славе Божьей – об этом говорят не только сочинения Патриарха, но и его архитектурное наследие.

Вместе с тем, не можем не отметить, что автор, на наш взгляд, переоценивает роль европейского вмешательства во внутриполитические дела Московской Руси. Согласно его концепции, церковно-государственный конфликт и смена политико-идеалистической доктрины «Москва – третий Рим» идеологией этатоцентризма, дискредитация Патриарха Никона с последующим его осуждением и заточением стали результатом вмешательства внешних сил. Нам думается, что дело не столько в иностранном вмешательстве (хотя и оно, видимо, имело место, как это до сих пор происходит в международной политике), сколько в новом устройстве мира, отчетливо ушедшего от Средневековья. Средневековый мир имел свою, сугубо феодальную систему устройства. Период Новой истории начался формированием национальных государств в Европе с национальными монархиями, о чем В.Ш. не забывает, и в этот процесс с неизбежностью включилась и Московская Русь (как сейчас в глобализацию). Как член Московского правительства, Патриарх Никон своей политической доктриной оказался обращенным к Средневековью, а Царь Алексей Михайлович и его окружение оказались более гибкими политиками – изменив идеалам молодости, они пошли по европеоцентристскому

пути, скорректировав вектор развития страны, как то справедливо подчеркивает В.Ш.

Что касается архитектурного наследства Патриарха и, прежде всего Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, то оно не поддается однозначной оценке. В истории русской культуры Воскресенский монастырь Нового Иерусалима занимает особое место. Памятник переходного времени – середине – второй пол. XVII в., он является своего рода завершением средневековой эпохи русского зодчества, но в еще большей мере он обращен к культуре Нового времени.

Строительство Патриарха явилось материальным воплощением развернувшейся перестройки русских церковных норм «по греческим образцам». Явное сближение с православным Востоком, бывшими польскими и присоединенными к России территориями диктовали необходимость создания нового центра этой международной политики (это подтверждается и интернациональным составом братии Никоновых монастырей). Теоретической же основой этой политики была идеология, которую В.Ш. непосредственно увязывает со славяно-русской ортодоксальной философией, базирующейся на принципах христоцентризма и кафолического экклесиологизма.

Историческая и литературная традиция связывает Новый Иерусалим исключительно с личностью Патриарха Никона. Это абсолютно верно, т.к. только Патриарху, его воле, колоссальной энергии, его финансовым средствам, его трудолюбию, наконец, тонкому художественному чутью обязан этот необыкновенный памятник. И при этом монастырь Нового Иерусалима, можно (хотя и с некоторой осторожностью) считать памятником новой эпохи – эпохи барокко. И в данном смысле вполне понятно, почему В.Ш. практически не затрагивает в своем исследований проблему эстетики Патриарха и его эпохи – она еще не выражена в категориях, а имплицитна миру, каждому явлению, объекту этого мира – в православии, в отличие от западноевропейской религиозной и философской традиции, она имеет совершенно иное значение и звучание – она коренится в исихии, проявляется «в ужасти», т.е. в тихой немощной оторопи созерцания преизобилующего Бога – Красоты как Любви, а в Любви сосредоточена вся полнота красоты, являющей в мире дольнем образы Горнего.

Определяя стиль барокко, исследователи подчеркивают его социальную функцию. Это – «художественный стиль торжествующий централизованный национальной монархии». Новая эпоха мечтала о колоссальных рассудочно спланированных, с максимальным декоративным эффектом выполненных строительных ансамблях, но таких ансамблей на Московской Руси еще не было.

Говоря о комплексе монастыря Нового Иерусалима, вполне можем привести его, – что и делает В.Ш., – в качестве такого единственного для своего времени комплекса, выстроенного по единому, строго выверенному плану, с подчеркнутым центром, к которому устремлено все, ради оформления которого преображается ландшафт, деформируется и меняется пространство, изменяются названия. В будущем еще более грандиозным примером трансформации природы ради идеи станет постройка Петербурга.

В определенной степени Новый Иерусалим Подмосковной (Русской) Палестины можно с осторожностью назвать памятником раннего русского абсолютизма, созданным на церковной почве. Так, этот грандиозный памятник эпохи и эпохе Патриарха Никона, как точно замечает В.Ш., есть, прежде всего, памятник, свидетельствующий о незыблемости Православия в мире тех ценностей, которыми преображается весь мир, следуя образцу законов и иерархии Небесной, разрушение которой чревато социально-антропологическими катаклизмами в собственно вещественном мире.

Все вышесказанное, свидетельствует о чрезвычайной важности исследований наследия Патриарха Никона и трудов в этой области В.Ш. не только для развития и рекультивации идей, сформулированных и развиваемых в православной славянорусской традиции, но и их значимости для современной практики.

ТОКАРЕВА Е.С., д. ист. н., зав. Центром истории религии и Церкви Института всеобщей истории РАН.

Исследования В.Ш. посвящены одному из интереснейших и сложнейших периодов отечественной истории, периоду, завершающему процесс складывания основ российской государственности, когда определялись формирующие ее параметры, одной из центральных составляющих которых являлись взаимоотношений Церкви и государства. Как отмечает автор, в это время «были окончательно преодолены последствия Смутного времени, укреплена централизация государственного управления

и развит административный аппарат, трансформирована и реорганизована система законодательства, судопроизводства, с целью воссоздания православной цивилизации как субъекта мировой истории и политики, восстановлены кафоличность поместной Русской Церкви со Вселенским Православием как государственно-территориальное единство православных славянских народов, усилена активность и мощь государства в экономической, военной, идеологической и внешнеполитической сферах жизни, что, в своей совокупности, благоприятствовало становлению феодального абсолютизма и формированию Российской империи на экклесиологических принципах как одной из сильнейших мировых держав».

В условиях, когда Русь, с одной стороны, представляла собой полностью суверенное государство, характерной чертой которого было «симфоническое» взаимодействие Церкви и государства, а с другой – являлась субъектом международной системы, оказавшись под влиянием значительного ряда факторов международной политики, одной из важнейших задач оказалась «унификация московской богословской традиции и церковно-обрядовой практики». На практике это выразилось, в том числе, и в усилении подчинения Церкви интересам государства. Таким образом, анализ жизни и деятельности Патриарха Никона, одной из мощнейших церковно-политических фигур XVII в., оказавшейся в центросплетении церковных и государственных интересов, отразившей все основные тенденции и противоречия своего времени, становится ключевым для понимания истории России XVII в. Именно Патриарх Никон, как отмечает автор, «указал на исторические задачи России по присоединению Малороссии и Белоруссии, по выходу к Балтийскому морю, по защите Православия в Ингрии и Карелии; вывел Русскую Церковь (Московскую Русь) из состояния изоляционизма и, проведя книжную и церковно-обрядовую справы, приблизил ее к Церквам-сестрам, подготовил каноническое объединение Великороссии и Малороссии, оживил жизнь Русской Церкви, сделав доступными для народа творения ее Отцов и, объяснив ее богослужения и церковную символику, обеспечил преемственное сохранение наследие Православной Эйкумены в судьбах пременения царств». Заботясь о «повышении уровня нравственного состояния духовенства», об одухотворении государственной жизни высшими, нравственными целями, «желая, чтобы Русь была святой в смысле вечного стремления к недостижимому идеалу – стяжанию образа Горнего мира», Никон «был ярким выразителем традиционно-русской ортодокс-славянской картины мира»

Работы В.Ш. основаны на массивном корпусе источников, большинство из которых обработано и введено в научный оборот им самим, и на этом материале в широком социокультурном, политическом и историческом контексте и рассмотрена фигура Патриарха Никона как церковного и государственного деятеля, выделены и реконструированы его качественные (личностные) особенности, что и обеспечивает достоверность авторских выводов. Кроме того рассмотрены последствия деятельности Никона, его политическое и духовное наследие. Так, весьма обоснованными представляются следующие выводы:

– рассматриваемая эпоха «для последующего развития России приобрела черты стратегической исторической и духовно-культурной значительности, наследие которой оказывало и продолжает оказывать серьезное влияние на совокупную жизнь с ее заботами о национально-государственной безопасности и перспективах международных отношений в меняющихся системах миропорядка»;

– в условиях «резкой смены базисных парадигм и социально-идеологических установок во всех сферах жизни и государства образ Патриарха Никона получает свою мистифицированно-мифологизированную интерпретацию как «реформатора Церкви», гонителя старообрядцев, папоцезариста-теократа, стремящийся возвыситься над Царем и захватить государственную власть и т.д.»;

– в условиях современных трансформаций, обеспечивающих динамику исследовательской работы в социально-гуманитарной сфере, необходимо продолжать работу по «исследованию и осмыслению исторического прошлого и его наследия с использованием аутентичного объекту и предмету исследования методологического аппарата, постепенно преодолевая идеологическую ангажированность и расширяя источниковую базу».

РОГОЖИН Н.М., д. ист. н., проф., руководитель Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН.

Исследование В.Ш. «Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: опыт демифологизации» посвящено обобщению исторического и духовного опыта развития системы «общество – власть – государство – Цер-

ковь» XVII в. России. Интерес к данной проблеме и необходимость ее разработки обусловлены целым рядом факторов и, прежде всего, идейного и социально-политического влияния прошлого на динамику развития общества современного российского общества, систему международных отношений в контексте цивилизационного взаимодействия. Кроме того, актуальность темы обусловлена и тем, что система государственно-правового регулирования и влияния на нее национально-культурной, духовной компоненты является малоизученным феноменом. Как показывает историческая практика, любые преобразования социокультурной сферы общества могут быть успешными лишь при учете и использовании накопленного ранее опыта.

В.Ш. предпринял достаточно успешную попытку пересмотреть и непредвзято осветить преобразования, происходившие в сфере государственно-церковных отношений страны в эпоху Патриарха Никона, когда были сформированы основы и положены начала дальнейшей национально-государственной, шире – государственно-эйкуменической (имперско-экклесиологической) – политики, с активным участием в складывающейся Вестфальской системе международных отношений.

Несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных отдельным проблемам развития российского государства, влияния Русской Церкви на его историю и культуру, следует подчеркнуть, что комплексного исследования посвященного Патриарху Никону и его эпохе до настоящего времени еще не создано. Одной из первых подобных попыток и является настоящее исследование В.Ш.

Особо следует отметить широкую историографическую и источниковедческую базу исследования – в научный оборот вводится значительное число неопубликованных источников, извлеченных из центральных фондохранилищ России, а также широкий контекст исследуемых явлений, что делает эту работу ценной не только для философов, религиоведов, культурологов, но и специалистов других гуманитарных наук.

ЮРЧЁНКОВ В.А., д. ист. н, проф., директор НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

В гуманитарных науках исследование модернизации российского общества является динамично развивающимся направлением. В этой связи обращение к историческому прошлому России – к опыту институциональных взаимоотношений в социально-политическом и духовно-культурном бытии самого общества представляет большой научный интерес. Эпоха Патриарха Никона характеризуется значимыми социально-экономическими, политическими, государственно-конфессиональными, церковно-гражданскими и культурными преобразованиями в Московском государстве. Изучение данного периода, с одной стороны, вскрывает смысл феномена общезначимого социокультурного мифа и отвечает на вопрос о легитимизации ответственности за сохранение онто-аксиоматики бытия, с другой стороны, во многом определяет качественные характеристики и тенденции общественного развития российской цивилизации в целом. В.Ш. аргументировано обосновывает актуальность этой проблемы появлением новых методологических подходов, позволяющих поставить в центр изучения проблему демифологизации – «очищения» архетипических образов социокультурного бытия. Кроме того, смена акцентов отечественных исследований социодинамики в исторической перспективе делает данные исследования, в том числе и работы В.Ш., необходимыми и своевременными.

Теоретическая обоснованность притязаний исследования В.Ш. на освещение избранной темы в полной мере проявляется как в уровне его представлений о степени изученности темы, так и в формировании источниковой базы исследования. В этом смысле работы заслуживает серьезного внимания, тем более, что весьма полно и объективно раскрываются вопросы, связанные с аспектами законодательно-правовой и догматико-канонической базы Российских государства и Церкви, проблемы роли руководителей государства и предстоятелей Церкви, государственных и церковных деятелей разного уровня, а также механизмов и средств социально-политических, институциональных взаимоотношений и влияния и их эволюции в истории России, выявляются и сопоставляются факторы, как позитивные, так и негативные, оказывающие влияние на характер протекания социокультурных процессов.

БЕЛОНОЖКО Е.П., д. ист. н., проф., зав. кафедрой теологии Белгородского государственного университета.

Актуальность работ В.Ш. о Патриархе Никоне связана с ростом интереса к универсальным ценностям и общезначимым социокультурным мифам,

которые транслируются системой идеологии и удерживают национально-государственную картину мира в ее статичности. В связи с этим общество неизбежно обращается к историческому прошлому – различным его этапам, периодам и эпохам, к опыту институциональных взаимоотношений и социокультурным архетипам. В прошлом общество ищет силы к самосохранению и надежды возлагает на возрождение национального духа, культурных и традиционных ценностей. Рассматриваемый период имеет генетическую связь со всеми формационно-историческими трансформациями, и в большей степени начала и конца XX в., демонстрируя при этом, по мнению В.Ш., на каждом последующем этапе преобразований усиливающийся регресс национально-государственной мощи.

В связи с этим, в работе «Демифологизация...» проводится междисциплинарный философско-религиоведческий, историко-культурологический, историко- и социально-психологический, политологический анализ роли и значения Патриарха Никона в истории России, изучается его наследие, в котором нашли отражение все основополагающие проблемы славяно-русской жизни в контексте ее исторических периодов и в котором не только представлен генезис идей и подходов к осмыслению этих проблем, но и показано преемственное теоретическое развитие и дано практическое обоснование этих идей и подходов, т.е. проводится комплексно-интегративная демифологизация социокультурного образа исторической личности, основанная на документальных источниках, принципах историзма и идеологического редукционизма.

Также В.Ш. не оставил без внимания не менее сложную и малоразработанную в историографии проблемы как-то церковного раскола как внутриинституциональное явление и старообрядчества, но затрагивают их лишь как культурно-метафизическое и социально-политическое явления государственно-церковных отношений.

Вместе с тем, анализ системы старообрядческой пропаганды как механизма воздействия на общественное сознание в кризисные периоды, связанные с формированием идеологем и соответствующих им социально-политических установок, свидетельствует, по мнению В.Ш., о том, что для потребителя данная система не требовала доказательств и мотивировок, поэтому должна быть хорошо контролируема и регулируема властными структурами, органами управления. Непоследовательность и неуверенность действий со стороны Царя, чиновничества, некоторых архиереев, неспособных в правовом и каноническом поле грамотно разрешить возникающие проблемы, придавали развивающемуся процессу угрожающий социально-политическими последствиями характер. Манипулирование событиями приводило к усугублению дезориентации, дезинтеграции и, как следствие, отторжению, уходу в социальный аутизм довольно больших групп населения.

Полагаем, что предложенные В.Ш. выводы и введенные в научный оборот историографические материалы послужат дальнейшим неангажированным отраслевым исследованиям.

ВОРОБЬЕВА Н.В., к. ист. н., доц. кафедры общественных наук Омского экономического института.

Работы В.Ш. посвящены одной из наиболее значимых тем – междисциплинарному исследованию образа Патриарха Никона в русской социокультурной и социально-политической картине мира. Эта тема представляет значительный интерес, является актуальной и обоснованной, т.к. вполне очевидна недостаточность изучения национальной и цивилизационной картины мира, а также ее основных архетипов в институциональной, политико-юридической и, особенно, в философско-идеологической перспективах.

В.Ш., несомненно, удалось провести комлексную интегративную демифологизацию социокультурного образа исторической личности – Патриарха Никона, причем по различным направлениям, включая документальные источники и художественно-архитектурные памятники, научную, научно-популярную, публицистическую, художественную литературу. Кроме этого, В.Ш. опубликовал наследие Патриарха Никона, которое активно используется современными исследователями – «Патриарх Никон: Труды» и «Патриарх Никон: Стяжание Святой Руси – созидание государства Российского», провел грандиозную работу по переизданию и опубликованию археографических материалов, в том числе комментированного «Жития Патриарха Никона».

Предлагаемый В.Ш. метод исследования – демифологизация исторически накопленного материала, связанного с именем и деятельностью Патриарха Никона является принципиальной новацией, т.к. позволяет достаточно четко выявить историогра-

фические штампы и опровергнуть их. Автор приходит к нетривиальному выводу: «Мистификация образа Патриарха Никона, создание негативного идеологизированного социокультурного мифа о нем, его деятельности и наследии были необходимы для сокрытия инспирированной западными государствами и Ватиканом, антирусской, антиправославной политики, и реализованной в ходе спровоцированного московским боярством государственно-церковного конфликта», что понуждает к возвращению к контексту и материалу XVII в. и попыткам по-иному, исходя из обстоятельно доказанных выводов В.Ш., посмотреть на все еще «темный» век нашей истории.

ЛЕОНТЬЕВА Т.Г., д. ист. н., проф., зав. кафедрой отечественной истории Тверского государственного университета, директора Научно-исследовательского Центра церковной истории и православной культуры им. В. Болотова Тверской епархии.

Актуализированная сегодня В.Ш. проблематика достаточно обстоятельно представлена в отечественных и зарубежных исторических исследованиях. Фигура Патриарха Никона в них неразрывно связывается с церковной реформой середины XVII в., повлекшей за собой весьма драматические последствия русской истории. Строго говоря, проблема реформаторства, ее исторический контекст порой заслоняли личность непосредственного исполнителя, а также его творческое наследие. Отсюда – одни авторы демонизируют Патриарха, связывая с его именем феномен раскола и старообрядчества, другие – отказывают ему в самостоятельности, усматривая в его действиях лишь амбициозность и властолюбие. Вполне очевидно, что в основе этой в целом типичной для исследователей дихотомии лежит недостаток доступного фактического материала, что значительно обедняет исследования по данной теме. Как следует уже из формулировки исследования В.Ш. «Демифологизация...», среди списка его трудов автор основное внимание уделяет именно источникам, их выявлению, публикации и осмыслению. Такой подход не может не обрадовать историка, ибо только документ может лежать в основе исторического реконструирования столь отдаленной и противоречивой по содержанию эпохи. Безусловно, любопытной является также попытка философа развенчать стереотипы, созданные историками. Подобное намерение придает авторским исследованиям особую актуальность, хотя, как показывает исследовательская практика, попытки очередной демифологизации оборачиваются зачастую созданием нового мифа.

Четко сформулированные исследовательские задачи убеждают в наличии оригинальной авторской концепции, а ее обозначению – предшествовавшее тщательное изучение историографии проблемы, что позволило вполне обоснованно воспользоваться проблемно-хронологическим принципом систематизации изучаемого материала и из изобилия так называемых «обобщающих трудов» выбирать лишь те, что имеют непосредственное отношение к предмету. Также В.Ш. справедливо подмечает когнитивные резервы темы, что еще раз подтверждает ее актуальность.

СОКОЛОВ А.Р., д. ист. н., директор Российского государственного исторического архива.

Нарастающие темпы информатизации человеческого сообщества кардинально изменяют парадигму научного знания, обуславливают переворот в философии, который заключается в переходе от действий к личности, от функций к субстанции. Гуманитарные науки в целом переходят от регистрации функций к анализу и поиску сути, субстанции предметов и явлений. Переживаемый же российским обществом и государством очередной сложный процесс изменения модели, формы и содержания своего устройства вызывает потребность в определении социально и духовно значимых ориентиров, национальной идеи. Собственно, речь идет, и не в первый раз, о самоидентификации общества и нации в поиске ответа на вопрос: «Кто мы, откуда и куда идем?». Поэтому интерес к изучению наследия выдающейся исторической личности, действовавшей в переходную эпоху, от Средневековья к Новому времени, и во многом определившей форму и духовное содержание этого перехода, вполне закономерен.

Исследование В.Ш. «Демифологизация...» является первым в гуманитарной науке (философии, религиоведении, культурологии) систематическим междисциплинарным исследованием наследия Патриарха Никона, как составляющей славяно-русской традиции ортодокс-славянской системы философии, и образа Патриарха Никона в русской социокультурной и социально-политической истории. Объектом углубленного философско-культурологического изучения в первую очередь

предстает личность Патриарха Никона. Также эта работа является одним их первых комплексных исследований, представляющим опыт демифологизации социокультурного и социально-политического образа исторической личности. Здесь впервые представлен обобщающий всесторонний анализ и дана оценка источников и литературы, посвященной Патриарху Никону, вычленены и описаны модель, структурные единицы понятийно-категориального аппарата и основной архетип ортодокс-славянской картины мира; определена методология и заданы основные критерии для понимания феномена «историческое» как явления и процесса в аспектах реализации сложноорганизованной системы бытия, при чем детерминантой названной системы, по мнению автора, является сумма идей и представлений. Для анализа и оценки суммы идей и представлений, бытовавших в России XVII в., автором была задана типологическая модель «византийская философия → ортодокс-славянская система визанитийской философии → славяно-русская традиция ортодокс-славянской системы византийской философии», что обусловило возможность разграничения предметно-объектных областей православной славяно-русской философии и богословия. В.Ш. осуществил реконструкцию и уточнение системы философских воззрений Патриарха Никона, показал их соответствие святоотеческому наследию, православному богословию и их соответствие ортодокс-славянской системе философии, дал научную оценку и определил специфику наследия Патриарха как памятника культуры и философской мысли.

Автором выявлены и охарактеризованы особенности отечественного социокультурного мифотворчества, обозначен комплекс проблем, связанных с моделированием институциональных взаимоотношений государства, требующих в свою очередь определения научно-исследовательских целей и постановки задач в области демифологизации субъектов, средств и механизмов этих взаимоотношений, проведена научная переоценка бытующего социокультурного мифа и предложен вариант реконструкции образа Патриарха Никона. Кроме того, автором сформулированы теоретические и практические рекомендации по дальнейшей разработке проблем и определены направления научных исследований в данной области.

Разделяя в целом полученные В.Ш. выводы, однако отметим, что проводимая Патриархом Никоном политика институциональной независимости Церкви от государства на принципах кафолического экклесиологизма, была неприемлема не только для инославных западных государств. Византийские единоверцы также противились укреплению Русской Церкви, видя в этом угрозу своему главенствующему положению в Православном мире. Московское патриаршество было учреждено за 16 лет до рождения своего шестого Патриарха, по инициативе и под прямым давлением Московской светской власти на Константинопольского Патриарха. Многие греческие богословы ставили под сомнение законность этой акции. Московскому Патриарху Константинопольским Собором 1590 г., санкционировавшим учреждение нового Патриархата, во Вселенской Православной иерархии было отведено последнее – пятое – место. Тем не менее, Московская Церковь обладала большим влиянием и несравненно большими материальными средствами, чем четыре «древние» Патриархата вместе взятые. Русская Церковь давно стала независимой от Константинопольского Патриарха и преобразование Московской митрополии в Патриархию лишь закрепило эту независимость и усилило влияние Русской Церкви на международной арене. Появление на Патриаршем престоле сильной личности, яркого выразителя традиционно-русской славяно-поствизантийской картины мира, не могло не беспокоить Вселенских Патриархов, вставших в конфликте Патриарх – Самодержец, Церковь – государство на сторону Самодержца и государства.

Уверен, исследование В.Ш. открывает новые возможности для изучения истории русской, для изучения истории русской философской, аксиологической, религиозной, социально-политической, правовой мысли; демонстрирует генезис государственно-конфессиональных отношений и системы идеологии, социокультурного мифотворчества; определяет предпосылки для корректировки тематики последующих научных исследований в области истории философии, религиоведения, культурологии, политологии, истории; способствует уточнению целей, задач и критериев результативности научных изысканий. Собранный и проанализированный В.Ш. источниковедческий и историографический материал может послужить базой для дальнейших научных исследований в отраслевом гуманитарном знании, а сделанные автором выводы и наблюдения являются результатом объективного анализа имеющейся литературы и источников, сбалансированного подхода ко всем рассматриваемым проблемам

и поэтому представляет несомненную ценность для отечественной историографии, открывают новые возможности для развития философских и других гуманитарных наук в области исследования российского культурного, религиозного, философского, социально-политического наследия. Последующее изучение выявленных и обозначенных в работах В.Ш. проблем будет способствовать развитию государственно-конфессиональных, меж- и внутриконфессиональных отношений, успешному решению стоящих перед государством и обществом задач.

ФИЛАРЕТ, митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси, Ректор Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета.

Уважаемая Ольга Юрьевна, благодарю Вас за любезное приглашение принять участие в дискуссии, посвященной выдающемуся русскому церковному и государственному деятелю – Патриарху Никону. К сожалению, у нашего представителя – к. ист. н., доц. кафедры богословия и истории Церкви А.Ю. БЕНДИНА – сейчас нет возможности прибыть в Москву. Представляя подготовленный им отзыв на труд В.Ш. «Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: опыт демифологизации», желаем успешной дискуссии.

Исследование В.Ш. принадлежит к числу работ, способствующих в последнее десятилетие активному развитию сферы гуманитарного научного знания. Значимость такого рода исследований заключается в актуализации интереса к методологической и историографической рефлексии по поводу важнейших сюжетов истории России, генетически связанных с трансформациями общества, произошедшими в XX столетии. Современная социокультурная ситуация со свойственными ей теоретико-познавательными парадигмами позволила исследователю выбрать способ научного познания, соответствующий сложности и глубине заявленной проблематики. Основным эпистемологическим принципом исследования В.Ш. стал междисциплинарный подход, включивший в себя философско-религиоведческий, историко-культурологический, социально-психологический и политологический анализ роли и значения патриарха Никона в истории России.

Новые подходы, применяемые автором для изучения заявленной темы, позволили не только широко применять принципы проблематизации исторического знания, заимствованные из широкого спектра социально-гуманитарных научных дисциплин, но и выйти на более высокий уровень междисциплинарного взаимодействия. Теоретико-методологическое оснащение применяемых автором подходов к изучению исследовательской проблематики позволило осуществить попытку комплексно-интегративной реконструкции, основанной на применении новых методов анализа исторических источников, социокультурного образа такой значимой для России исторической личности, как Патриарх Никон,

Автор справедливо указывает, что в результате многочисленных противоречивых интерпретаций образа Патриарха Никона, осуществленных в отечественной дореволюционной, советской, постсоветской, эмигрантской и зарубежной историографии его имя трансформировалось в «образ-знак», подвергшийся мифологизации в течение столетий. Исследователи, работавшие в различных парадигмах, подвергали факты процедурам отбора и интерпретации, выстраивая определенные исторические конструкции, в соответствии с которыми образ Патриарха на протяжении долгого времени подвергался «вульгаризации» или «демонизации».

Анализ источниковой базы и историографии, посвященной жизни и деятельности патриарха Никона позволяет В.Ш. сделать вывод о том, что роль и значение Патриарха в российской истории и истории Вселенского Православия за прошедшие три столетия не получили однозначной оценки в исторических и обществоведческих исследованиях, поэтому, согласно автору, до настоящего времени в историографии не выработано четкого представления о Святейшем Никоне как исторической личности, его месте и роли в российской социально-политической истории, а также о его наследии в системе религиозной, философской мысли и в контексте истории культуры; о сути и характерных чертах государственно-церковного конфликта, персонифицированного в образах Патриарха и Царя Алексея Михайловича.

На основании сделанных выводов автор формулирует проблему исторической адекватности образа Патриарха Никона и его творческого наследия, созданных «в предшествующей настоящему исследованию литературе»; ставит вопрос об эффективности методов исследования, применяемых для исторической реконструкции образа Патриарха, а также социально-политических и

государственно-церковных отношений второй пол. XVII – начала XVIII в. С точки зрения В.Ш., концептуально-методологическое и источниковедческое решение указанных проблем неизбежно вызывает необходимость демифологизации исторического материала, связанного с именем и деятельностью Святейшего.

Исследовательская стратегия автора, опирающаяся на современные методы интерпретации источникового материала, создает широкое пространство для теоретических рефлексий, необходимых для решения поставленных целей, задач и определения предмета исследования. Предметом изучения становятся личность и деятельность Патриарха Никона, реконструируемые на основе анализа археографических источников, и генезис образа Патриарха в авторских интерпретациях как артефактах культуры XVIII – начала XXI в.

Реализация этой стратегии предопределила формирование необходимых концептуальных основ построения текста, его структуру и релевантных им методов исследования, которые призваны, в свою очередь, соответствовать сущности изучаемых исторических явлений.

Таким образом, мы можем сказать, что макрообъяснительной моделью работы В.Ш. является концепция демифологизации исторической реальности, представленной в существующей литературе в качестве негативного идеологизированного социокультурного мифа о Патриархе, его деятельности и наследии, что, в свою очередь, придает научную новизну работы, заявленной в качестве первого систематического междисциплинарного исследования образа Патриарха Никона в русской социокультурной и социально-политической картине мира, а также наследия Патриарха как неотъемлемой составляющей славяно-русской традиции ортодокс-славянской системы философии.

Принципиально новая проблематизация, актуализация и интерпретация образа и наследия Святейшего основана на сочетании креативных разработок автора с обобщениями и критическим осмыслением результатов исследований, проделанных в два предыдущих столетия зарубежными и российскими историками. Проведенное В.Ш. комплексное междисциплинарное исследование позволило ему сделать ряд убедительных выводов и предложений.

Автору удалось успешно осуществить масштабный научный проект реконструкции образа Патриарха Никона в качестве одной из концепций российского исторического процесса. Решение автором поставленной исследовательской задачи не означает, разумеется, что изучаемая им историческая реальность, реконструированная на основе интерпретации исторических источников, получила наконец полное и завершенное описание, поскольку в противном случае пришлось бы признать, что исторический образ Патриарха Никона не является историчным (историческое знание носит поливариантный характер, что и подтверждается всем историографическим опытом). В заключение, в свою очередь, с удовлетворением отмечаем, что осуществленная в современном социокультурном контексте задача демифологизации образа Патриарха Никона открывает перспективы дальнейшего осмысления этой сложной научной проблемы для новых поколений исследователей.

САВВА, блаженнейший митрополит Варшавский и всея Польши.

Уважаемая госпожа Васильева О.Ю., благодарю за любезное приглашение меня к дискуссии, посвященной выдающемуся деятелю – Патриарху Никону. Моим представителем будет проф. МИРОНОВИЧ А., д-р истории, зав. кафедрой истории Восточной и Западной Европы Белостокского государственного университета (Польша), отзыв которого представляю.

В.Ш. является известной личностью в кругу исследователей прошлого. Его работы, посвященные, главным образом, проблематике реформ Патриарха Никона дождались многочисленных рецензий специалистов и многократно появлялись как важные ссылки в публикациях других историков. Опубликованное исследовательское достояние обладает во многих моментах новаторским характером.

Во всем научном достоянии В.Ш. на сегодняшний день самым важным достижением является работа «Демифологизация...» (М., 2007), которая представляет обработку предыдущих исследований, посвященных деятельности Патриарха Никона – является способом проверки предыдущих мнений существующих в научной литературе.

Оценивая работу В.Ш. надо обратить внимание на соединение в ней элементов философского, исторического, богословского и культурологического характера. Работа выполнена методологически безупречно, а сама ее конструкция не вызывает возражений. Автор был вынужден обратиться к

догматическим и богословским вопросам Православной Церкви, глубоко понять сущность дилемм главного героя монографии. Эволюция воззрений Патриарха Никона исходила не только из его глубинных идейных анализов, но, равно, из внешних условий. Автор на основе архивного и писменного наследия Патриарха Никона, рассеянного по многим архивам, подает причины этой эволюции. Некоторую неудовлетворенность вызывают те моменты работы, которые касаются личной жизни Патриарха Никона и его рождающегося нового видения русского государства.

В.Ш. метко указывает на влияние идей, идущих из Западной Европы, на позицию и взгляды Патриарха Никона. Насколько русское общество разделилось под влиянием западных идеологий на их сторонников и традиционалистов, настолько в случае Никона акцептация русской культуры и духовности соединялась с предприниманием необходимых реформ. Автор, используя уникальные источники, анализирует деятельность Патриарха Никона. Постановка этой проблемы В.Ш. и ее указание в понятной форме читателю является большим достижением автора.

По обязанности рецензента следует обратить внимание, что автор не использовал несколько существенных для этой проблематики работ. Много новой информации, с учетом особенной литературы, содержит в себе работа Андрея Харбацкого «Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцу XVII – пачатку XX ст.», изданной в Бресте в 1999 г. Этот автор опубликовал также несколько других существенных статей по истории и культуре старообрядцев на территории белорусских земель и в России, в которых обсуждает деятельность Патриарха Никона. Стоит также учесть работу Евгениюша Иванца «Z dziej w staroobrz dowc w na ziemiach polskich» (Warszawa, 1997), и Архиепископа Иеремиаша (Архимюка) «Reformy Patriarchy Nikona» (Bia ystok, 2003). О деятельности Патриарха Никона и его политике в отношении Киевской митрополии автор этих строк писал в работах: «Prawos awie i unia za panowanie Jana Kazimierza, издание II» (Bia ystok, 1997) и «Ko ci prawos awny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej» (Bia ystok, 2001). Вышеперечисленные публикации, хотя и не много вносят в биографию Патриарха Никона, но значительно расширяют знание о его международной активности и ситуации староверческого движения в России.

Нельзя также согласиться с мнением автора, что Патриарх Никон «помнил о церковном единстве и предпринемал действия согласно с канонами Церкви». В его действиях видно, что он поддавался политике государства и заботился, прежде всего, о позиции Русской Православной Церкви. Проба подчинения Киевской митрополии, находящейся в юрисдикции Константинопольского Патриархата и назначения на Могилевскую епархию своих уполномоченных ставили Русскую Церковь в конфронтацию с другими православными Церквами, особенно с Константинопольской.

Напомню, что Патриарх Никон придал московско-польской войне характер религиозной. Подобным характером обладает и воззвание Царя Алексея от 26 апреля к православному населению Короны и Великого Княжества Литовского. В середине 1654 г. московские войска заняли Полоцк, Велиж, Смоленск, Витебск, Могилев, Ушвят, Шклув и Дрогобуж, а весной 1655 г. взяли Минск, Вильно, Ковно, Гродно. На оставленные униатские кафедры Патриарх Никон без консультации с православным митрополитом Сильвестром Коссовым назначил своих наместников. Алексей Михайлович принял титул Великого Князя Литовского и выразил согласие на назначение новых православных епископов Московским Патриархом. Никон по примеру Царя принял титул «Патриарха Московского, всея Великой, Малой и Белой Руси», не обращая внимания на то, что новые аннексированные территории находились в юрисдикции Киевских митрополитов. Несмотря на протесты митрополита Коссова, Патриарх Никон назначил Смоленским епископом Суздальского владыку Филарета. Управление возвращенными монастырями и церквами в Полоцкой епархии было передано в руки полоцкого игумена Игнатия Евлевича и игумена витебского монастыря Каликста Рыторайского, который вскоре был назначен ее наместником и в 1657 г. возведен в достоинство архиепископа.

Патриарх Никон в 1654–1658 гг. стремился к полной ликвидации самостоятельности Киевской митрополии. Эти события не встретились с акцептацией Сильвестра Коссова и были источником конфликта с Константинопольским Патриархом. Прибывшие по этому поводу в Москву среди других Патриархи Иерусалимский и Антиохийский в 1666 г. низложили Никона (в этом контексте разделяю предложение В.Ш. о подробном анализе

судебного процесса Патриарха Никона и указание на сопровождавшие его обстоятельства).

Также разделяю главный тезис работы В.Ш., что Патриарх Никон защищал самостоятельность Церкви, православной симфонии, сотрудничества между властью государственной и церковной. Трудно при этом признать мнение, представляемое митрополитом Макарием или Карташевым, что Никон хотел создать римскую систему в России, ввести превосходство церковной власти над государственной. Никон требовал только того, чтобы Царь почитал каноны, чтобы применял правила церковной жизни в жизни повседневной и государственной. Патриарх считал, что Царь является защитником и опекуном Церкви. С этого титула Церковь молится за него, но светская власть не имеет права вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви, в ее правосудие.

К исследовательским задачам, выдвинутым В.Ш., автор этих строк мог бы добавить необходимость выяснения активности Патриарха Никона на международном форуме и его неоднозначной политики в отношении православной Церкви в Речи Посполитой.

Заключая, можно сказать, что работа В.Ш. является пока что единственной, которая в совокупности представляет сложность проблемы, связанной с деятельностью и литературным наследием Патриарха Никона. Автор берет во внимание непостоянство факторов, которые определяли позицию выдающихся представителей русского общества. Выполнение этого задания требовало основательного поиска архивальной информации в российских и иностранных собраниях. Стоит подчеркнуть, что многолетний труд поисков автора закончился полным успехом, а выражением этого достижения является его работа «Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: опыт демифологизации».

НОВИЦКИЙ В.И., д. ист. н., проф., гл. н. с. Института истории Нацтональной Академии Наук Белоруссии.

Основным требованием сегодняшнего дня к гуманитарным исследованиям является их новизна и объективность. Отход от идеологической ангажированности, расширение источниковой базы создали условия для написания работ нового поколения. В этой связи стала необходимость научного переосмысления трудов созданных со вчерашних и позавчерашних методологических позиций. Вызывает интерес работа В.Ш. «Демифологизация...», в которой сделана попытка с новых позиций раскрыть историю России, Русской Православной Церкви в XVII в. и последующие периоды.

Крупному церковному и государственному деятелю России XVII в., каким по праву является Патриарх Никон, за три прошедших столетия посвящено немало философских, исторических, культурологических произведений. Естественно, что все они отражают идеологическое воззрение своего времени, в том числе и советского периода. Многие работы характеризуются созданием и распространением различных мифологических воззрений, их обобщения носят противоречивый характер. Такой вывод сделал В.Ш. при анализе историографии посвященной Патриарху Никону, его роли и значению в отечественной истории и Вселенского Православия. Причину автор видит в недостаточной изученности археографических источников, тенденциозности методологических подходов к освещению деятельности Патриарха Никона, его наследия, вклада в историю развития Российского государства и Православной Церкви.

Как свидетельствует содержание работы, заслугой В.Ш. является огромная работа, проведенная по изучению документальных источников, которая позволила создать достоверное представление о Патриархе и его эпохе, поднять завесу «затемнения» известного церковного и государственного деятеля. В этом, на наш взгляд, достоинство этого исследования и его научная новизна.

Представляют интерес подходы В.Ш. Мифологизации автор противопоставил изучение архивных и документальных материалов, историко-статистических описаний монастырей, которые раскрыли исследователю мало изученную картину назревания конфликта между государством и Церковью, Царем и Патриархом, приведшего к церковному расколу, анализ который представлен под заголовком «Старообрядчество и никонианство: аспекты государственной политики, идеологии и мысли».

С XVII в. старообрядцы поселились на белорусских землях, которые входили в состав Речи Посполитой. Изучение белорусскими учеными этой проблемы показало, что культура и язык, как и вся духовная жизнь старообрядцев, не растворилась на новом месте проживания. Исследования также показали, что политика Российской империи в отношении старообрядцев имела свою специфику:

до раздела Речи Посполитой власти делали все, чтобы не допустить их объединения на белорусских землях, опасаясь создания старообрядческой влиятельной силы против Русского государства. После раздела Речи Посполитой российским властям стало выгодным их нахождение в белорусско-литовских губерниях как своей надежной опоры, поэтому жесткая политика, характерная в отношении к собственно российскому старообрядчеству, получила здесь, в отношении к проживавшим на белорусских землях старообрядцам, более мягкий характер. Отметим, что и сегодня в Беларуси функционируют 33 старообрядческие общины, сохраняя свои обычаи, культуру, духовные традиции.

Значительным является раздел «Образ Патриарха Никола: социокультурный миф и его демифологизация», в котором приводится глубокий анализ исторических и художественных реконструкций образа Патриарха и сопутствующих комментариев, в ходе которых образ был мифологизирован. Проведенная работа по демифологизации образа Патриарха, созданного в исторических и художественных работах XVIII–XX вв., позволила автору выделить и реконструировать личностные черты Патриарха Никона, в связи с чем наиболее адекватной можно считать характеристику, которую дал Святейшему митрополит Антоний (Храповицкий): «У Никона была нежная, мягкая, любящая душа; это не был грубый, черствый и жестокий человек, только порочащий и заботящийся о своей власти и чести», – что и подтверждает В.Ш.

В целом, как представляется, В.Ш. удалось показать роль и место Патриарха Никона в социально-политической истории России, его наследия в системе религиозной и философской мысли и в контексте истории культуры: автором с новых позиций раскрыты сущность и характерные черты происшедшего государственно-церковного конфликта, что не смогли сделать исследователи предыдущих исторических периодов. Не меньшим достоинством данного исследования является и обобщение роли Патриарха Никона в социокультурном процессе перехода от русского Средневековья к Новому времени.

педагогические науки

КОСТИКОВА М.Н., д. пед. н., проф., советник Федерального агентства по образованию Российской Федерации.

Актуальность исследований В.Ш. связана с политической и культурной значимостью философского переосмысления никоновской эпохи в истории России, которая являются одним из сущностных этапов в развитии общества, предопределяющим динамику всей последующей истории страны. Такое переосмысление позволяет находить ответы на вопросы современной жизни с ее задачами по сохранению онтосоциальной стабильности и полиэтнической, поликонфессиональной, поликультурной открытости миру, по поддержанию национально-государственной безопасности. Следует согласиться с В.Ш., что проблематизация эпохи Патриарха Никона позволяет в актуальном пространстве проанализировать и осознать роль социокультурных архетипов и образов, совокупность которых составляет духовно-культурный ресурс национально-государственной мощи, оказывающий влияние на формирование общезначимых идей, реализацию целей и обеспечение национальной безопасности. Актуальность его исследований просматривается также в заявке на поиск новых подходов к изучению социокультурного опыта становления, развития и совершенствования общественно-государственных, государственно-институциональных отношений с целью использования в условиях современной России и в системе международных отношений.

В работе «Демифологизация...» проводится междисциплинарный философско-религиоведческий, историко-культурологический, историко- и социально-психологический, политологический анализ роли и значения Патриарха Никона в истории России, направленный на комплексно-интегративную демифологизацию социокультурного образа исторической личности на основании документальных источников, принципах историзма и идеологического редукционизма.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет выявленная и охарактеризованная автором роль Патриарха Никона в деле создания базы Российского образования – знаменитой Патриаршей (впоследствии – Синодальной) библиотеки. Просветительская деятельность Никона включала также создание в числе первых ремесленной школы, где обучались дети разных сословий, что сдвигает рамки возникновения отечественной профессиональной школы с Петровских времен на более ранний период.

В целом, выбираемые теоретические и методологические основания позволяют автору успешно достигать поставленных целей и решать сопутствующие исследовательские задачи, итогом которых

стал всесторонне, аргументировано и глубоко осуществленный комплексный историко-философский, религиоведческий, культурологический и богословский анализ идей и воззрений Патриарха Никона, что дало автору основание утверждать, что Патриарх Никон был ярким выразителем традиционно-русской поствизантийской картины мира, основанной на святоотеческих представлениях о бытии и сущем.

МАКСИМОВИЧ В.Ф., д. пед. н., проф., академик РАО, Ректор Высшей школы народных искусств (института).

Сегодня, несмотря на имеющую место идеологическую дискредитацию фундаментальных ценностей славяно-русской цивилизации, национальной русской культуры, в результате чего антикультура растет быстрее, чем собственно культура, современный период – начало XXI в. – можно охарактеризовать как начало эпохи возрождения России. Это подтверждается многими факторами, в том числе, укреплением православия в России, вниманием к культуре (примирительной по своей сути) как к открытой эстетической системе, к культуре, которая, по словам Д.С. Лихачева, есть память человечества, есть суть понятия Родины. В связи с этим тема работы В.Ш. «Демифологизация...», представляющей собой первое систематизированное исследование не только в философской, но и исторической и педагогической отраслях науки, является актуальной, поскольку XVII в., эпоха Патриарха Никона в России, феномен исторической личности самого Патриарха Никона, являются «сущностным этапом в развитии общества», когда была выработана «ответственность за фундаментальные ценности бытия».

В работе рассматриваются подходы к пониманию собственно социальной истории и социокультурного наследия, славяно-русская система философской мысли; проанализированы: историческая источниковая база, относящаяся к наследию Патриарха Никона, эпоха Патриарха Никона в социокультурном и политическом контексте, церковная и государственная деятельность Патриарха, образ Никона, представленный в изобразительном искусстве, художественно-поэтическом творчестве, в художественной литературе.

Особо необходимо отметить научно-теоретическую и практическую значимость этого научного исследования. Действительно, представленные в фундаментальном труде материалы не просто могут, а должны использоваться при создании специальных курсов лекций для студентов всех специальностей ВУЗов, что станет определенным вкладом в воспитание гражданской позиции молодежи России к своему историческому и культурному прошлому, возрождению русской культуры, востребованности ее в современном мире. В подтверждение практической значимости данного научного исследования можно отметить, что материалы В.Ш. включены в лекции по философии и истории в нашей «Высшей школе народных искусств» – единственном в России высшем учебном заведении русского традиционного прикладного искусства – при подготовке художников трех направлений лаковой миниатюрной живописи палехской, мстерской и холуйской.

независимые исследователи

ДОРОШЕНКО С.М., исследовательница наследия Патриарха Никона, составитель летописи жизни и деятельности Патриарха Никона.

Известно, как важны своевременно усвоенные исторические уроки, особенно в эпохи перемен. Давно назрела необходимость открыто и честно посмотреть в лицо истории жизни и деятельности Святейшего Никона, очистить образ Первоиерарха Русской Церкви от всего наносного, и сказать, кем был Патриарх Никон для русской истории и каким он был. Давно пора по достоинству оценить Святителя и опровергнуть многочисленные фальсификации и обвинения в его адрес.

Не надо забывать, что Никон, которому при его поставлении в Патриархи вся паства во главе с Царем клятвенно обещала послушание, был осужден не канонично, незаконно составленным судом – поставленными им архиереями и неполномочными ни духовно, ни канонически Восточными Патриархами, преемники которых позднее и вновь по просьбе русского Царя с радостью разрешили и его возврат из монастырско-тюремного заточения, и восстановление в патриаршем достоинстве как искупившего свою вину многими страданиями. Но никто не покаялся – даже не поставил вопрос о правдивости/неправедности обвинений, воздвигнутых против Святителя. Зызыкин М.В. совершенно справедливо указывает, что до сих пор ничего не сделано для снятия тяжести, тяготеющей над государственной властью слов, произнесенных Патриархом Никоном Царю на суде: «Кровь моя на твоей голове, Царь!».

Бесспорно, в работах о Патриархе Никоне наиболее объективный взгляд – это взгляд православный, взгляд церковный. Для адекватной оценки нужно помнить, что он, прежде всего, монах, архиерей, следовательно, правильное видение как его самого, так и его деяний возможно только в контексте церковной традиции, в системе святоотеческого мировоззрения (представленная работа в этом аспекте являет достойный пример).

Любой человек грешен, даже признанный святым; безгрешен только Бог; иное – ересь, осужденная Вселенским Собором, поэтому в личных претензиях к Патриарху Никону нет ничего удивительного: он, как и все, не идеален, но засвидетельствована его праведность, если и не ревностью о славе Божией и благе Церкви, которую его противники могут оспаривать, то уж, во всяком случае, чудесами и благодатными исцелениями, зафиксированными должным образом и опубликованными в XIX в. при подготовке его канонизации (проявления благодатной помощи не иссякли и до настоящего времени, и хотя они, насколько мне известно, в настоящее время официально не фиксируются, но не остаются в забвении и записываются почитателями памяти Святейшего и отчасти публикуются). Праведник же, исполняя заповедь Божию, не мстит за себя, но отдает все на суд Бога, Который сказал: «Мне отмщение, Аз воздам». Страшно впасть в руки Бога живаго. И как бы нам не услышать голос Небесного Правосудия: «Се, оставляется вам дом ваш пуст... дондеже речете: благословен Грядый во имя Господне» (Мф. 23, 38–39). И если оградой церковного сознания служит понимание, что хула на праведника, который есть избранный сосуд Духа Святого, есть хула на Бога, то для нецерковного сознания в исследованиях, посвященных Патриарху Никону, и любых проектах, связанных с его именем, необходимым и существенно важным является историческая точность и документальная обоснованность.

Попутно заметим, что объективное, настоящее научное знание, как считали ранее и считают многие ученые сейчас, возможно именно в системе религиозного мировоззрения. Отрыв от возвышающих религиозных идеалов, которыми всегда питалось истинное творчество, обесплодил научное знание, в основании которого, «хотя бы и самого точного, – по словам О. Шпенглера, – лежит религиозная вера». А искусственное опрощение и возврат к природе О. Шпенглер, как в свое время и К. Леонтьев, называл «нисхождением с орлиной перспективы к лягушачьей в больших жизненных вопросах». Не нами подмечено: народы, забывающие Бога, становятся недостойными жить на Земле. Патриарх Никон – Первоиерарх Русской Церкви, и как Первосвященник есть «образ Бога живаго». И пока клевета на Святителя продолжает транслироваться, остается осуждение на народе, когда-то принесшим клятву своему Патриарху. Так что восстановление исторической правды в деле Патриарха Никона жизненно важно не только для науки, но и для всего общества. Труды В.Ш. есть достойный вклад в это делание, а гражданская позиция В.Ш. является своеобразным ответом на слова владыки Сан-Францисского Иоанна (Максимович): «Так разве он (архиепископ Аверкий. – *О.В.*) не говорил вам, что в минуты испытания каждый христианин отвечает за полноту всего христианства? Что каждый воцерковленный человек отвечает сегодня за всю Церковь? И что сегодня Церковь гонима врагами как внутренними, так и внешними? В наше время, чтобы сохранить Христианство, все работающие на ниве Православия, должны самостоятельно трудиться во имя Христа. Достойны похвалы те, кто не дожидается указаний, а действует смело»[17].

Последний раз к теме Патриарха Никона столь серьезно обращались исследователи в конце XIX в. В XX – начале XXI в. вновь появились серьезные работы этой тематики. Многие из появившихся в последнее время больших проектов, посвященных Патриарху Никону, будь то выставка, музейная экспозиция, научная или литературная публикация страдают, к сожалению, поверхностностью и стереотипностью подходов к оценке личности Святителя и его роли в истории (относится это в большей мере к оценкам негативным). Представленная работа положительно выделяется из этого ряда – труд В.Ш. является наиболее значительным по объему привлеченного к исследованию материала, глубине затронутых проблем; его отличительной особенностью является также и то, что, развенчивая существующие вокруг имени Патриарха Никона мифы, автор не только охватил все аспекты деятельности Патриарха, но коснулся и самой методологии предыдущих исследований, тем самым, лишив

[17] Цит. по: *Дамаскин (Христенсен), иеромонах.* Не от мира сего: Жизнь и учение иером. Серафима (Роуза) Платинского. М., 1998. С. 282.

основания новые попытки желающих продолжать обвинять Патриарха в несуществующих винах. Вместе с тем здесь же стоит заметить – высказать предостережение: в силу специфики отраслевого знания, в рамках которого выполнена эта работа, Патриарх Никон, его образ может быть привлечен для обоснования определенных идеологических положений. Развитие этого направления уже не в научном, а в прикладном направлении – использование имени Патриарха Никона как «флага», маркера какой-нибудь политической партии или новой судьбоносной идеи – худшее, что можно сделать для памяти Святителя; возможная политизация образа Патриарха Никона, о чем также здесь говорил В.Ш., была бы серьезнейшей политико-идеологической ошибкой с непредсказуемыми последствиями.

В работе В.Ш. привлекает «строгое» изложение материала, стремление к историзму в освещении темы – оно четко и последовательно вписано в историческую канву. Новизна философской концепции – также одно из отличий исследования: концепция серьезна и интересна, но все же требует более глубокого обоснования и проработки.

Хотелось бы особо подчеркнуть вывод В.Ш. о том, что авторы апологетического направления освещают жизнь и деятельность Патриарха Никона наиболее адекватно и достоверно, поскольку их позиция подтверждается документальными источниками. Этот вывод позволил автору идентифицировать апологетическое направление как направление исторического реализма. Многолетний опыт моей работы над составлением «Летописи жизни и деятельности Патриарха», в которой для подтверждения, уточнения событий мною привлекались документальные источники и авторские интерпретации, дает мне основание согласиться с предложенной классификацией, в которой апологетическое направление в историографии соотнесено с *историческим реализмом*, а направление, рассматривающее Патриарха Никона преимущественно в критически-негативном духе, – с *идеологическим редукционизмом*.

По сути поставленных в работе задач, обобщая, можно сказать, что заявленная тема раскрыта полностью, однако, при всей широте охвата и большом объеме привлеченного материала осталась возможность большей глубины авторской проработки, хотя и этот уровень дает простор дальнейшим разработкам, теперь уже в реальном – демифологизированном свете.

Одним из главных достоинств работы является философское осмысление роли личности Патриарха Никона в истории, впервые изложенное с такой определенностью и глобальностью. И хотя оценка личности Патриарха Никона получилась несколько односторонней, с уклоном в «житийный» взгляд, в котором традиционно на второй план выведены детали и личностные особенности главного героя, что является некоторым недостатком для исторических исследований, тем не менее ее ни в коем случае нельзя назвать неадекватной. Вместе с тем, полагаем, что многосложность личности Патриарха Никона делает задачу любого исследователя трудной для исчерпывающей оценки.

Основательность проведенного В.В. Шмидтом исследования внушает уверенность, что этот солидный труд будет востребован для дальнейших работ в области никоноведения. Как уже было отмечено, он может и должен стать хорошим пособием для учащих и учащихся в области отечественной и церковной истории, философии, культурологии и других областях знания.

В заключении хочется сказать, что Патриарх Никон фигура слишком крупная для простых объяснений; требуется еще много работы для прояснения его личности и его места в мировой истории. Вместе с тем, ясно одно – плодотворная работа здесь возможна только при неангажированном подходе на позициях исторического объективизма, и, безусловно, в контексте церковной истории, что будет способствовать формированию взвешенных, не политизированных и не идеологизированных оценок, способных стать источником основополагающих представлений для нашего общества, чему достойным примером и фундаментальным вкладом в дело изучения наследия Патриарха Никона как неотъемлемой составляющей поствизантийской культурно-православной цивилизации является исследование В.Ш.

Знаменательна и дата выхода в свет этого исследования – и это только подчеркивает важность обращения к данной теме – 325 лет назад, в сентябре 1682 г., в Москве были получены грамоты Восточных Патриархов, разрешавшие и прощавшие Патриарха Никона от судных определений и возвращавшие ему Патриаршую честь и достоинство. И вот, несмотря на прошедший с того времени столь значительный срок, до сих пор не только нет отчетливого понимания личности Святителя и его деяний, но обращение к этой теме вызывает всплеск эмоций и служит поводом для дискуссий. На этом

фоне проведенное В.Ш. исследование предстает особенно значимым – с его появлением, надеемся, будет положена законная преграда дальнейшим, документально не подтверждаемым, авторским спекуляциям в этой области.

ТОДОРОВ А.А., представитель британского журнала «The Economist» в России.

Широкие рамки исследования и глубокий методологический анализ позволили В.Ш. всесторонне, объективно и концептуально по-новому дать анализ и оценку, как в целом исторического периода, так и исторической личности Патриарха Никона, сыгравшего значительную роль в истории Русской православной Церкви и российской государственности, а также его теоретического и практического наследия.

Сегодня мне бы хотелось затронуть вопрос, о котором уже несколько говорилось – о значительном вкладе Патриарха Никона в разработку проблем апостасии – отступления в его эсхатологическом аспекте, – связанном также с фундаментальными проблемами бытия общества и государства – нормативно-правовой базой и ее источниками. В.Ш., как мне представляется, недостаточно внимания уделил данной проблеме, но достаточно, чтобы на нее обратили внимание специалисты-предметники, среди которых и военные, и психологи, и богословы.

Разрешите мне напомнить известный факт: впервые об отступлении, которое будет предшествовать кончине мира и второму пришествию Спасителя, сказал апостол Павел: «Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему не спешить колебаться умом... будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели» (2Фес. 2, 2–4).

В Возражении же на вопросы и ответы Стрешнева – Лигарида Патриарх Никон, анализируя и оценивая состояние российской государственной системы, задается вопросом: «Не пришло ли время отступления?», – а оценивая государственное законодательства о Церкви, т.е. положений статей Соборного Уложения 1649 г., заявляет о том, что оно, это законодательство, уже не является христианским: русский Царь преступен и в России началась апостасия – отступление власти от Бога и Евангелия» (*Лев Лебедев, прот.* Москва патриаршая). Далее Патриарх Никон обращается к новелле о времени отступления, которая находится в полном согласии с христианским богословием, построенном на Христовых заповедях и апостольском учении о том, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским (1Тим. 4, 1), и пишет о времени отступления, когда через божественные заповеди мирские власти начнут владеть Церковью Божией.

Что означают слова Патриарха Никона «через божественные заповеди», применительно к его времени? Это означает, что Уложение 1649 г., эта своего рода конституция Российского государства, представляя собой продукт уже светского государства, хотя и постулирует важность церковных канононов для своих, государственных, интересов, при этом все же их искажая.

Вот иллюстрация на примере XIV гл. о крестном целовании. Так, в ст. 14 законодатель, ссылаясь на 64 правило Василия Великого, определяет церковное наказание всякому, кто в ходе судебного разбирательства «крест поцелует ложно» (на криве). В свою очередь, Патриарх Никон говорит о недопустимости применения этого правила ни в гражданском, ни в уголовном судопроизводстве, т.к. это правило относится только к тем, кто «клялся о судьбах правды Божия и не сохранил», т.е. об отступлении крещения.

Другим примером ложного толкования и использования канонических норм в судопроизводстве может служить положение «Уложения», которое предписывает духовным отцам учить жить своих духовных детей любовно, не воруя, а также, чтобы они «ложно креста бы не целовали и именем Божиим ложно не присягали и не клялись, поскольку православным христианам присягать ложно через крестное целование запрещается священными правилами». Так, Патриарх Никон справедливо замечает: «Где написано, что запрещается присягать ложно через крестное целование? Покажи те правила (из Священного Писания), которые бы говорили о том, что можно присягать по правде через крестное целование. Разве не предупреждал Спаситель, чтобы «не клялись ни небом, ни землею, ни Иерусалимом». И продолжает: «Как же ты, ругатель Святого Евангелия, посмел употреблять в клятву живоносное и спасительное древо Креста, который дан нам во благословение, а не в клятву?».

Как видно даже из небольших примеров, критические замечания Патриарха Никона в отношении

«Уложения» и отдельных его частей дает нам право говорить о том, что, задуманное как основной закон государства, согласный с Божественным Законом и со святоотеческим учением, «Уложение» в действительности явилось не только нормативным, но что более важно – духовным отступлением от Священного Евангелия и святоотеческого наследия и представляет собой как раз образ тех последних времен, когда наступит отступление от Христовой Церкви через Божественные заповеди. И тем более отрадно, что об этом совершенно четко говорит В.Ш., указывая на перспективы развития российских не только общества и государства, но и общего для них – Церкви, если они, т.е. все мы, не будем учитывать тех исторических последствий, которые уже имели место, если вспомнить ветхозаветную историю, и которым еще надлежит свершаться и свершиться в истории нового Израиля, т.е. в историческом бытии Руси – России, несущей в себе образ Святой Руси и третьего Рима, в результате неслушания и забвения пророческого голоса того и тех, кому в аспекте божественного волеопределения суждено обличать и судить.

Давая анализ церковной и государственной деятельности Патриарха Никона, В.Ш. лишь упоминает, но не анализирует, как того бы хотелось, роли Патриарха в области *государственно-правового регулирования,* и, в частности, его критики основного законодательного документа страны – Уложения 1649 г., – что было бы логично и оправдано в части социокультурных оснований славяно-русской цивилизации дониконовского периода, богословских и социально-политических оснований русской государственности, а также аспектов взаимодействия государства и Православной Церкви.

Как известно, эта важнейшая тема до сих пор не нашла отражения ни в литературе, посвященной наследию Патриарха Никона, ни в литературе, посвященной «Уложению» 1649 г., которое явилось фундаментальным государствообразующим правовым документом, полностью изменившим не только правовой статус Церкви (оценка Святейшим именно этого аспекта наиболее распространена, но, тем не менее, специального осмысления в отраслевой науке еще не нашла ни у М. Зызыкина, ни у В. Пальмера, ни у Н. Гиббенета, ни у В. Шмидта), но и нравственно-религиозные подходы правящей верхушки в русском обществе, и по существу «развратившей» его в масштабах всех слоев общества, от крестьянской сохи и до царской короны.

За последние 150–200 лет об историческом значении «Соборного Уложения» 1649 г. писали многие, наиболее заметными из которых являются работы В. Борисова, П. Ваденюка и Д. Мейчика, К. Верховского, С. Веселовского, М. Владимирского-Буданова, Ю. Гессена, М. Дьяконова, П. Епифанова, Я. Есиповича, И. Забелина, Н. Загоскина, А. Зимина, К. Кавелина, В. Ключевского, В. Латкина, В. Линовского, А. Манькова, Г. Миллера, Ф. Морошкина, С. Платонова, А. Попова, К. Софроненко, В. Сергиевича, С. Соловьева, В. Сторожева, В. Строева, Ф. Тарановского, Г. Тельберга, Н. Титкина, М. Тихомирова, Л. Черепнина, В. Чернова, П. Черных, Н. Шаховской, С. Шпилевского, Г. Шмелева, А. Щапова. Но все они являются в лучшем случае современниками XVIII в. и более позднего времени, когда российское государственное право уже представляло продукт светского государства, в котором, однако, церковным канонам отводилось значительное место (например, в Уложениях о наказаниях 1885 г.).

Несомненно, В.Ш. хорошо известно, что Патриарх Никон в «Разорении...» убедительно показывает ту грань, за которую перешло правовое, общественное, философское сознание в государстве, фактически отказавшемся от своих традиционных приоритетов в отношении к Церкви: ее независимости, уважении и содействии в ее укреплении. Так, государство становится тем инструментом, механизмом и системой, приводящим к ломке общественно-моральных и нравственных устоев – мировоззренческих представлений, умонастроений, или, по предложенному определению В.Ш., «модели православной славяно-русской философии» – в религиозно-общественном сознании, и становится, таким образом, господствующим над и во всех сферах государственной, экономической, правовой, хозяйственной жизни общества и человека в целом.

Патриарх Никон как современник «Уложения», который «подписа сию беззаконную книгу под страхом», подробно рассматривает канонические и государственно-правовые нормы этого документа, а его сравнения с предыдущей законодательной базой дают абсолютно точный ответ, на те вопросы, которые кажутся неразрешимым для тысяч мыслителей, политиков, интеллигенции и проч. – «Что делать?» и «Кто виноват?».

В.Ш. отмечает, что в «Разорении...» Патриарх Никон значительное место уделил разбору и критике Уложения 1649 г.: давая в целом оценку этого

правового документа, он называет его «беззаконной книгой», написанной «по совету антихриста»; главного автора и редактора этого документа называет «богоборцем и истинноборцем (т.е. борцом против истины – *А.Т.)*, а главного апологета – Паисия Лигарида – «предтечей лжи». Вместе с тем, В.Ш. стоило бы обратить внимание на следующие факты: 1) помимо общей оценки всего Уложения Патриарх Никон дает подробный анализ следующим статьям Уложения 1649 г.: преамбуле (или введению); гл. I (о богохульниках) ст. 1; гл. II (о государской чести) ст. 1, 20, 21; гл. III (о государевом дворе), ст. 3; гл. IV (о подписчиках), ст. 1, 2; гл. X (о суде), 1, 25, 27–31, 83, 84, 91, 92, 106, 141, 142; гл. XII (о суде патриарших приказных) 1, 3, 10; гл. XIII (о монастырском приказе) ст. 1, 2, 4, 6; гл. XIV (о крестном целовании) ст. 1–3, 6–8, 10; гл. XVII (о вотчинах) 4, 30; гл. XIX (о посадских людях) ст. 1, 5; и 2) Патриарх Никон подробнейшим образом проводит разбор и критику работы комиссии под руководством князя Н. Одоевского, в задачу которой входило «выписать из правил апостолов и святых отцов, градцких законов греческих царей», а также из указов прежних русских царей и боярских приговоров статьи, которые «пристойны... к государственным и земским делам», «и те государственные указы и боярские приговоры со старыми судебниками справить».

Говоря о демифологизации образа, также было бы уместным проанализировать традиционно-предвзятое отношение к Патриарху Никону, сложившееся и внутри самой РПЦ: в лучшем случае оно объяснялось противоречивостью и неоднозначностью личности Патриарха. В.Ш. лишь упоминает об этом, но, на наш взгляд, стоило бы особо подчеркнуть, что формированию такого отношения в Русской Церкви в немалой степени способствовало изложение жизни и деятельности Патриарха Никона митр. Макарием (Булгаковым) в его «Истории Русской Церкви». Например, делая обзор труда Патриарха Никона «Возражение...», митрополит приводил недостоверные сведения, говоря, что «Никон обильною рукою черпал» тексты из Кормчей и прочих уложенных книг, не видя за своим «социологизаторством» глубокомыслия в позиции Патриарха. Это «социологизаторство» вполне оправдывается следующая мысль Макария: «Нужно иметь великое терпение, чтобы читать книгу Никона даже по частям... и, наверное, мало нашлось охотников, чтобы прочесть и осилить ее всю». Как ни странно, но именно эти слова относятся и к самому митр. Макарию, который в исторической перспективе оказался прав: благодаря множеству причин, нашлись единицы, которым довелось прочитать главный эпистолярный труд Патриарха Никона.

политические науки

ФЕЛЬДМАН Д.М., д. полит. н., проф. кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Внимание политолога к исследованию В.Ш. преимущественно связано не столько с идеолого-мировоззренческими или религиоведческими аспектами этой работы, сколько с самой личностью Патриарха Никона, его ролью в политической истории России. Именно в этом, с моей точки зрения, состоит одна из самых сильных сторон проделанной В.Ш. работы. И именно эта сторона вызывает мой профессиональный интерес – интерес политолога, занятого разработкой теоретико-методологических представлений о настоящем и будущем политических отношений в глобальном социуме, месте нашей страны в мировой политике, ее взаимосвязи с развертывающимися в российском обществе политическими процессами.

Основательность суждений автора, собравшего и обработавшего громадный материал по теме исследования, вызывает естественное уважение и может служить удачным образцом научной работы. Труд В.Ш. принадлежит к числу произведений написанных не в погоне за дешевой популярностью, в стремлении откликнуться на злобу дня. Не только тематика, но и характер, уровень изложения материала свидетельствуют о глубине и серьезности. Выполненная В.Ш. работа весьма полно раскрывает внутреннюю логику самого предмета исследования, как его фундаментальное, так и прикладное, в том числе и политическое, значение.

Конечно, как и всякое научное исследование, работа В.Ш. вызывает вопросы и замечания. В частности, это касается теоретико-методологических основ проделанной В.Ш. работы. Так, автор претендует на «вычленение» и описание парадигмально-методологической модели предпринятого им анализа. Вместе с тем, он утверждает, что им «задана» типологическая модель, в рамках которой появляется возможность различать предметно-объектные области философии и теологии. Таким образом, остается открытым важный – особенно для философа – вопрос: парадигмальные основы

его теоретических построений «выявлены» в реальности или «заданы» извне? Остается думать, что в основе исследования лежат оба этих подхода, каждый из которых используется автором по мере надобности на основе какой-то иной, третьей, неупомянутой им парадигмальной установки.

Не все высказывания автора сформулированы с учетом современного понимания тех проблем, которые он затрагивает. Так в частности, его суждения о Вестфальской системе международных отношений и о Русской Церкви как «потенциальном акторе международных отношений» нуждаются в дальнейшем продумывании и уточнении в соответствии с учетом истории международных отношений, реальной политической практики.

В этом кратком отзыве нет места для подробного и обстоятельного разбора многих важных авторских суждений даже в том случае, если они не только претендуют на признание, но и вызывают на дискуссию. Тем не менее, оценивая работу В.Ш. «Демифологизация...» в целом, полагаю возможным сделать вывод о важности и полезности предпринятого исследования.

ШЕСТОВ Н.И., д. полит. н., проф. кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета.

Для корректной научной оценки междисциплинарных научных исследований очень важным является изначальное определение той позиции, с которой производится оценка. В исследовании В.Ш. политологический и исторический ракурсы заявлены в ряду основных, обеспечивающих комплексность и достоверность всего проведенного исследования, поэтому, в данном случае, все высказанные далее оценки и суждения по поднятым проблемам, будут отражать позицию историка и политолога.

Работа В.Ш. представляется как структурно сложное и, одновременно, внутренне логичное многоаспектное исследование одной из наиболее интересных ситуаций в отечественной историографии, а именно ситуации формирования (где-то на границах массового повседневного, политического элитарного и элитарно-научного сознаний) и довольно устойчивого бытования в научной среде того, что условно можно назвать «мифом Патриарха Никона».

Для науки всегда важно время от времени осуществлять самокритику, ревизию устоявшихся представлений и подходов, осуществить комплексную критику историографической традиции – особенно такой традиции, какая сложилась в нашей стране в последние два столетия по следам исторического, философского, а сегодня и политологического осмысления личности Святейшего Никона, тем более что его интеллектуальное наследия сегодня все еще ощутимо (что успешно показано автороми) и влияет на отношение людей к своему историческому культурному и политическому опыту. Работа В.Ш. в этом смысле дает существенное приращение конкретных научных знаний и предлагает ряд новых решений сформулированных ранее историографических задач с новых авторских методологических позиций.

С точки зрения проблематики современной отечественной политической науки поднятые в В.Ш. вопросы обладают очевидной актуальностью. Проблема «мифа Никона» в политологическом ракурсе – это проблема создания общественным сознанием своеобразного универсального масштаба для измерения соответствия или несоответствия качеств политической личности общественным запросам, свойствам эпохи или, как часто говорят, «вызовам своего времени». В этом смысле проблема «мифа Никона» имеет некий вневременной, фундаментальный характер. Современным элитам в России заметно не хватает теоретического опыта и практических навыков соотнесения себя с масштабом подлежащих решению российских проблем. Точно также и общество плохо представляет себе, с какими критериями подходить к оценке поведения элит. Исследование В.Ш. предлагает анализ того более чем трехсотлетнего исторического опыта «масштабирования» политической личности, который, конечно, не может быть перенесен прямо на современность, но который кое-что проясняет в политической, социальной и научной механике этой процедуры.

Вызывает профессиональное уважение тот значительный объем источников и научной литературы, который был привлечен автором для доказательства своих суждений и построения обобщающих выводов. Также работа актуальна и интересна еще и потому, что поднимает ряд фундаментальных и частных дискуссионных проблем, на которых хотелось бы подробнее остановиться. Я бы сформулировал их в форме ряда вопросов:

1) Автор настаивает на возможности сформулировать в конечном результате исследовательской

работы такое представление о личности и интеллектуальном творчестве Патриарха Никона, которое будет единственно верным (соответствующим «исторической правде») и опровергнет все мифы, которыми обросла эта историческая фигура. Реально ли это с учетом того, что историческая деятельность личности такого масштаба является априори источником глубоких социальных конфликтов, конфликтов, наследуемых исторической памятью общества и переходящих в пространство научной полемики (что подробно исследовано в работе) и, соответственно, возникает вопрос о том критерии, с позиции которого, и о том социальном субъекте (группе или индивиде), от имени которого будет произнесено это единственно соответствующее «исторической правде» суждение. Возможно, правильнее было бы говорить не столько о развенчании «мифа Никона» и возвращении к «исторической правде», что в этой ситуации проблематично, а о введении этого мифа в более четкие историографические, источниковедческие и философские границы – такие границы, которые позволят ученым и рядовым гражданам более четко различать, где в научном и публицистическом рассуждении заканчивается строгий анализ источников и начинается воспроизводство историографической традиции оперирования социально-политическим мифом;

2) Дискуссионным выглядит авторское определение научного мифа как структурного элемента мифа социокультурного или мифа политического. Научный миф генетически связан с другими сферами мифотворчества, но представляет собой вполне самодостаточную реальность. Сама же логика осуществленного исследования и проведенный в нем глубокий историографический анализ подсказывают, что социальные и политические мифы сами могут становиться структурными элементами мифологических конструкций, создаваемых учеными. Именно такая функциональная подвижность мифов делает их трудноуязвимыми для процедур демифологизации. Как, и это имеет непосредственное отношение к логике рассуждений автора, демифологизировать мифологическое представление, которое включено, например, в структуру научной исторической теории? В этом случае вторжение в структуру этой теории ставит вопрос о ее существовании как целостной и системообразующей историографической реальности;

3) В работе поставлен фундаментальный вопрос: была ли «реформа Никона» реформой в полном смысле этого слова? Это вопрос о чрезвычайно важном критерии, по которому, как уже отмечалось выше, во все времена определяется масштаб политической личности. Но если Никон не проводил реформы, то почему массовое сознание атрибутировало его именно как реформатора? Возможно, здесь уместно было бы поставить вопрос о том, а что такое была «реформа» в представлении людей XVII столетия? Какой глубины и какого масштаба перемены вызывали в массовом сознании ощущение необратимости изменения миропорядка. Очевидно, что сегодня и тогда представления о «реформе» различались. Отсюда становится важным и различение оценок реформаторского потенциала личности Никона у современников и позднейших исследователей его жизни и творчества.

Никон как интеллектуал XVII столетия поставил вопрос не столько о понимании прошлого (этот момент уже был достаточно полно отражен в летописной традиции и народившейся в период Смуты публицистике), а об отношении к нему. Этот момент актуализации Никоном именно субъективного отношения к прошлому, как-бы «поверх» понимания его (что отразилось в тупиковом характере дискуссий никониан и старообрядцев), имел сам по себе смысл реформы, реформы именно в способе позиционирования прошлого как предмета внимания массового сознания;

4) В исследовании автор делает акцент на связи генезиса «мифа Никона» с тем политическим противостоянием, которое развернулось между Европой и Русью по следам Тридцатилетней войны и религиозных войн. К этому политическому противостоянию возводится и первопричина конфликта Царя и Патриарха. При этом светская власть предстает агентом влияния Запада, соучастником вселенского заговора против Православной Церкви, жертвой которого пал Никон и воплощением которого стал «миф Никона». Ту же историческую ситуацию можно интерпретировать иначе и иначе сформулировать причину непримиримоконфликтного поведения светской и церковной власти: обе они видели перед собой религиозную (гражданскую) войну как закономерный результат сосредоточения в руках государства, Церкви и общества такого набора и количества материальных, культурных и политических ресурсов, такого заряда политической энергии, которое давало каждому из этих субъектов возможность претендовать на абсолютное господство. Итогом была гражданс-

кая война, в том числе между Церковью и государством. Закономерна здесь и реакция властей на Руси – стремление любой ценой не допустить аналогичной концентрации ресурсов в руках потенциальных политических оппонентов и не довести ситуацию до последней черты. При этом, как это бывает во всех гражданских конфликтах, каждая из борющихся сторон только свой образ мысли и действия полагала спасительным для страны. В этих условиях влияние интересов европейских держав могло усиливать напряженность конфликта Царя и Патриарха, но, как представляется, у них было и без этого более чем достаточно оснований для конфликта по вопросу о том, как удержать православную Русь у «последней черты», через которую легкомысленно перешагнула Европа;

5) Дискуссионной представляется и квалификация отношения светской власти к церковной политике Никона как «боярско-царского заговора». Это была легальная и легитимная государственная политика, осуществляемая в привычных для того времени формах и привычными методами. Так политическая практика выстраивалась и в Европе. Проще говоря, это была более норма политического процесса, нежели аномалия, то есть заговор.

психологические науки

ГОСТЕВ А.А., д-р психологии, вед. н. с. Института психологии РАН; СОСНИН В.А., к-т психологии, доц., зам. зав. лабораторией истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН.

Актуальность исследования В.Ш. многопланова и обусловлена несколькими моментами. Во-первых, исключительно важным значением изучения культурно-исторического наследия славяно-русской православной цивилизации и культуры для современной России, порой закрывающейся и от собственной истории, и от мира в целом, который, в свою очередь, традиционно настороженно относится к нашей стране и ее истории. Во-вторых, возросшим научным интересом к деятельности Патриарха Никона, его духовному наследию, во многом определившем облик целого исторического периода. Этот интерес пока во многом не удовлетворен, о чем-то важном все еще недоговоривалось. В-третьих, исследование актуально для понимания современных процессов и в православной Церкви, и в мировом христианском инославии в связи с экуменизмом, глобализмом и пр. Не менее актуально и преодоление мистификации и мифологизации социального бытия в одном из ключевых моментов российской истории в связи с задачей распознавания различного уровня и глубины глобального геополитического психоманипулирования и антироссийской политики на современном уровне и в исторической ретроспективе.

Теоретическая значимость обсуждаемого исследования также многоаспектна. Прежде всего можно констатировать разработку концептуально-терминологического и теоретико-методологического аппарата. Предлагаемая авторская концепция не только развивает и уточняет исследовательские парадигмы целого ряда отраслей отечественной гуманитарной науки, но и создает теоретико-методологическую основу для анализа других исторических периодов. При этом В.Ш. сумел найти свою уникальную нишу в исследовании роли Патриарха Никона, причем не только в связи с социально-политическими, религиозно-культурологическими процессами, но и духовно-психологическими моментами. Значение этой работы видится и в том, что она восполняет знание именно о личности Патриарха, расширяя, тем самым, и методологический ресурс современного религиоведения! Диссертант изучает наследие Патриарха Никона в истории России с учетом психологического фактора на различных уровнях и различной степени глубины. Нам видится, что именно с помощью него можно выйти на новый уровень понимания основополагающих проблем исторической жизни Отечества.

На основе достижений исторической и социальной психологии, психологии личности, в частности, применения методов реконструкции психологических черт, проективных методов автору удалось раскрыть, выделить личностные особенности Никона. Проведенная историко-психологическая реконструкция показала факт вульгаризации образа Патриарха Никона и автор доказал, что искаженный образ Патриарха, негативный, идеологизированный социокультурный миф о его деятельности и наследии были необходимы для сокрытия инспирированной западными государствами антирусской, антиправославной политики. Это – смелый исследовательский шаг, ибо задача раскрыть историческую правду, к сожалению, не является порой общей установкой отечественной науки.

Итак, свою историческую нишу В.Ш. заполнил во многом, благодаря опоре на психологические подходы. И это вносит свой вклад в осмысление

психологической наукой духовно-нравственного и религиозного опыта человечества через реконструкцию глубинно-личностных и социально-психологических реалий. В этой работе В.Ш. удалось продемонстрировать полезность исторической психологии в междисциплинарном гуманитарном знании об исторических периодах развития конкретных культур. Профессионально, квалифицированно используя методологическую базу современной социальной психологии и психологии личности, он успешно проводит психолого-аналитическую реконструкцию особенностей личности Никона. Это с одной стороны. А с другой, с особым удовлетворением мы хотим отметить серьезный вклад В.Ш. именно в психологическую науку в ее междисциплинарных связях с гуманитарным знанием. Так получается очень интересный момент взаимополезности психологии для автора, и автора для психологии.

Помимо реконструкции личностных особенностей Патриарха, в исследовании получил развитие комплекс проблем, поставленных в психологии – с XVIII–XIX вв., тогда еще в душеславии, оформившихся к началу XX в. в «философской психологии», прерванной в советский период. Кстати сказать, возрождение этого направления было заявлено В.Ш. темой «Духовность как объект и предмет социально-психологического исследования» под руководством крупнейшего отечественного социального психолога и историка социально-психологической мысли XX в. проф. П.Н. Шихирева в Институте психологии РАН.

В обсуждаемой работе также получила дальнейшее развитие и конкретизацию предметная область исторической психологии, заложенная проф. М.В. Соколовым. И если междисциплинарные историко-психологические исследования последнего, написанные в середине XX в., опирались в основном на литературоведческую базу, то в настоящее время их достоверность может уточняться и конкретизироваться за счет использования современных религиоведческих подходов, выполняющих в отраслевых науках методологические функции.

Отметим также выдвинутые в работе значимые положения, среди которых, в частности, дополнительные знания о геополитических кодах. В.Ш. показывает, что национально-государственное социокультурное историческое прошлое в совокупности образов-архетипов задает нормативно-символическую матрицу с ее потенциальной вариативностью будущего. Легитимность этой матрицы в реализующемся будущем обеспечивается мифологизацией архетипических образов, включенных в исторический генезис и контекст представлений о мире, т.е. созданием и пропагандой сакрализованных социально-политических мифов и их удержанием в общественном сознании. Обратим внимание, что с позиций глубинной психологии мир не есть нечто иллюзорное (речь идет, действительно, о движении к наибольшей адекватности социального отражения), а с позиции трансперсональной технологии как варианта глубинной психологии архетип – это и социальный регулятор, и регулятор метафизический. Так что диссертация без преувеличения работает на понимание базовых элементов национальной картины мира на уровне мифологем, ценностей, социокультурных архетипов и образов-символов, обогащая в означенном мною круге, собственное исследовательское поле психологии, вместе с тем питаясь тем, чем располагает психологическая наука.

Совокупность подобных элементов коллективного сознания / бессознательного составляет духовный национально-государственный ресурс информационного оружия в геополитической борьбе. «Проблема Никона как междисциплинарная проблема в определенном смысле есть проблема будущего мира и роли в нем России. Эта роль связана с раскрытием антиапостасийной духовной силы Православия в мире. «Демонизация» образа Патриарха была связана с тем, что Никон противодействовал идеям католической и протестансткой культуры, в которой Церковь не затрагивает онтологических основ жизни общества.

Можно также отметить такой вклад этой работы в развитие истории психологии, как мифологизация образа исторической личности, методы формирования и механизм развития и функционирования социально-политического, социально-культурного мифологического образа.

Особо хочется отметить актуализированную в исследовании В.Ш. проблему символизма и задач, относящихся не только к компетенции исторической психологии, но и, что особо хочется подчеркнуть, способствующие ее развитию: а) исследовать теоретико-методологические основы мифологизации ремифологизации образа исторической личности; б) определить методы формирования, механизм развития и функционирования социально-политического, социокультурного мифологического

образа; в) систематизировать основные элементы славяно-русской картины мира; г) выделить элементы обеспечения демифологизации образа как социо-политико-культурного архетипа; д) выявить основные особенности ремифологизации образа как социокультурного архетипа. Выделение черт социокультурного мифа-символа является важным результатом и для психологии символического познания, и для раскрытия роли святоотеческого принципа символизма в изучении психического (социального) отражения-регулирования, и т.д. В этом смысле значение работы В.Ш. для психологической науки можно распространить с исторической психологии до социальной и общей психологии, а также психологии личности. Говоря о связи результатов исследования В.Ш. с психологией архетипических, символических и мифологических образов, отметим его авторский вывод о том, что *настоящее опосредуется совокупным образом исторического прошлого, как архетипом и его современной интерпретацией – соответствующим мифом, сакрализуемым в общественно-государственной санкции его бытования и удержания*. Это – реальный вклад В.Ш. в понимание роли социальных архетипов в социальной регуляции на глубинном уровне.

Говоря о работе В.Ш. в целом, отметим, что столь масштабное научное исследование, затрагивающее практически все отрасли гуманитарного знания, мы видим впервые – оно представляет собой первое в гуманитарной науке междисциплинарное исследование образа Патриарха Никона в контексте такой важной проблемы как демифологизация социокультурного и социально-политического образа исторической личности. Образ Патриарха – яркого выразителя традиционно русской системы воззрений, основанных на святоотеческих представлениях – показан как символ модели организации миропорядка, борьбы за содержание, принципы и формы институционального взаимодействия государства, общества и Церкви, ответственности конкретной личности за судьбы народа, страны и наследия цивилизации.

Хотелось бы высказать пожелания на перспективу. В частности, используя методологическую базу исследования, интересен был бы анализ апостасийных тенденций в обществе и в церковной жизни, что могло бы способствовать осознанию моделей предотвращения таких ситуаций, когда целенаправлено ведется идеологическая дискредитация фундаментальных ценностей славяно-русской цивилизации, утвержденной на базисе Православия.

Другое пожелание связано с возможностью более глубокой реконструкции старообрядческого восприятия событий вокруг Патриарха Никона и в связи с его масштабной деятельностью. Методология исследования позволяет соединить «боль староверческой души» с объективным историко-культурным контекстом и ролью «новообрядческого» субъективного фактора.

теологические науки и история Церкви

ЛАВР, митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский, Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви.

Глубокоуважаемые Ольга Юрьевна и Вильям Владимирович, немотря на то, что каникулярное время затруднило своевременный ответ, надеемся, что отзыв, составленный по нашему благословению преподавателем истории России Свято-Троицкой Духовной Семинарии (Джорданвилль, США) Д.П. АНАШКИНЫМ окажется полезным. С пожеланием успехов в научной работе.

Негативный образ Святейшего Патриарха Никона сложился не только в старообрядческой, но и в научной литературе. В досоветский период этому способствовал факт его конфликта с Царем Алексеем, в советское время, когда вся церковная история рассматривалась в отрицательном ключе, Никон фигурировал как представитель класса эксплуататоров. В.Ш. ставит своей целью демифилогизировать образ Никона и объективно оценить роль предстоятеля Русской Православной Церкви в непростой ситуации середины XVII в. – используя широкую источниковедческую базу, автор пытается показать реальный образ Патриарха, при этом его позиция не ангажирована ни конфессионально, ни политически, он претендует на беспристрастность. В.Ш. подтверждает заключение прот. Г. Флоровского, что редко кто писал о Патриархе Никоне бескорыстно и беспристрастно, без задней мысли и предвзятой цели, что его имя до сих пор предмет спора и борьбы, но далее замечает, что образ Никона в некоторых произведениях приобретает буквально демонический характер.

Знакомство с работой указывает, что она написана не в церковно-исторической, а скорее в философской плоскости: автор поднимает вопрос осмысления «славянско-православной цивилизации» в различных аспектах, в том числе затрагивая

проблему противостояния восточного православного и западного католического мира, основанного на Вестфальской системе международных отношений. Конфликт боярской аристократии и Патриарха напрямую связан с этим противостоянием. Проведенные церковно-обрядовые и книжные справы были обусловлены не только внутренними потребностями Русской Церкви, но и политическими соображениями, в частности, стремлением православного Московского царства к освобождению православной Эйкумены и реализации девиза Москва – третий Рим. Интересным и почти не исследованным является вопрос о влиянии Литовского статута на Соборное Уложение 1649 г. и унификации русской административно-правовой базы в соответствии с общеевропейской Вестфальской системой.

К сожалению, создается впечатление, что автор слишком увлекся идеологизированием: ставя своей задачей демифологизацию образа Патриарха Никона, он рисует его образ исключительно светлыми красками. Как пример возьмем отношение Никона к Соборному Уложению, в котором Патриарх видел проявление апостасии и называл его беззаконной книгой, написанной по совету антихриста. Между тем государство уже давно проводило политику объединения страны, политику единого подхода к землям: в XVII в. активно идет процесс слияния дворянского поместья и боярской вотчины, а церковное землевладение в этом процессе фактически является рудиментом феодальных отношений и представляет церковный удел в общей массе земель, которые контролирует государственная власть. В данном случае власть заинтересована не в ограблении Церкви, а в упразднении удельной традиции распоряжения огромными земельными имуществами, которые, находясь в юрисдикции Патриарха, представляли собой своеобразные самостоятельные владения. Так что можно считать, что в этот период происходила унификация управления землями и судебного права. Надо заметить, что личные отношения Царя и Патриарха наложили отпечаток на этот процесс: с одной стороны, в период своего расположения к Никону Царь дарил ему большие земельные угодья; но с другой стороны – именно светская власть покушалась на церковные земельные угодья, и после Никона этот процесс пошел именно так, а не иначе. Кроме того, никто не лишал Патриарха прав чисто канонических.

До конца XVII в. в России не было духовных учебных заведений, а образование русских книжников во многом было начетническим. Никон в данном случае не исключение. Никон постоянно ссылается на каноны, но толкует их упрощенно. Существование в стране двух законодательств, двух верховных правителей, двух хозяйственных систем является фактором нестабильности как хозяйственной и политической, так и религиозной. Важнейшим фактором стабильности в России всегда был союз государства и Церкви. По поводу приоритетов (Церковь-государство или государство-Церковь) всегда велись споры – своих сторонников имеют обе точки зрения, но бесспорно – Никон своей политикой как бы фактически создавал еще одно государство внутри России.

Вызывает удивление тезис автора о том, что к первой половине XVII в. Русь являла пример воцерковленной христианской державы.

В начале века Русь пережила невиданную смуту и разорение. Церковная жизнь была в определенном упадке. Это было неизбежно, т.к. в упадке было само государство. Поколение сформировавшиеся во времена Смуты в духовном отношении не представляло из себя ничего выдающегося, поскольку было психологически травмировано острейшей политической борьбой. Не даром XVII в. называют «бунташным». Соляной, медный и стрелецкий бунты, разинщина – все это никак нельзя назвать «примером воцерковленной христианской державы».

Сам процесс исправления печатных книг имел несколько периодов. Такие известные впоследствии расколоучители как протопоп Аввакум, Иван Неронов и др., сначала всего лишь занимались правкой книг. Впоследствии к этому делу был подключен отбывавший наказание на Соловках Арсений Грек. Сам критерий, по которому отбирались люди, проводившие исправление книг был неустойчивым. Во время проведения обрядовой реформы, вместо объяснений, вместо мягкого и поэтапного ее проведения, просто разослали циркуляр по московским церквам и приказали делать так, как там указано – начался раскол. Фигура Никона в этих событиях видится в очень непростом и противоречивом свете. Настоящий монах и аскет, истовый, способный на личные жертвы и, безусловно, честный человек, проводя вполне разумные исправления книг и обрядов, заботясь о благе Церкви, решая проблемы, унаследованные от своих предшественников, способствовал возникновению нестабильности в русском обществе.

Правление Никона – 1652–1658 гг. – это время войны с Польшей. В этих условиях русский народ нуждался в единстве; только начали залечиваться

раны Смуты. Присоединение Украины к России породило немало проблем куда более острых, чем вопрос о крестном знамении или аллилуйи.

Особое внимание обращают на себя предположения: о существовании в XVII в. инспирированной западными государствами и Ватиканом антирусской и антинациональной политики, а также об унификации русской административно-правовой базы в соответствии с Вестфальской системой. Введение в научный оборот столь проблемных гипотез требует адекватного и более конкретного подтверждения историческими свидетельствами.

К деятельности и личности Никона в российской исторической науке существует два абсолютно различных, полярных подхода. Безусловно положительным видится стремление автора отойти от общепринятых схем и попытаться нарисовать объективную картину первосвятительства Патриарха Никона. Безусловно, вопрос о Патриархе Никоне надо решать исходя из общегосударственных проблем, оценивая русскую историю как единый процесс, и здесь автор совершенно справедливо не разделяет историю России на светскую и церковную, рассматривая их в едином комплексе. Проблемы, возникшие в середины XVII в. и до сих пор дающие о себе знать, должны быть рассматриваемы исходя из общих принципов развития России, общего подхода к проблемам ее истории. Именно на этом пути находится автор и именно этот путь является наиболее перспективным.

ПАВЕЛ, Святейший Патриарх Сербский, архиепископ Бухарестский, митрополит Мунтенский и Добруджийский.

Уважаемая госпожа Васильева! Имеем честь известить Вас, что для участия в дискуссии, посвященной известному русскому церковному и государственному деятелю Патриарху Никону, от имени Сербской Православной Церкви и Нашей Святости благословляется выступать его высокопреподобию ставрофорному протоиерею Димитрию КАЛЕЗИЧУ, д-ру богословия, проф. Белградского (Сербия) и Восточно-Сараевского (Босния) государственных университетов. Желаю Вам многомилостивых от Бога щедрот и призываю Его благословение на труды Ваши.

И уважаемые, и дорогие!

Рецензируемая работа В.Ш. заслуживает многоаспектного рассмотрения, что вытекает из междисциплинарности и комплексности исследовательского подхода, направленного на изучение всесторонней и богатой деятельности Патриарха Никона.

В истории русского и вселенского Православия Патриарх Никон остался известен, в первую очередь, как реформатор богослужения (богослужебного языка, т.е. его нормы, богослужебных книг и самого обряда). В работе В.Ш. Патриарх Никон предстает перед нами на основании богатого архивного материала впервые представленного научной общественности во весь рост, как деятель широкого охвата, на фоне перехода из Средневековья в Новый век истории российского общества. И хотя этот классический переход хронологически вмещается во вторую половину XV в., в содержательном же отношении его правдоподобнее связывать со второй половиной XVII в., поэтому и деятельность этого великого Первосвятителя Русской Церкви, вошедшую в золотой фонд российской культуры, следует рассматривать с точки зрения религиоведческой и социологической, философской и антропологической, культурологической и организационной. Именно такой междисциплинарной направленностью характеризуется исследовательский подход В.Ш.

На страницах анализируемого труда Патриарх Никон предстает перед нами в новом свете – на основании множества ранее неизвестных данных создается новая, многослойная картина его деятельности и его личности в целом, рассмотренной на фоне истории и культуры России XVII в. На основании фактографии и выводов данной работы будет возможно более адекватное истолкование событий в истории Церкви и российского общества в XVII в., а в некоторых случаях и ревизия положений, до сих пор принятых в науке. Православно-славянская традиция здесь показана в качестве основной движущей силы церковной и гражданской истории России, проявляющейся в религиозно-философских, историко-филологических, социологических, политических, юридических, богословских, литературных, научных и других аспектах и результатах. Именно поэтому рассмотренные В.Ш. проблемы, каждая в отдельности и в их совокупности, открывают дальнейшие перспективы научных исследований. Многие из результатов этого тщательно проведенного исследования послужат мощным толчком к нахождению новых направлений и приемов анализа данной проблематики, являясь живым и динамичным вкладом в культурологию России.

Функциональность исследования В.Ш. не исчерпывается конкретными результатами – она, на наш взгляд, проявляется, прежде всего, в широких перспективах, открывающихся на основании предлагаемой работы для будущих исследований. Автор дает возможность читателю ознакомиться с богатыми архивными материалами, но вместе с тем и с широким спектром интерпретаций деятельности Патриарха Никона в зависимости от идеологических воззрений исследователей (церковно-богословские взгляды разных эпох и разных авторов, воздействие доктрины старообрядчества, идеологии марксизма и т.п.), которые автор аргументированно представляет и доказывает, что именно идеологические воззрения ограничивали большинство исследователей, навязывая им узкие теоретико-методологические рамки, что, в свою очередь, приводило к узким, тенденциозным и научно не обоснованным результатам. Преодолев подобные барьеры и ограничения идеологического порядка, автор предложил комплексное, системное и всестороннее научное исследование с валидными результатами и широкими перспективами новых изысканий в данной области.

Учитывая междисциплинарность и интегративность подхода в изложении рассмотренной проблематики, можно сказать, что автор успешно справился со своей задачей. Новизна исследования В.В. Шмидта состоит, прежде всего, в реконструкции богословско-философских взглядов Патриарха Никона, истоком которых является христианское учение о человеке как микрокосмосе, причем specificum Никоновских взглядов составляет их паламитская интерпретация. Именно глубина рассмотрения, широта охвата и содержательность изложения являются основными достоинствами фундаментального труда В.Ш., который, как мы уверены, даст возможность реинтерпретации и ревизии господствовавших до сих пор взглядов о Патриархе Никоне, о его эпохе и характере истории и культуры XVII в. в России.

КОНСТАНТИН, архиепископ Тихвинский, д-р богословия, проф., Ректор Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии и Семинарии.

Глубокоуважаемая Ольга Юрьевна! Я с большим интересом ознакомился с рефератом исследования В.Ш. Полагаю, что подобные работы являются серьезным вкладом в изучение истории Русской Православной Церкви. К сожалению, в связи с большой нагрузкой я не смогу лично присутствовать на заседании. Это сочинение было отдано мною на отзыв преподавателю Истории Русской Православной Церкви Ф.Н. АМБАРЦУМОВУ. С глубоким к Вам уважением и благословением, направляю подготовленный от Санкт-Петербургских духовных школ отзыв.

О личности и значении Патриарха Никона написано очень много. Вместе с тем, нет однозначной оценки как самого Первосвятителя, так и его деятельности. В.Ш. исходит из наличия факта «психокультурологической вульгаризации образа Патриарха Никона, его демонизации и мистификации в историографии». В связи с этим, целью исследования названа демифологизация образа Патриарха Никона и его наследия, при которой, что особо подчеркивает автор, необходимо придерживаться «принципов историзма, документальности и критико-идеологического редукционизма».

В противовес расхожему представлению о Патриархе Никоне как о человеке властном и жестоком, беспощадном карателе, автор характеризует личность и наследие Патриарха самыми возвышенными чертами. По его мнению, Патриарх Никон «вывел Русскую Церковь из состояния изоляционизма и, проведя книжную и церковно-обрядовую синопсизацию, приблизил ее к Церквам-сестрам, подготовил каноническое объединение Великороссии и Малороссии; оживил жизнь Русской Церкви, сделав доступными для народа творения святых Отцов и, объяснив смысл богослужения и церковную символику, обеспечил преемственное сохранение наследия Православной Эйкумены в условиях пременения царств». На основании обширной подробно разработанной источниковой базы, пространных философских комментариев автор приходит к заключению, что творческое наследие Патриарха Никона является вершиной средневековой славяно-русской мысли; «Патриарх отстаивал иероавтократическую модель («симфоническое единство») церковно-государственного устройства и управления на принципах христоэкклесиологической (теократической) модели бытия».

Центральной идеей исследования является гипотеза относительно причин появления «негативного мифа о Патриархе Никоне»: «создание негативного... мифа о» Патриархе Никоне, «его деятельности и наследии были необходимы для сокрытия инспирированной западными государствами и Ватиканом... антирусской, антиправославной поли-

тики, и реализованной в ходе спровоцированного московским боярством государственно-церковного конфликта».

Признавая высокую научность исследования в целом, тем не менее, нельзя согласиться с некоторыми утверждениями автора.

1. Относительно того, почему все еще не написано ни одной обобщающей монографии о Патриархе Никоне, автор пишет, что отчасти это «объясняется и причинами идеологического характера: церковно-богословская, раскольническая («старообрядческая»), марксистская традиции ограничивали исследователей определенными методологическими рамками, сковывали их инициативу и творческий поиск». В данном случае, утверждение, что церковно-богословская традиция сковывала инициативу исследователей, является преувеличением. В отдельные периоды, возможно, так оно и было, но в целом характеризовать таким образом церковно-богословскую традицию недопустимо.

2. Перечисляя различные стороны деятельности Патриарха, автор проводит мысль о том, что «проведение книжной и церковно-обрядовой справы» синопсизировало традиции Вселенского Православия «для обеспечения истинной кафоличности не только Церкви, но через ее паству и православные государства». На самом деле «истинная кафоличность» Церкви (не совсем ясно, что имеется в виду под кафоличностью православных государств) обеспечивается благодаря присутствию Святого Духа в полноте Его благодатных даров. Только полнота сакраментальной жизни Церкви – как в Церкви Вселенской, так и в каждой евхаристической общине – является залогом ее кафоличности. Увязывать же истинную кафоличность с «книжной и церковно-обрядовой» унификацией значит вставать на путь старообрядческой логики.

Автор и в дальнейшем повторяет эту идею: унификация московской богословской традиции и церковно-обрядовой практики диктовалась, по его мнению, кафолизацией Русской Церкви. Очевидно, что автор употребляет понятие «кафоличность» как равнозначное понятию «вселенскость», тогда как с богословской точки зрения это не тождественные понятия.

Вместе с тем, несмотря на отдельные неточности, работа создает впечатление серьезного историко-философского труда, который, безусловно, займет важное место среди исследований, посвященных выдающимся личностям отечественной истории.

ДАНИЛЕНКО Б., протоиерей.

1. *Об актуальности предмета исследования*. На протяжении трех с четвертью веков со дня кончины Патриарха Никона российское общество пробовало примерить на себя целый гардероб непохожих между собой одежд государственного устроения и типов национальной идеологии. Так или иначе, но все эти попытки сводились к уяснению соотношения самобытности российской культуры и ее «встраиваемости» в общеевропейскую, а затем и в мировую, культурную традицию. «Встреча с западом», о которой, имея в виду предшествовавший патриарху Никону XVI в., как о переломном моменте истории Руси-России писал выдающийся отечественный богослов прот. Г. Флоровский, не только оказала особое влияние на формирование национального самосознания россиян, но и, словно лакмусовая бумага, выявила его, этого самосознания, природные изъяны. В этом смысле личность патриарха Никона представляется одной из самых важных для понимания всего, что связано с линией Запад – Восток, а точнее Запад – Россия – Восток. XVII в., время жизни и активной церковно-государственной деятельности патриарха Никона, представляется многим исследователям переломной эпохой отечественной истории. Пожалуй, по обилию катаклизмов и перемен в жизни России с этим веком может соперничать лишь век XX.

Не только деятельность самого патриарха Никона по построению нового для своего времени идейного пространства, сочетающего опыт христианской истории и устремленность в будущее, но и общественная реакция на нее стали предметом многочисленных исследований, некоторые из которых делают честь отечественной гуманитарной науке. Однако следует заметить, что даже самые выдающиеся авторы работ о Патриархе Никоне предметом своего исследования видят, прежде всего, личностный персонаж отечественной исторической драмы. И не важно, в качестве осуждающих или оправдывающих Патриарха выступают авторы этих исследований – для них он личность, требующая либо сочувствия, либо осуждения.

В некотором смысле такой подход характерен и традиционен для отечественной научной методологии в области исторических исследований. Но, как всякий исторический портрет, образ Патриарха Никона, явленный в анналах отечественной науки, несет на себе по понятным причинам определенные черты мифологизации, причем в первую

очередь это относится к взглядам Святейшего по основным мировоззренческим вопросам – от богословских суждений, касающихся *жизни будущего века,* до взглядов на типы устроения современного ему общества.

Как это ни парадоксально, но именно философское наследие патриарха Никона, а точнее – мировоззренческая картина, явленная во всем своем предметном многообразии его творческим усилием на протяжении многотрудной жизни, словно *неизведанная земля,* еще только ждет своих исследователей. И работа В.Ш., как одна из первых, если не первая, несомненно, служат основанием здания объективного исследования этого историко-культурологического, философского богатства.

Заметим, что многие парадигмы отечественной истории, явленные как коллизии светской и духовной власти в России (не только и, наверное, не столько в отношении первенства одной из них) нужно учитывать в современных ситуациях, когда необходимость поиска известного баланса, например, в образовательной области, является более чем злободневной. Здесь знание «теории» патриарха Никона поможет избежать многих досадных ошибок.

Но не только «практическое применение» мировоззренческого опыта патриарха Никона делает предмет исследования В.Ш. актуальным. Долг объективности требует от отечественной науки дать полный обзор богословских, политических, художественно-архитектурных, инженерно-технических, музыкальных воззрений личности, изменившей привычный ход российской истории, позволившей нашим соотечественникам ощутить себя частью культурного пространства христианской Европы, неотделимой от единой истории человечества. И вот, к радости пишущего эти строки, все, что объединяет в античном смысле своего значения философия, в связи с личностью Патриарха Никона стало предметом научных трудов В.Ш., ликвидирующих указанный пробел в отечественной гуманитарной науке.

2. *О структуре исследования.* В своем исследовании, охватывающем многие стороны религиозно-философского наследия Патриарха Никона, автор сперва представляет обзор документальных источников, включая авторские тексты самого Патриарха Никона и сочинения его современников, обзор и анализ основных исследований отечественных и зарубежных авторов, посвященных Патриарху, рассматривает его портретные изображения живописного, графического и скульптурного характера, а также его поэтические, прозаические и драматургические образы, созданные в отечественной словесности. Затем переходит к рассмотрению религиозно-философской и социально-политической основы российского общества (с указанием на основные памятники отечественной мысли), сформировавшегося ко времени выхода на церковно-общественное служение Патриарха Никона, рассмотрению и анализу системы богословских, философских, политических, просветительско-миссионерских и литургических воззрений Святейшего и, наконец, оценке Патриарха Никона как религиозного и государственного деятеля.

Двухчастная структуризация такого рода с учетом многообразия материала, задействованного в исследовании, представляется вполне оправданной. При изучении каждого из разделов, представленные в них экскурсы в состав другого оказываются не только весьма полезными и уместными, но и необходимыми.

Некоторое недоумение возникает по поводу «классификации» авторов исследований о Патриархе Никоне, которые разделяются на представителей «историко-идеологического редукционизма» и «историко-апологетического реализма», а также иностранных исследователей. Если первые два термина с некоторыми допущениями можно признать приемлемыми для научного употребления, то «географический» предикат представляется недопустимым – если отечественные исследователи разделены на направления по своим методам и оценкам, то почему же их иностранные коллеги не имеют права быть объединенными с ними, или хотя бы быть собранными в некое направление. Еще более странным кажется разделение авторов на представителей «светской» и «клерикальной» традиции. Конечно, важно, по какому ведомству получал жалование каждый из них, но только не в связи с исследованиями о Патриархе Никоне. Следует помнить, что в дореволюционной России высшие учебные заведения – и гражданского, и духовного ведомств – в научно-идейном отношении были гораздо независимее, чем, например, постсоветские ВУЗы эпохи Горбачева или Ельцына. В наши дни стоит помнить, что отечественная наука до критического момента в процессе революционного брожения не имела в качестве ориентиров ни светскости, ни клерикализма, но всегда оставалась

христианской и по своим задачам, и по своим нравственным методам, именно поэтому многие русские ученые имели возможность одновременно или последовательно занимать профессорские кафедры как «статских» или «военных», так и «духовных» учебных заведений (А.П. Лебедев, В.О. Ключевский и многие др.).

Особо ценной в структурном отношении представляется материал о художественных образах Патриарха: автором представлена исчерпывающая классификация всех видов изображений Патриарха Никона – и объемных, и плоскостных. За предложенным автором лаконично формализованным перечнем различных видов изображений объекта исследования стоит богатейший материал, заслуживающий отдельного иллюстрированного издания, объем которого представляется колоссальным, но без своеобразного ключа, представленного в исследовании к этому обширному материалу, его невозможно ни обозреть, ни классифицировать.

Некоторые факты использования темы Патриарха Никона в современной, но совсем не значительной драматургии, хотя и могут показаться забавными, не заслуживают, на наш взгляд, научного внимания и могли быть упомянуть лишь в подстрочных примечаниях рассматриваемого исследования.

В исследовании упомянут весьма обширный круг работ, посвященных Патриарху и его времени, а также различных статей, имеющих то или иное отношение к предмету исследования. Поражает своим объемом библиография и указатель рукописных и лапидарных источников, перечень которых является на сегодня наиболее полным. Кроме того, многие тексты, приводимые автором исследования в основной части или построчных примечаниях, вполне могли быть выделены в отдельное приложение (хотя этого, несомненно, следует ожидать не от исследовательской работы, а от издания, адресованного широкому кругу читателей).

3. *О новизне представленного материала*. Одним из главных достоинств исследования является обобщенный обзор источников, относящихся к истории и наследию Патриарха Никона, – *Судного дела, Жития,* материалов, относящихся к монументальному наследию, в том числе богослужебных и певческих книг, а также воспоминаний, хроник и дневниковых записей, созданных в XVII в. посещавшими Россию иностранцами.

При наличии огромного числа исследований о Патриархе ни одно из них до сих пор не включало в себя претендующего на полноту обзора научных позиций, с которых делались предшествующие ему работы на эту тему за исключением упомянутого выше М.В. Зызыкина. Так же обстояло дело относительно оценки полноты источниковедческой базы, на которой основывались исследователи жизни и деятельности Никона. Автор же рассматриваемого нами труда дает обстоятельный обзор исследований, сделанных его предшественниками [С.М. Соловьев, В.Н. Татищев, Н.Ф. Каптерев, Н.И. Костомаров, А.П. Щапов, А.В. Карташев, митр. Платон (Левшин), Н.И. Субботин, митр. Макарий (Булгаков), архиеп. Филарет (Гумилевский), прот. Самуил Михайловский, В. Пальмер, Н.А. Гиббенет, архим. Аполлос (Байбаков), М.В. Зызыкин, С.Ф. Платонов, Ф.Ю. Самарин, В.О. Ключевский, митр. Антоний (Храповицкий), архиеп. Серафим (Соболев), П.Ф. Николаевский и др.] и современниками (С.М. Дорошенко, С.В. Лобачев, А.С. Панарин, К.М. Долгов и др.). При этом обобщения, сделанные автором, могут быть признаны основой для исторического и содержательного анализа большинства ранее предпринятых работ на эту тему. Важно отметить, что В.Ш. не полемизирует со своими предшественниками. Он, не соглашаясь с некоторыми из сделанных ими выводов, лишь указывает на легковесность источниковедческой базы (а иногда на полное ее отсутствие, например, у С. М. Соловьева), послужившей этому. В результате перед нами открывается картина, суть которой сводится к возникновению в отечественных научных кругах с конца второй трети XIX в. начального интереса к личности Патриарха Никона, соединенного сначала с желанием очернить его образ, а затем – со стремлением (начиная с А.П. Щапова) реконструировать, а точнее – реабилитировать как саму личность Патриарха, так и его вклад в отечественную христианскую сокровищницу. При этом автор рассматриваемого нами исследования первое именует «историко-мифологическим редукционизмом», а второе – «историко-апологетическим реализмом», о чем нами уже упоминалось выше.

Очерк старообрядческой литературы о Патриархе Никоне при всей его кажущейся лаконичности представляется более чем достаточным в объеме рассматриваемого исследования, т.к. по меткому выражению цитируемого автором современного историка старообрядчества, «богословско-философская аргументационная база» давно уступила место «обличительно-полемической» в диалоге

между первенствующей Церковью и адептами «старой веры».

Важно отметить, что позиции некоторых современных ученых и представителей общественной мысли относительно значения Патриарха Никона в становлении мировоззрения и развитии общественных институтов России разобраны автором исследования с особой тщательностью. Это касается, прежде всего, Дж. Биллингтона и А.И. Солженицына. При несогласии автора исследования с позицией последних несколько настораживает излишняя его «публицистичность», однако уйти от такого рода полемики даже в рамках академической задачи, по всей видимости, сложно, что является косвенным подтверждением актуальности темы исследования.

4. *Оценка автором места богословского и философского наследия Патриарха Никона в культуре русского средневековья и современности.* Основываясь на обстоятельном обзоре системы религиозно-философских и социально-политических представлений, сформировавшейся в России к XVII в., В.Ш. дает исчерпывающий очерк воззрений Никона, при этом его особое внимание относится к отдельным составляющим – в рамках богословских дисциплин – этой мировоззренческой системы: экклезиологии, каноническому праву, антропологии, нравственному богословию, а также воззрениям, связанным с просветительскими (естественно-научный цикл) и миссионерскими устремлениями Патриарха. Особым предметом, занимающим автора исследования, являются экзегетические приемы, которые были взяты на вооружение Святейшим Никоном, запечатленные, в частности, в его гомилетическом наследии, также концепция литургического и пастырского служения.

Всесторонний анализ наследия Никона, запечатленного как в виде текстов, так и в виде произведений гимнографии, литургической музыки, иконографии и архитектуры, позволил автору исследования сделать вывод относительно предельной вкорененности Патриарха Никона в христианскую традицию. При этом мировоззренческая система Святейшего представляется органичным сплавом теоретических познаний, связанных с традицией византийской образованности, соединившей античную и святоотеческую традицию, с аскетической практикой православного Востока. Определив на личном уровне горизонты мысли своего века, Патриарх Никон, по убеждению В.Ш., предопределил направление развития просвещения, науки, политики и благочестия как векторов позитивного устремления в отечественном обществе на последующие века. Читателю исследования становится ясным, что опыт диалога государства и Церкви, явленный в практической деятельности Патриарха Никона, включает в себя возможные парадигмы развития типов отношений и в новой России.

Автору исследования удалось показать, сколь неисчерпаемым остается не только философское наследие Патриарха Никона, но и все запечатленные на исторических путях России проявления данного ему божественного дара, преумноженного посредством не только усердных трудов, но и путем исповеднического свидетельства об Истине Христовой.

5. В целом рассмотренное нами исследование В.Ш., свидетельствует о проделанной автором колоссальной работе. С положениями актуальности, сформулированными автором, невозможно не согласиться. Главная же рабочая гипотеза исследования, сводящаяся к констатации факта *наличия в России модели государственно-конфессиональных институциональных отношений, отличной от европейских государств, а также специфичности социально-политических условий развития этой модели* на материале исследования представляется вполне доказанной.

БОБРИНСКИЙ Б., протопресвитер, д-р богословия, проф., Заслуженный Декана Свято-Сергиевского Богословского института (Париж).

Несколько лет тому назад, в мою бытность Деканом нашего Св. Сергиевского Богословского Института я переписывался с В.Ш. касательно его труда «Религиозно-философские воззрения и система богословия Патриарха Никона». Работа эта чрезвычайно ценная и мне лично хочется Вас поздравить за этот труд, т.к. он восполняет несомненный пробел в этой области. За эти годы, может быть, эта работа еще увеличилась и улучшилась. Из того, что я тогда читал, я могу лишь подтвердить мою весьма положительную оценку, столь с точки зрения исторической достоверности, сколь и в отношении современной литературы и подробной библиографии. Как и прежде, я был бы рад получить современной работу В.Ш. в ее конечном оформлении и редакции. С уважением и наилучшими пожеланиями к В.Ш. и Вашему высокому собранию.

МАКАРИЙ (Веретенников) архимандрит, д-р богословия Галльско-Виттенбергского университета, магистр богословия МДА, проф. Московской Православной Духовной Академии Московского Патриархата.

Я буду краток: данная работа является фундаментальным исследованием, которое максимально подробно рассматривает все труды и произведения Святейшего Патриарха Никона. И, кроме того, эта работа, безусловно, является вкладом в ту большую историографическую традицию, о которой здесь не было сказано, с точки зрения развития русской церковной науки, как то, что у нас до сих пор не написана история Высшей Церковной Власти на Руси. Имею в виду то, что у нас нет написанной истории Соборов Русской Церкви, как и то, что между Соборами управление Церковью осуществляет с 1589 г. Предстоятель Церкви, будь то митрополит, будь то Патриарх, Синод, или Патриарх вместе с Синодом. Также у нас по сути дела нет монографических исследований о Предстоятелях Русской Церкви. Поэтому данная работа, в моем представлении, является замечательной, тем более, что ей предшествовала масса публикаций.

Кроме того, исследование В.Ш. вносит не только вклад в решение данной проблематики, но и представляет собой комплексное научное исследование одной из важных церковно-исторических, философско-культурологических и социально-политических проблем, связанных с определением места и роли крупнейшего церковного и государственного деятеля Московской Руси Патриарха Никона и его наследия в русской истории и культуре, а также степени их влияния на жизнь российского общества в период позднего Средневековья и до начала Нового времени.

В ходе дискуссии проводились определенные параллели, а именно с Фомой Аквинским и пр. Я думаю, что нужно вести сопоставление и с выдающимися иерархами Русской Церкви, и деятелями русской культуры: скажем, в XVI в. это митрополит Макарий. Эпоха митрополита, его труды и начинания во многом были продолжены в XVII в. Патриархом Никоном, о чем у меня есть небольшая статья «Митрополит Макарий и Патриарх Никон», работая над которой для меня оказалось удивительным открытием то, что последствия деятельности того и другого различны: XVI век – это так или иначе консолидация, а в эпоху Патриарха Никона фиксируются все-таки элементы раскола. И тем не менее, они во многом близки, Никон – это продолжатель трудов Митрополита Макария.

И последнее, что я хотел сказать. Работа В.Ш. написана с использованием архивных документов, а также предшествующих публикаций, благодаря чему достигнуто более полное представление о письменном наследии Святейшего Патриарха Никона и его воззрениях. Несомненно, она представит интерес для исследователей русской истории XVII в. и явится важным подспорьем при подготовке к лекциям по истории Русской Церкви, истории монастырей, русской литературы того времени и в целом русской культуры. Эту работу можно квалифицировать как научное достижение в области церковной истории, философии культуры, истории русской философии, истории социально-политической мысли, в котором успешно разработана научную проблема о роли, месте и значении Патриарха Никона в отечественной истории и культуре, а также политико-институционального взаимодействия церковной и светской властей в XVII в.

ШМИДТ В.В.:

Я благодарю его Высокопреподобие архим. Макария за серьезнейшую поддержку моих трудов на различных этапах моей деятельности, тем более благодарен Вам как первому человеку, который увидел и высоко оценил проделанное нами при подготовке наследия Патриарха к публикации в качестве рецензента от Экспертного Совета Комиссии Правительства Москвы по книгоизданию. В том, что это великое наследие вышло в свет в канун 400-летия памяти его творца, во многом заслуга и Ваша, досточтимый о. Макарий. Еще раз благодарю Вас за эту поддержку и, безусловно, за те статьи о Патриархе Никоне, которые Вами были написаны в последнее время, и явились определенным подспорьем и для наших изысканий.

ЗАДОРНОВ А.Л., к-т богословия, преподаватель Московской Православной Духовной Академии Московского Патриархата.

Представленная работа обладает целым рядом несомненных научных достоинств, касающихся источниковедения, публикации архивных материалов, палеографии и т.д., о которых, несомненно, будет сказано в других отзывах. Представляется более важным, на наш взгляд, высказать ряд критических замечаний по поводу общей концепции и отдельных положений работы.

1. Целью работы, следуя формулировке автора, является решение следующей проблемы: выяснить, «насколько адекватно, в соответствии с историческими реалиями, представлены образ Патриарха Никона и его творческое наследие в предшествующей настоящему исследованию литературе» и осознать принципиальную возможность «создать наиболее близкий к исторической правде образ Патриарха», что влечет за собою «необходимость демифологизации исторически накопленного материала, связанного с именем и деятельностью Патриарха Никона». Задача работы ставится автором в зависимость от «гипотезы исследования», что уже является некоторой методологической несообразностью: возможно ли адекватное построение текста без перехода гипотезы на следующий уровень приближения к научной достоверности?

Сама «гипотеза» звучит следующим образом: «Мистификация образа Патриарха Никона, создание негативного идеологизированного социокультурного мифа о нем, его деятельности и наследии были необходимы для сокрытия *инспирированной западными государствами и Ватиканом, сформировавшими после Тридцатилетней войны Вестфальскую систему международных отношений,* антирусской, антиправославной политики, и реализованной *в ходе спровоцированного московским боярством государственно-церковного конфликта;* идеологическое обличение Патриарха находит отражение в полемическо-литературной деятельности раскольников (старообрядцев), официальной истории и историографии, но не соответствует археографическим документальным источникам» (курсив наш. – *А.З.*).

В одном этом авторском предложении содержится сразу несколько тезисов, не только требующих более прочной доказательной базы, но и просто неточных фактически. Остановимся на некоторых из них: а) Антиправославная политика Ватикана ставится автором в связь с Вестфальской системой международных отношений, сформировавшейся по его мысли и под влиянием Ватикана по окончании Тридцатилетней войны. Увы, Вестфальская система была *проигрышем* Римского престола как в отношении усилившихся протестантских стран (суверенитет Швейцарского союза, признание независимости Голландии, господство Швеции на Балтике, усиление Бранденбурга), так и в отношении контроля над формально католическими державами (галликанизм во Франции). Поэтому как раз Ватикану Вестфальская система импонировать никак не могла; б) видение автором европейского пейзажа периода после Тридцатилетней войны также требует особого разговора: «Вестфальский мирный договор, – поясняет автор, – впервые на институциональном уровне закреплял в практике международных отношений такие понятия, как “государство-нация” и “государственно-национальные интересы”, “равноправие государств”, “суверенитет государств” и т.д.; фиксировал баланс сил на Европейском континенте, а также секуляризационные процессы и особо оговаривал равенство прав католиков, кальвинистов и лютеран, содержал правовые нормы, касающиеся территориального церковного устройства и распределения церковной собственности, включив, тем самым, религиозные вопросы в систему международных договоренностей». Последняя фраза должна звучать противоположным образом: по итогам Вестфальского мира религиозный фактор перестал играть важную роль в европейской политике. И понятно почему – в рамках Вестфальской системы, как справедливо указывает сам автор, суверенитет впервые становится атрибутом государства, а не монарха – даже для Франции Ришелье и «Короля-Солнце»! Впрочем, о Франции стоит сказать отдельно; в) «В свете сказанного, – продолжает автор, – очевидным является факт: проблемы, связанные с Русской Церковью как потенциальным актором международных отношений должны были быть разрешены не в пользу последней. Если во Франции инструментом подчинения Церкви государству стали отмена в 1685 г. Нантского эдикта и новый виток религиозных преследований, то в России – институциональное формирование обрядоверов-стоглавцев как религиозной социально-политической силы». Иными словами, аналогичными процессами секуляризации и подчинения Церкви государству автору видятся преследования протестантов во Франции и «обрядоверов-стоглавцев» (оставляем этот термин на совести автора) в России. При этом тот и другой процесс инспирированы вошедшими в Вестфальский период международных отношений западноевропейскими государствами. Совершенно непонятно, каким образом отмена Нантского эдикта во Франции могла стать «инструментом подчинения Церкви государству». Видимо, автор не совсем ясно представляет главных акторов церковно-государственных отношений периода Людовика XIV. Таковых было несколько: монарх,

государственная власть (например, Парижский парламент), Церковь Франции, ее оппоненты от умеренных янсенистов до гугенотов и собственно Римский престол. Отношения между всеми этими силами никак нельзя было назвать дружественными во все периоды формирования галликанизма, но как раз описываемый в исследовании период 60-х гг. XVII в. вскрыл явные противоречия между ними. Ассамблея Церкви Франции 1665 г. провозглашала: «Каждый епископ является единственным наместником Иисуса Христа в его диоцезе, единственным главой своей Церкви... он не может быть лишен власти, которую он по божественному праву имеет над своей паствой». Не гонения на протестантов, а поддержка со стороны монарха радикального галликанства в лице Парижского парламента была реальным средством подчинения Церкви Франции государственной воле. Например, именно сопротивление парламента долгое время не ратифицировало на государственном уровне постановления Тридентского собора, уже принятые Церковью Франции. Только через парламент королевская власть заставила французских епископов подписать антиянсенистский формуляр и принять «Четыре статьи» 1682 г. Даже Римский престол использовался монархом в этой связи как средство давления на Церковь Франции, когда та слишком упорствовала в своем галликанизме. В этом смысле аналогия между французской и российской ситуациями может быть только в поддержке государством гонений на религиозных диссидентов, но проводилась эта поддержка совершенно различными средствами и по различным причинам; г) Наконец, поскольку автор постоянно апеллирует к современности, стоит сказать еще несколько слов о значении Вестфальской системы. Цитируемый Г. Киссинджер вот уже несколько последних лет отстаивает тезис, согласно которому «Принципы Вестфальского мира», которые «базировались *на суверенитете государств и рассматривали нарушение международных границ международными структурами как агрессию*, – уходят в прошлое» (см., в частности, его интервью газете «Ди Вельт» в мае 2003 г.). Иными словами, считать в современной ситуации вестфальский принцип национального суверенитета злокозненной антироссийской реальностью – не означает ли соглашаться с господином Киссинджером и представляемыми им кругами?

2. Положения работы, следующие из этих общих предпосылок, также вызывают целый ряд недоумений. Первый тезис продолжает авторскую *конспирологическую* версию о том, как неназваные европейские государства «в середине – второй половине XVII в. предприняли беспрецедентные по масштабу усилия для вмешательства во внутриполитическую жизнь Московской Руси с целью не допустить укрепления ее государственности и сохранить баланс сил на международной арене». К сожалению, никаких фактических данных, кроме ссылок на совершенно устаревшие работы Пирлинга, автором не приводится, хотя столь ответственный тезис желательно было бы подтвердить более внушительными фактами.

Следующий пассаж также непонятен без дополнительного авторского пояснения: «С целью сокрытия инспирированной западными государствами и в результате боярско-царского заговора реализованной антиклерикальной политики Российского государства в отношении Русской Церкви и ее Предстоятеля, были: а) спровоцирована церковно-гражданская смута, впоследствии трансформированная в церковный, гражданско-политический и социокультурный раскол, получивший институциональное оформление под видом «старообрядчества» и до настоящего времени используемый как ресурс политико-идеологического давления на Русскую Церковь». Остается не совсем ясным, кем и в каких формах старообрядчество в настоящее время используется «как ресурс политико-идеологического давления на Русскую Церковь». Все эти *конспирологические теории*, как ни странно, являются зеркальным отражением мировоззренческого противника положений данной работы Б.П. Кутузова, также отстаивающего тезис об итогах патриаршества Никона как результате западного заговора, но включающего в этот заговор и проведение самой книжной справы, а также всю деятельность Никона в целом.

3. С тезисами работы о различного рода мифологемах, связанных с именем Патриарха Никона, а также путях демифологизации, можно согласиться, однако отдельные положения также вызывают серьезные замечания. Так, автор пишет: «Богословские, религиозно-философские взгляды и убеждения Патриарха Никона определяются догматичностью его мышления, они согласованы с традиционным святоотеческим учением (причем в каппадокийской традиции), являются его неотделимой частью и представляют собой глубоко разработанную систему. Патриарх был ярким выразителем традиционно русской системы воззрений, основанной на святоотеческих представлениях о бытии и сущем, на принципах

христоцентризма, экклесиологизма и сотериологизма в ортодокс-славянской философии, которая синергийна, симфонична богословию». Что именно понимает автор под синергийностью и симфоничностью философии богословию не совсем понятно, однако к этому тезису мы вернемся позднее.

4. Ядро работы – ее раздел «Славяно-русская система философской мысли и наследие Патриарха Никона», из которого особенно отметим главу «Патриарх Никон как церковный и государственный деятель».

Отдельно следует сказать об отношении автора работы к проблеме папоцезаризма. «Объединяя в одно целое социально-политические и церковно-государственные воззрения Патриарха Никона на необходимость воцерковления государства, можно сказать, – пишет автор, – что он выступал за иероавтократическую модель («симфоническое» единство) государственно-церковного устройства и управления на принципах христо-экклесиологической (теократической) модели бытия, согласно которым государство ставит себе идеалом превращение в Церковь, руководствуясь в своем жизнесозидании духом Евангельского учения (такая система убеждений не допускает возможности как папоцезаристских, так и цезарепапистских, цезареполистских установок)».

Далее автор выражает сомнение в возможности теократической модели как политической реальности, уже невозможной, по его мнению, в Ветхом Завете, игнорируя тем самым примеры теократии новоевропейского периода хотя бы в православном мире (династия Негошей в Черногории, архиепископ Макариос на Кипре). Помимо этого, он обходит вниманием византийские образцы такой модели. При этом сам автор совершенно справедливо указывает на то, что, по мысли Патриарха Никона, «Православная Церковь не может быть Церковью самодовлеющей, что она есть лишь часть Вселенской Церкви, что между частями этой Церкви должно быть каноническое общение и согласие, и восстает не только против заместительства престола древнего Рима, но даже против самостоятельного принятия ответственных, важных решений, способных привести к нарушению канонического единства Церкви, без совета и благословения Вселенских Патриархов». Надеемся, что фраза «Православная Церковь... есть лишь часть Вселенской Церкви» означает *«Русская* Православная Церковь» – в контексте ее отношений с другими православными Поместными Церквами.

Отсылка к вопросам канонического права позволяет нам рассмотреть вопрос о никоновской модели церковно-государственных отношений именно на церковно-правовой почве. В этой связи напомню слова византиниста Дм. Оболенского о том, как «воспринятое народами Восточной Европы восточно-римское право существенно укрепляло внутренние узы Византийского Содружества Наций. Заимствование восточно-римского права неизбежно имело и политические аспекты. Византийское общественное право зиждилось на аксиоме о том, что император есть главный законодатель и что издаваемые им установления распространяются на всю христианскую Ойкумену. Признавая действие писаных имперских законов на своих территориях, правители стран Восточной Европы неявно способствовали дальнейшему укоренению этого постулата»[18].

В чем конкретно этот постулат выражался, можно видеть на примере комментария известного Антиохийского Патриарха Феодора Вальсамона на 12-е правило Антиохийского собора: этот канон посвящен процедуре апелляции клирика, несогласного с решением своего правящего архиерея. Приравнивая обращение к Константинопольскому Патриарху к дозволяемому правилом апелляции к «большему Собору епископов», Вальсамон ссылается на 137-ю новеллу св. Юстиниана, запрещающую противоречие решению Патриарха. Дальнейшее толкование посвящено вопросу возможности апелляций по поводу решения именно Константинопольского Патриарха, поскольку последний отвечает перед царем за рукоположение излишнего числа клириков (согласно 3-й новелле Юстиниана), а значит – подлежит суду царскому? Или же возможность апелляции зависит от статуса обращающихся с нею лиц? Или «качество дела» должно быть основанием апелляции? Отвечая на все эти недоуменные вопросы, Вальсамон ссылается на то, что доставшиеся от языческой Римской империи правовые нормы не во всем могут быть использованы в христианской Византии.

Да, конечно, Василевс имеет власть судить Константинопольского Патриарха, но только лишь он один как верховный законодатель всей Империи. Более того, это отчасти и его обязанность: «Поелику законом постановлено, чтобы никто не терпел от

[18] *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций: Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 341.

другого обиды, то и сам Патриарх может быть судим царем как блюстителем Церкви, если бы, например, был обвиняем в святотатстве или неправославии, или в каком-нибудь другом преступлении; ибо мы видели это на практике в разные времена». Ближайший пример этому, который был на памяти самого канониста – обвинения против знаменитого Патриарха Михаила Керуллария, зачитанные от лица императора не менее знаменитым Михаилом Пселлом. Позднее та же история повторится в палеологовскую эпоху, когда Патриарх Иоанн Калека после проигранной гражданской войны будет смещен победившей партией как противник св. Григория Паламы (*так, напрашивающиеся аналогии с делом Патриарха Никона могли бы существенно расширить теоретическую часть рассматриваемой работы*). Но самый главный аргумент для Вальсамона заключается в ином, а именно: поскольку «Папа имеет все императорские права, а II и IV Вселенские соборы дали Константинопольскому Патриарху преимущества Папы и определили, чтобы он во всем был почтен подобно Папе, то приговор его по необходимости не должен подлежать апелляции, как и императорский приговор не обсуждается вновь»[19].

Думается, нет нужды пояснять, что именно такое, основанное на известном фальсификате («Константинов дар») толкование и породило тот «восточный папизм», которому не был чужд и Патриарх Никон. Самое простое свидетельство тому – включение упомянутого фальсификата в его редакцию Кормчей. Корни же этого «папизма» в фактически неправильных, хоть и таких гармоничных в канонической теории отношениях между Церковью и государством в Византии, которые принято называть цезарепапизмом. Если только Цезарь может судить Константинопольского Патриарха, то кто может судить с 1453 г. его при отсутствии Цезаря? Правильно, лишь он сам может быть судиею над всеми входившими в прошлом в геополитическую орбиту Византии Поместными православными Церквами.

Называя цезарепапизм и папистские притязания греков «остатками языческой злобы», русский канонист С. Троицкий последовательно разбирает теорию Вальсамона о том, что по отношению к власти государственной Патриарх подотчетен лишь самому Василевсу, но этим последним патриаршим указам усваивается сила государственных законов. Сам же Император является внешним блюстителем дел церковных, почему только ему и принадлежит право созывать соборы всего имперского епископата. Однако в канонах нигде Императору не присваивается право эпистимонарха («блюстителя» в комментарии Вальсамона на Антиох. 12), ибо это явилось бы регрессом к смешению должностей главы государства и главы культа языческих времен, в связи с чем «соборы созывались императорами по чисто техническим причинам, а вовсе не потому, что это считалось сакральным правом императора»[20].

Только с XII в., в результате деятельности Вальсамона, *практические* притязания василевсов на главенство в Церкви получают свое *теоретическое* обоснование. Именно Вальсамон «создал новую теорию, по которой Византийские цари через миропомазание при коронации получают права верховной церковной власти»[21]. Та же теория обрела свою вторую редакцию в истории российской монархии – ее отголоски слышны в трудах церковных писателей синодальной эпохи. Эта теория, вкупе со схожими другими антиканоническими фантазиями, всегда имела печальные последствия, как для Церкви, так и для государства. В качестве примера последнего можно вспомнить, как в средневековой Сербии «цезаропапистическая идеология Властаревой Синтагмы, усвоенная сербскою знатью, породила оппозицию реформам Царя Душана и повела к раздроблению, а потому и ослаблению, и легкому завоеванию Сербии турками»[22]. Это к вопросу о влиянии идеологем на государственную жизнь.

Для противостояния этой теории Патриарху Никону и понадобился «Константинов дар» в новом издании Кормчей. Однако именно восторжествовавший уже в то время (без всякого, заметим, пособничества Ватикана, западноевропейских государств и других заговорщиков) восточный папизм оказался сильнее, что и было засвидетельствовано

[19] Цит. по: Правила святых Поместных соборов с толкованиями. [М.]: Паломник – Сибирская благозвонница, 2000. С. 175.

[20] *Троицкий С.В.* Теократия или цезаропапизм // Вестник Русского Западно-Европейского Экзархата. 1953. № 16. С. 200.

[21] Там же. С. 202.

[22] Там же. С. 205.

судом над самим Патриархом. Еще раз напомним: сформулирована эта теория была вне всякой помощи новоевропейской правовой системы и намного ранее (XII в.) системы Вестфальской. Если уж и искать причины провала деятельности Патриарха, то именно в столкновении двух правовых традиций, доставшихся Руси от Византии, а не в мифических конспирологических теориях.

Тем не менее автор пишет: «*Учение о царской власти как форме церковного служения* наиболее полно выражено Патриархом в его "Духовных наставлениях", изложенных в виде тетрадей для Царя Алексей Михайловича. Святейший Никон говорит, что в Царе утверждается "таинственное", т.е. недоступное рациональному осознанию сочетание начала божественного и человеческого, в нем освящается историческое бытие. Это не было движение в сторону цезарепапизма – сакрализированного цезареполизма, как и наоборот – секуляризированного папоцезаризма в теократической модели ортодоксальной картины мира. Это было стремление к ответственному служению властей», по-видимому, отсутствовавшему, по мнению автора, до Патриарха Никона.

5. Терминология работы также вызывает ряд вопросов к ее автору. Неожиданный переход на язык имяславия при описании сакраментологической реальности вызывает больше вопросов, чем дает ответов: «Значимость же и сила Христианства для Никона – в приобщении к святым Таинствам, в которых с предложением символически употребляемых предметов (объектов) подается благодать Божия силой призывания Имени Божьего и осуществляется "тайна благочестия", состоящая собственно в "исповедании Имен"; использование разных символов – икон, крестного знамения и т.д. – есть укрепление, стимулирование, охранение "благ душевных", т.к. символы возбуждают памятование о Божественных истинах – аксиологической онтологии человека – существа логосного».

Оставляя вопрос о самой возможности и необходимости использования этого языка, отметим здесь: смешение понятий «использование разных символов-икон», которые есть «образы», а не символы; фраза «подается благодать Божия силой призывания Имени Божьего» явно навеяна работами круга о. Павла Флоренского имяславного периода, касательными по отношению к православной догматике; «тайна благочестия», исходя из слов самого ап. Павла, состоит не «собственно в "исповедании Имен", а в исповедании Боговоплощения»; фраза «символы возбуждают памятование о Божественных истинах – аксиологической онтологии человека – существа логосного» в очередной раз демонстрирует смешение богословского и философского уровней, типичное для всего текста работы.

6. Также недоумения вызвает авторская формула «системы *славяно-русской ортодоксальной философии*». В тексте работы она звучит так: «Таким образом, *система славяно-русской ортодоксальной философии* будет выражаться формулой m(s) = <P, R (m)>, где "m" является системой тогда и только тогда, когда на ней реализуется свойство "P", находящееся в заранее фиксированных отношениях "R". "P" – концепт системы *славянорусской ортодоксальной философии* (философский анализ ортодоксальной картины мира как всеобщего и славяно-русской как оригинально-локального); "R" – структура системы славяно-русской ортодоксальной философии (определенный тип философской рефлексии); субстрат "s" – тотальность генетических софийно-иконичных предмет-объектных связей и закономерностей».

Подобные пассажи, к сожалению, вызывают в памяти курьезы советского литературоведения, когда на волне увлечения структурализмом неким исследователем было предложено считать единицей системы измерения пушкинской лирики «один керн». Постоянно встречающееся в тексте словосочетание «славяно-русская традиция ортодокс-славянской системы философии» (passim) выдает традиционное желание видеть в системе древнерусского мировоззрения некую слаженную философскую систему, которой там просто не могло быть.

Тем не менее генезис такой философии описан автором следующим образом: «После смены языческого типа мировоззрения христианским с внедрением богословских и философских представлений на рубеже X–XI вв., в XII–XIII вв. раннесредневековая ортодокс-славянская богословско-философская система выступает как сложившееся явление. В XIV–XV вв., после падения в результате монгольского нашествия Киевской Руси, начинается постепенный подъем, апогей которого приходится на XVI в., а в XVII в. происходит постепенное сближение древнерусского типа мышления с новоевропейским». Разумеется, здесь открывается пространство для дискуссии о понимании философии как таковой. Свое понимание автор обязан был изложить в тексте. Поскольку он этого не сделал, считаем вправе соотнести его формулировки с общепринятым современным

пониманием философии как системы знания, имеющей свой тип рациональности, свою теорию аргументации и то последнее основание, спорам о котором было посвящено столько работ 70–80-х гг. прошлого века. *Именно такой «философии как науки»* (воспользуемся столь импонирующим автору феноменологическим определением) *не могло быть* в «славяно-русской традиции ортодокс-славянской системы философии». Очередная подмена философской рефлексии богословской проблематикой, явленная в работе, к сожалению должна привести к признанию правоты Г.Г. Шпета или хотя бы (в более мягкой форме) прот. Г. Флоровского, которого трудно упрекнуть в «мифологизации» отсутствия философского процесса там, где его не было.

Это теоретическое упущение и порою излишне идеологизированный стиль работы несколько снижают значение этого во многом уникального и, несомненно, выдающегося труда.

МЯКИНИН А.Е., к-т богословия, проректор по уч. работе Нижегородской Духовной Семинарии РПЦ; СЕМИКОПОВ Д.В., зав. кафедрой Церковной истории Нижегородской Духовной Семинарии РПЦ.

В истории Российского государства и РПЦ сложно найти более сложную для исторического анализа фигуру, чем Патриарх Никон. Ему посвящено огромное количество различного рода исследований, большинство из которых отнюдь не беспристрастны, в силу того, что последствия его деяний мы ощущаем и по сей день. Старообрядческий раскол и сейчас одна из серьезнейших проблем, стоящих перед церковным сознанием.

Тот ракурс, под которым автор исследования предлагает взглянуть на данную проблему, представляется единственно правильным. Изучение личности Патриарха Никона и объективная оценка его деятельности до сих пор затрудняется массой мифов, выстроенных вокруг личности Святейшего в течение синодального и советского периодов развития исторической науки. Без всесторонней и объективной оценки Патриарха Никона и проводимых им реформ невозможно понять саму направленность русской религиозной мысли в контексте православной традиции. Демифологизация «демонизированного» образа Патриарха, базирующаяся на изучении комплекса документов, составляющих наследие Святейшего, – необходимый шаг в исторической науке, который и взял на себя смелость сделать В.Ш.

Вполне справедливо автор видит причину мифологизации образа Патриарха Никона, искусственного превращения его в «реформатора», «гонителя» старообрядцев, «папоцезариста», в смене культурно-исторических парадигм в синодальный период, когда святоотеческая традиция насильственно была замещена позитивистско-рационалистическим реализмом, а христоцентричный антропологизм – антицерковным гуманизмом. Но, как показывает автор на основе археографических материалов, исторический образ Патриарха предстает в виде кроткого, но несгибаемого, милосердного и грозно-незлобивого, молитвенно уверенного и преисполненного торжества правды человека.

Надеемся, что данная работа послужит возрождению в современных гуманитарных науках интереса к фундаментальным ценностям русской культуры, утвержденной на онтологическом базисе Православия. Занимаемая автором позиция историко-апологетического реализма, в противоположность модному и деструктивному историко-идеологическому редукционизму, безусловно, заслуживает уважения.

ДАМИАН (Залетов), игумен, к-т богословия, клирик Московской епархии Московского Патриархата.

Работа В.Ш. о Святейшем Патриархе Никоне, без сомнения, – значительное событие не только в научной жизни нашего Отечества, но и в личной научной деятельности – шаг осознанный и оправданный убеждениями и многолетними исследовательскими трудами В.Ш.[23] Особенно важным явля-

[23] Из записки игумена Дамиана от 30.09.2007: «...Очень рад за благоуспешный исход Вашего дела – защите диссертационного исследования, впрочем, не только Вашего, но и значительного для церковной истории и жизни. Думаю, Вы были выразителем здорового церковного сознания и воли. Тем более, Ваша позиция (и наша с Вами) – дать здравую и справедливую оценку личности и трудам выдающегося иерарха, Святейшего Патриарха Никона – наиболее правильная. Это потребовало от Вас также мужества и мудрости. Несомненно, этот процесс исторической реабилитации Святейшего Патриарха Никона и ориентации на его взгляды и мысли продолжится. Дай Бог! Еще раз Вас поздравляю и сердечно благодарю за внимание к моему скромному и совершенно незначительным участию. Считаю своей заслугой только многолетнее почитание и уважение к Святейшему Исповеднику».

Святитель Никоне, Московский, всея Великия и Малыя и Белыя Руси Архиерхъ
Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія
Іерусалимъ
Рима
Москва

ется продолжение изысканий в вопросе личности Святейшего Патриарха Никона и его наследия, исследование влияния его деяний и идей на всю русскую и мировую церковную историю. Только в наше время открылась возможность справедливого и адекватного исследования этой темы. Естественно, что ни при Царях, ни при советской власти ожидать честного ответа не приходилось; при этом следует признать, что личность Патриарха Никона есть явление фундаментальное и переломное в русской церковной истории. Думаю, что именно дело с низложением Патриарха Никона стало границей Святой Руси и России имперской, светской и т.д. Идеи Патриарха-исповедника несомненно искренние, справедливые и глубоко церковные. Если бы дискуссия между Православной Церковью и светской, хотя во многом воцерковленной властью в XVII в., продолжилась и нашла компромисс в рамках «симфонии», то можно было бы избежать не только ломки петровских реформ, найти при них самобытный русский путь, но избежать, может быть, и все перипетии XX в. Поэтому 1666 год (некоторым образом оправдывая семантику чисел) стал самым трагическим в русской истории и переломным.

Понятным кажутся при этом многолетние несправедливые и лицемерные суждения о самом Святейшем Патриархе Никоне. Часто его характеристики просто окрашены в пристрастные краски. Поэтому дискуссию о Патриархе Никоне и его трудах надо продолжить и исправить все перекосы и несправедливости. Учитывая имеющиеся данные о чудесах по молитвам ревностного Святителя, было бы справедливо ставить вопрос о его прославлении. Буду молиться о успехе Вашего предприятия.

ЦАП С.Н., иерей, к-т богословия, клирик Новокузнецкой епархии Московского Патриархата.

Замечательнейший труд о Патриархе! Многое узнал, много появилось мыслей, которыми хочу поделиться. Мне кажется, современная Церковь находится в похожей на времена Патриарха ситуации и следующий Предстоятель Церкви должен походить на Патриарха Никона. Если он не будет отстаивать независимость Церкви от государства и бороться за «чистоту жизни», прежде всего его членов и носителей церковной власти, то Церковь снова станет одним из инструментом государства для влияния на определенный круг ее граждан. Мне кажется, Церковь еще не полностью подпала под влияние государства, но планомерно к этому идет сама, правда, не без помощи, конечно же, государства. На эту тему можно говорить много, исходя из опыта опять-таки современной жизни.

Я высказал главную мысль: эта работа может и, самое главное, должна вызвать резонанс в церковно-научных кругах, хотя Церковь по большей части и боится затрагивать тему, связанную с наследием Святейшего Патриарха Никона, поскольку занимая определенную позицию по отношению к Патриарху не остается возможности для угодничества и лавирования, ханжества и лицемерия. Так что для пользы многих хотелось бы ее эту работу в печатном виде.

Да благословит Господь и укрепит во всех трудах Ваших!

юридические науки

РЫБАКОВ Ю.М., Чрезвычайный и Полномочный Посол, д. юр. н., проф., зав. кафедрой дипломатии Дипломатической академии МИД России.

Исследование В.Ш. посвящено одной из ярчайших личностей-пассионариев христианской цивилизации Патриарху Никону, которому вслед за Константином Великим, Иоанном Златоустом, Патриархом Фотием, Солунскими братьями Кириллом и Мефодием суждено было оказывать серьезное влияние на духовно-политические процессы как в Русском царстве, так и в Православной Эйкумене в целом. Автору удалось не только представить сложнейший период отечественной истории – вторую половину XVII в. – в его главных персоналиях, социальных группах, но и проявить многоаспектность, разноуровневость культурных и духовных процессов, которые продолжают влиять на современное общество постановкой по-прежнему актуальных проблем единства и различия государства и общества, личного и общественного, взаимодействия светской и духовной властей, борьбы государств на международной арене за легитимизацию авторитарно-демократического гегемонизма – сакрализации метафизических ресурсов бытия, и т.д.

Считаю важным сказать о работе В.Ш. следующее. Прежде всего, поражает и впечатляет ее фундаментальность, которая видна даже из обзора содержания, и того Монблана материалов, особенно архивных, которые привлечены, проанализированы и впервые пущены в научный оборот; фундаментальность, которая проявила себя и в публикациях

автора, – один только труд «Труды Никона» насчитывает 1,5 тыс. страниц.

Мне приходилось бывать и участвовать в разных дискуссиях: иногда видишь, что работа написана на базе «телефонной книги» и 2–3 русских народных песен, а здесь – фундаментальная основа – большая источниковая база.

Обращает на себя комплексность. Автор сам говорит, что работа предназначена и для философов, и для культурологов, и для религиоведов, и для политологов; в конце написано «и др.» – это тоже очень важно. Также говорится, что для дипломатов это тоже полезно, поэтому постараюсь рассмотреть полученные результаты с точки зрения дипломатии.

Что еще впечатляет в работе – так это смелый новаторский подход. Этот вопрос уже поднимался здесь на уровне и отзывов, и реплик. По сути: да, автор не согласен с оценкой Патриарха Никона как негативного героя, которая существует и у нас в стране, и за рубежом; автор не согласен с тем, что идет целенаправленная мифологизация образа Патриарха Никона. Основной тезис В.Ш. таков: Патриарх Никон – это крупная историческая личность. Но это не только крупный религиозный деятель, это и крупный государственный деятель нашей истории. Действительно, Царь Алексей Михайлович (Тишайший), уезжая в дальние походы, оставлял вместо себя Патриарха Никона. Никон всего шесть лет был Патриархом, и половину этого срока он фактически руководил государством, всей государственной машиной, в том числе и Посольским приказом, т.е. и нашей дипломатией. Одновременно он выдвигал крупные идеи, например, необходимости выхода к Балтийскому морю, необходимости присоединения Белоруссии, Украины, говорил о необходимости укрепления государства Российского путем, в том числе, усиления влияния на православную Эйкумену. Так что Никон – это государственник, это – державник.

Здесь говорили о том, в какой ряд можно поставить Патриарха Никона. Мы же здесь говорим, в частности, о нашей современной дипломатии: так, Е.А. Примаков – наш современный Горчаков, которому не полностью дали реализоваться, говорил, что наша дипломатия будет сильна, если она будет постоянно опираться на Петровские, Екатерининские, Горчаковские традиции. Как это не парадоксально звучит, я бы поставил в этот же ряд и Патриарха Никона – в ряд вместе с Петром, хотя Петр ликвидировал Патриаршество и учредил Синод (и только в августе 1917 г. закончился Синодальный период). Но как и Петр, как и Екатерина, как и Горчаков, Патриарх Никон был державником, государственником, и в этом плане он стоит в одном ряду с ними.

Многие думают, что разлад между Патриархом и Царем, и церковно-государственный смута – разрушение симфонии, и старообрядческий раскол, и «Судное дело» – все это результат властолюбия Патриарха Никона, и что он просто хотел поставить себя над Царем, а Церковь над государством.

В.Ш. выдвигает другую концепцию и говорит – нет, это не так: Никон не был властолюбцем, он радел о благе государства; крамола – результат боярского заговора, результат активного вмешательства со стороны европейских стран и Ватикана. Не все с этим согласны, как и многие из присутствующих здесь. Почему возникают сомнения в этой авторской гипотезе, если даже в период татаро-монгольского ига многие бояре и князья были на стороне ордынцев, в то время как прогрессивные силы стремились освободиться? Со времен Ивана III и Ивана Грозного многие бояре были против линии на собирание русских земель, на централизацию власти – они тащили народ в феодализм. Я уже не говорю о XVII в. со всеми его нестроениями и катаклизмами в его начале: семибоярщина отдает иностранцам страну в кормление, сажает королевича Владислава – это ли не поводы, не основания! Это не натяжка, это – исторический контекст, подтверждающий эту концепцию.

А если учесть вмешательство. Кажется, что его не было, так как шла Тридцатилетняя война, потом наступил Вестфальский мир – все заняты своим делом и надо бы разобраться с тем, что произошло. В это время Германия представляла 300 государств – это 1,5 тысячи рейнских суверенных образований. Кажется, не до России, но нет – до нее!.. Конечно, разные государства на разной основе принимали участие в процессе вмешательства. Возьмите, например, Польшу, возьмите Швецию. Следует отметить, что Польша уже давно вмешивалась в русские дела. Возьмите, создание Речи Посполитой, в составе которой оказалась русская Литва, говорившая на старославянском языке и возглавляемая князьями славяно-россами (не забудем здесь о языке делопроизводства в великокняжеской канцелярии, бытовавших административно-правовых концепциях и установлениях), но в результате известных событий оказалась отор-

ванной, окатоличеной и переориентированной на Запад – с Pax Orthodoxa на Pax Latina. Тем более во времена, когда на Российском троне оказался королевич Владислав. И даже, когда посадили, Сигизмунд III продолжал вмешиваться в дела и даже вел военные действия на территории нашей страны. Не это ли самое, что ни есть вмешательство! А Швеция, которая хотела отторгнуть Новгород и ставила туда своего князя, – разве это не вмешательство?

Ватикан был недоволен Вестфальским мирным договором. Но у Ватикана была мощная разветвленная дипломатическая служба, и по всем направлениям велась активнейшая работа. Это достоверно подтверждается. Например, когда Петр I с Великим посольством был в Вене и в др. городах и государствах, вокруг него все время крутились представители Ватикана с целью обеспечить влияние. Новый царь по-новому смотрит, а потому можно его тоже окатоличить, сделать своим резидентом? Ведь все это тоже имеет подтверждение.

Конечно, Франция вышла победительницей, благодаря Кардиналу Ришелье. Она была доминирующей страной в Европе даже по числу населения – 21 млн чел. Это значительно больше, чем в России, где было всего 16 млн; в Англии – 5 млн. Конечно, Россия была далеко, конечно, Император Священной Римской и Германской нации Леопольд II, когда Петр приехал в Вену с Великим посольством, больше месяца оставлял его без аудиенции, мол подумаешь, какой-то царек из шатров Востока, и лишь с Полтавской битвой поняли, что перед ними не прежняя слабая Русь. Но и после этого вмешательства не прекратились, как вряд ли когда-нибудь прекратятся... Иными словами: в работе представлен широкий исторический, социально-политический и культурный контекст, с которого как с фундамента автор смотрит на фигуру Патриарха Никона, и такой подход, конечно, не только оправдан, но и полностью обоснован. Это – широкий, государственный взгляд.

Хочу отметить еще один момент: работа В.Ш. носит академический характер, но не отвлеченный, потому что фигура Никона, и это правильно отмечается автором, выходит в своем значении за пределы XVII в. и созвучна с тем, что происходит сейчас. Если Никон выступал за укрепление государства, то сейчас проблема государства находится в центре внимания и практической политики, и исследователей. Посмотрите: сколько исследователей на Западе критикуют американскую модель глобализации, которая на нет сводит роль государства. Не у себя, не в США они критикуют, как раз там они делают наоборот – укрепляют государство, чтобы затем, оказывая влияние на обессилившие государства, обеспечивать и укреплять свое мировое господство.

Возьмите Дж. Сороса, который написал книгу «Мыльные пузыри американского превосходства», – то же самое. Возьмите такую личность, как Стиглиц, бывший вице-президент Всемирного банка и первый советник Клинтона, – тоже говорит об этом. Я уже не говорю о ситуации, когда у нас идет спор между либералами и государственниками. Например, Е.А. Примаков написал книгу, в которой он говорит: «Я тоже рыночник, но я государственник», – это важное заявление. Конечно, в данном контексте наследие Патриарха Никона чрезвычайно актуально.

Мне импонирует та формула, которую предлагает В.Ш. – «*духовность есть идеология*».

У нас все говорят о русской идее. Вот вам и образец этой идеи: Духовность – вот она – наша идеология! *Я считаю, что именно эта блестящая формула* «**духовность – наша идеология**» и *должна стать национально-государственной идеей России, поскольку духовность является ключевой основой нашей культуры и цивилизации.*

Еще один момент (я говорю лишь о дипломатическом аспекте). В деятельности Никона высвечивается формула «*религия есть фактор дипломатии*». Это особенно актуально. Например, американский Посол по особым поручениям Строб Тэлбот, который был ответственен за Россию, написал книгу «Билл и Борис», в которой говорит о той дипломатической борьбе, которая происходила и происходит вокруг российского Закона о религии. В частности он пишет: «Я думал, что такой Закон будет возможен только, “когда рак на горе свиснет”». Тем не менее наряду с православием традиционными для России религиями были объявлены мусульманство, буддизм и иудаизм. Но вновь американская дипломатия вновь недовольна – продолжила давление и на Президента, и на Черномырдина, мол, надо бы добавить еще баптистов, еще сектантов... Для чего? – для ослабления государства Российского. Вот и недавний факт: М. Олбрайт также выпустила книгу «Религия в мировой политике». Думаю, важность проблемы очевидна, и ее анализ должен быть продолжен.

Таким образом, мы видим, что работа В.Ш. действительно актуальна и написана с широким государственническим взглядом.

ЗАЛУЖНЫЙ А.Г., д. юр. н., к. филос. н, вед. н. с. Исследовательского центра «Религия в современном обществе» Института социологии РАН.

Актуальность темы, по нашему мнению, обусловлена потребностью дальнейшего исследования роли и значения Патриарха Никона в истории России, изучения его наследия, формирования, основываясь на документальных источниках и принципах историзма, деидеологизированного социокультурного образа данной исторической личности.

В.Ш. справедливо полагает, что до настоящего времени в исследовательской среде преобладает интерес к вопросам «Судного дела» Патриарха Никона в аспектах социально-исторических и психологических оснований конфликта Царя и Патриарха, внимание к санкционированной Никоном книжно-обрядовой справе-синопсизации, а церковная реформа Патриарха Никона рассматривается многими современными исследователями только как элемент государственной централизации и увязывается с внешнеполитическим курсом России. Все это делает тему особенно современной с точки зрения религиоведения, философской антропологии, философии культуры и ставит перед автором целый ряд важных научных задач.

По нашему мнению, ряд отстаиваемых автором положений представляется спорными.

Так, автор, в частности, отмечает, что «в середине XVII в. произошел один из мощнейших цивилизационных конфликтов католико-протестантской Европы и православной Московско-Ромейской Руси, следствием которого стал внутренний институциональный конфликт государства и Церкви, Царя и Патриарха...», но, полагаем, «конфликт государства и Церкви, Царя и Патриарха» все же был вызван в первую очередь внутрироссийскими причинами. На это косвенно указывает и сам автор, выделяя в гипотезе исследования то, что антирусская, антиправославная политика была реализована «в ходе спровоцированного московским боярством государственно-церковного конфликта». Более того, рассматриваемый конфликт был неизбежен в силу того, что «*симфония» светской и церковной власти невозможна как таковая*, и это, в конечном счете, нашло отражение в конституционном принципе отделения церкви от государства, которому следуют современные демократии, в том числе и Россия.

Отмечая вклад Патриарха Никона в развитие философской мысли, автор отстаивает положение о том, что «онтология как целостная философская позиция изначально возникает на почве теистической религии и в полном объеме раскрывается в контексте теоцентризма эпохи Средневековья; секуляризация же приводит к дезонтологизации и релятивизации, разрывая целостность онтологической триады, абстрактно выделяя из нее по отдельности понятия “бытие”, “ничто”, “творение”, релятивизируя их частное содержание». Соглашаясь с тем, что «онтология» и «секуляризация» как философские понятия могут рассматриваться с разных, в том числе полярных, мировоззренческих позиций, необходимо все же (учитывая междисциплинарный характер рассматриваемой работы) указать на то, что секуляризация (в правовом ее смысле) является составной частью механизма реализации свободы совести, включающей в том числе и свободу вероисповедания. А поэтому, как представляется, именно через право могут быть бесконфликтно реализованы не только противоположные мировоззренческие, но и жизненные позиции.

экономические науки

АРХИПОВ А.Ю., от д. экон. н., проф., директор Института экономики и внешнеэкономических связей, зав. кафедрой мировой экономики и международных связей Южного федерального университета.

Социально-политическая трансформация в нашей стране, осуществлявшаяся последние два десятилетия, была противоречива, болезненна, сопровождалась падением уровня жизни основной массы населения, значительным расслоением общества, потерей жизненных ориентиров, поиском самоидентификации социума, новой национальной идеи, идеологии, общенациональных ценностей. Остро стоят вопросы роли государства, религии, Церкви, других общественных институтов. Успех преобразований во многом зависит от осознания целей, задач, особенностей, направления трансформации всем обществом, выработки единой направленности, согласованности действий основных социальных групп. Важно исследовать опыт преобразований в нашей стране в переломные

эпохи. Содержательный, актуальный материал дает эпоха Патриарха Никона, проводимые в то время реформы, их восприятие в обществе, неоднозначные последствия.

В последние годы активизировались исследования, посвященные деятельности, личности Патриарха Никона, однако, обобщающих специальных исследований еще практически нет, представления о Патриархе в большинстве не свободны от идеологических наслоений, мифологизированы. Все это определяет актуальность поставленной для обсуждения темы, ее значение для теории и современной социально-политической практики.

Несомненной заслугой В.Ш. является большая работа по подготовке и публикации работ Патриарха Никона, глубокий анализ археографических материалов и памятников славяно-русской мысли, реконструкция системы воззрений Патриарха Никона и роли последнего в истории России.

На наш взгляд, особый интерес в работе В.Ш. представляет последовательно проведенный анализ сложившихся в историографической традиции и общественном сознании представлений о Патриархе Никоне, отражающих влияние государственной идеологии и социокультурной мифологии, содержащих элементы мистификации, демонизации и осуществленная на основе изучения значительного объема научной, научно-популярной, публицистической литературы реконструкция образа Патриарха, представляя собой результативный опыт демифологизации исторической личности.

Вместе с достоинствами исследования В.Ш. следует отметить дискуссионные положения, требующие дополнительной аргументации, в частности, что особенности взаимодействия, опыт преобразований в эпоху Патриарха Никона дают материал для понимания и находят своеобразное продолжение и преломление во всей последующей российской истории, в том числе и советского периода XX в. Полагаем, что простое противопоставление их, думается, не полностью верно и следует долее детально изучить не только генезис социально-политических условий, но и онто-социальных предпосылок историко-формационных периодов страны.

филологические науки

ЕСИН Б.И., д. филол. н., проф., зав. кафедрой истории русской литературы и журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова; ЛИПИЧ О.В., к. филол. н., преподаватель факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, науч. с. Института русской литературы им. А.М. Горького

Исследование В.Ш. посвящено личности, хорошо известной не только специалистам в области религии, истории, филологии, но и широкой общественности. О Патриархе Никоне многие знают гораздо больше, нежели о других Патриархах или Государе Алексее Михайловиче. Но чему обязан Никон своею славой и каков ее характер? Приходится признать, что всенародно прославился он не строительством «Нового Иерусалима» и книжными трудами, а тем, что сыграл одну из солирующих ролей в величайшей трагедии XVII в. – расколе Русской Церкви. И благодаря литературно-публицистическому творчеству старообрядцев имя его в народной памяти сохранено на века. Правда, со знаком «минус». Положительное отношение официальной Церкви и государства к Патриарху омрачено его конфликтом с Царем Алексеем Михайловичем и соборным низложением Никона в 1666 г. при участии традиционно почитаемых на Руси Восточных Патриархов. Вместе с тем, труды специалистов по истории Церкви, особенно в конце XIX столетья и в наступившем тысячелетии, уже существенно реабилитировали Патриарха Никона, демонстрируя его неординарные личностные качества, монашеские подвиги, творческие и организаторские достижения и признавая инициатором церковных реформ Государя. К 400-летнему юбилею со дня рождения Никиты Минина, отмечавшемуся на общецерковно-государственном уровне в 2005 г., в СМИ даже поднимался вопрос о возможной канонизации Патриарха Никона. Над гробницей с телом патриарха в Ново-Иерусалимском монастыре есть его икона, правда, изображение без нимба. Но его останкам, как святым мощам, уже поклоняются многие паломники.

Все это – противоречивость во взглядах на личность и наследие Патриарха – только подчеркивает актуальности дискуссии и темы трудов В.Ш.

В.Ш. выдвигает гипотезу об искусственном создании «негативного социокультурного мифа» о Патриархе Никоне, его деятельности и наследии, связывая его с западными государствами, в частности, Ватиканом. Автор убедительно показывает, что демонизация образа Никона была необходима им для сокрытия «антирусской, антиправославной политики», важными достижениями которой стали ссора между Царем и Патриархом, разрушение так

называемой «симфонии властей» как модели церковно-государственных отношений, раскол Церкви и общества. В итоге – искомое ослабление сил и экклесиоимперского потенциала и мощи «третьего Рима» – Святой Руси.

Вопреки стереотипному взгляду на Никона как на апологета теории «священство выше царства», В.Ш. приходит к выводу, что Патриарх был сторонником «симфонического» единства церковно-государственного устройства и управления на принципах иероавтократической модели бытия, что, собственно, не допускает возможности «как папоцезаристских, так и цезарепапистских» установок исповедающих этот принцип личности.

Опровергая обвинения старообрядцев в адрес Никона по поводу привнесения в новопечатные книги и богослужебную практику «латинских» элементов, В.Ш. настаивает, что Патриарх противодействовал идеям гуманизированной католической культуры и секулярно-прагматистской протестантской культуры, а изученные и введенные в научный оборот комплексы археографических источников позволяют заявить, что творческое наследие Патриарха Никона стало «вершиной средневековой славяно-русской мысли». Это положение представляется несколько гиперболизированным, если учитывать яркие литературные произведения и публицистику старообрядцев (например, хрестоматийное «Житие» и послания протопопа Аввакума), сочинения Симеона Полоцкого и других современников Никона.

Творческое наследие Патриарха, по сравнению с его вкладом в историю Российского государства и Церкви, до сих пор было изучено очень мало и В. Ш. заполняет эту лакуну, подробно анализируя творчество Никона на основе архивных документов, причем в контексте развития православной культуры (это представляет особый интерес для филологов). В итоге получилось исследование, имеющее большую значимость в решении вопросов «сохранения онтосоциальной стабильности», «поддержания национльно-госдураственной безопасности», демонстрации «открытости» России миру и «утверждения перспектив международнх отношений в меняющихся системах миропорядка».

Отдельного внимания заслуживает предложенный автором подход к изучению истории и личности, а именно «опыт демифологизации». Этот подход в дальнейшем может успешно применяться и по отношению к другим личностям и эпохам. Вопросы возникновения и функционирования «научных мифов» представляют интерес для разных отраслей знания. Правда, грань между научным мифом и научной объективностью, на наш взгляд, очень зыбка и развенчивая один миф, исследователь рискует создать другой, пусть и более близкий к исторической истине.

Также объективная трактовка образа Никона чрезвычайно важна для развития диалога Московского Патриархата со старообрядческими согласиями. Учитывая успешное воссоединение Русской Зарубежной Церкви с Церковью в Отечестве, состоявшееся в мае 2008 г. после 80 лет разделения, можно предположить активизацию усилий и по преодолению «великого раскола» XVII столетия.

Степень актуальности и настоящей дискуссии, и работ В.Ш. повышает и масштабный церковно-государственно-межгосударственный проект по возрождению Ново-Иерусалимского монастыря, который, правда, все никак не может начаться.

Кроме того, в России продолжается выстраивание и осмысление новой модели церковно-государственных отношений, для которого принципиальное значение имеет так называемая «полемика о царстве и священстве» между Алексеем Михайловичем и Никоном. В настоящее время, по словам Патриарха Алексия II, с государством строятся беспрецедентные отношения «партнерства», в то время как в дореволюционное время Церковь фактически была государственной структурой, а после 1917, будучи формально отделенной от государства, испытывала самые безапелляционные вмешательства со стороны светской власти во все сферы церковной жизни. Сегодня же по сути священнослужители не участвуют в политической борьбе, а государство не вмешивается во внутреннюю жизнь Церкви, хотя о «чистоте» таких отношений говорить практически невозможно.

Весьма важными, на наш взгляд, представляются рекомендации В.Ш. о необходимости продолжить изучение аспектов «законодательно-правовой и догматико-канонической базы Российского государства и Церкви в регулировании институциональных государственно-конфессиональных, внутри- и внешнеполитических отношений в исторические периоды, которые не затрагивались учеными». Для филологов, богословов и историков ставится задача создать национальную библиотеку святоотеческого наследия «Патрология Россика», которая способствовала бы сохранению и распро-

странению фундаментальных цивилизационных ценностей. Интересно также предложение издать системную историю мысли (богословской, философской, правовой, политической) Древней и Средневековой Руси.

ПАУТКИН А.А., д. филол. н., проф. кафедры истории русской литературы МГУ им. М.В. Ломоносова.

Несмотря на то, что бурные события XVII в. постоянно находятся в сфере научных интересов многих поколений исследователей, представляющих различные сферы гуманитарного знания, эта эпоха остается все еще до конца не изученной, а некоторые проблемы, связанные с жизнью допетровской Руси, приобретают сегодня новое злободневное звучание. Работы В.Ш. – яркое тому подтверждение. Сложная и грандиозная фигура Патриарха Никона, его наследие, безусловно, нуждаются в более детальном изучении, свободном от обличительного пафоса и полемической окрашенности, нередко присутствовавших в трудах историков Церкви в XIX в.

Перед нами цельное, оригинальное исследование, содержащее системный анализ деятельности Патриарха, в значительной степени закрывающее собой имеющиеся лакуны. В работе успешно проводится междисциплинарный философско-религиоведческий, историко-культурологический, историко- и социально-психологический, политологический анализ роли и значения Патриарха Никона в истории России, изучается его наследие. Отсюда – богатство наблюдений и выводов, представляющих интерес не только для философов, историков и культурологов, но и для филологов, изучающих литературные памятники «переходного века».

Как историк литературы хочу особо отметить основательную работу, проведенную В.Ш. по выявлению и уточнению комплекса источников, составляющих наследие самого Никона, учет всего того обилия текстов, в которых, так или иначе, нашла отражение личность Патриарха. Важной заслугой автора является публикация текстов, принадлежащих перу самого Никона.

Авторский анализ письменных источников проводится не только с опорой на богатую отечественную научную традицию, но и со вниманием к зарубежным работам различной направленности. В.Ш. справедливо связывает деятельность Никона, книжную справу с глубокими переменами, происходившими в культуре второй половине XVII в.; отмечаются важные моменты, свидетельствующие о начале формирования отечественной научной парадигмы (напр., «Азбуковники», «Риторики», «Лексиконы» и т.д.).

В последние годы медиевисты настойчиво пытаются отойти от прежней «обществоведческой» периодизации древнерусской литературы и культуры вообще. Далеко не все предложенные решения этой проблемы оказались удачными. В.Ш., осуществляя убедительные экскурсы в историю славяно-русской цивилизации дониконовского периода, предлагает достаточно убедительную периодизацию богословско-философских представлений Древней Руси. Это, конечно, некий побочный момент в его интересном исследовании, но его нельзя не отметить.

В то же время хотелось бы высказать некоторые соображения критического свойства.

Несколько прямолинейным кажется деление ученых прошлого и настоящего времени на две группы, противостоящие друг другу по характеру их отношения к событиям второй пол. XVII в., в трактовке деятельности Патриарха Никона. Следствием этого, например, становится явная недооценка работы Н.Ф. Каптерева, стремившегося к действительно объективному раскрытию церковной истории. На этом пути историк, как известно, сталкивался не только с трудностями сугубо научного, методологического характера. Позиция его тогдашнего оппонента Н.И. Субботина сегодня представляется более уязвимой с научной точки зрения, хотя его публикаторские заслуги бесспорны.

Весьма интересным и правомерным представляется привлечение фактов художественных интерпретаций фигуры Патриарха. Анализом образа Никона, отраженного как в произведениях изобразительного искусства, так и литературы нового времени, действительно, нельзя пренебречь. Соглашаясь с общими выводами и наблюдениями В.Ш., хотелось бы отметить некоторые аспекты художественной рецепции образа Никона, прежде всего в литературе XIX–XX вв., а также внести дополнения в круг используемых автором литературных источников (не сомневаюсь, что в большинстве своем эти тексты известны В.Ш.).

Мне представляется существенным при разговоре о демифологизации не упускать из виду следующее: Никон чаще всего влечет к себе писателей не сам по себе, а в связи с запечатлением его противника Аввакума (это наеоднократно под-

черкивает В.Ш.). Яркая личность и писания протопопа возбуждали интерес литераторов зачастую вне зависимости от их симпатий или антипатий к раскольникам (см. например, рецензию В.М. Гаршина на широко известное полотно В. Сурикова «Боярыня Морозова»). Следует поэтому признать: образ Аввакума затеняет не менее грандиозную фигуру Никона в литературе. Причина – в личности, литературном таланте расколоучителя, эмоциональности его языка, исповедальной интонации его писаний, а отнюдь не в богословской утонченности его утверждений. Нельзя не учитывать и психологический аспект восприятия гонимого на Руси. Но самое важное, что творчество Аввакума – абсолютно новая страница в истории нашей словесности, и это – объективный факт, определяющий «приоритетное» положение Аввакума в литературе.

Кроме того, напомню, что открытие художественного наследия Древней Руси в значительной степени было связано с обращением гуманитарной науки второй половине XIX в. к старообрядчеству (первоначально с полемическими целями), с публикацией текстов XVII в. Тут уместно еще раз указать на взаимосвязь гуманитарной науки и художественной литературы в освоении интересующей и обсуждаемой эпохи. На протяжении XIX–XX вв. можно заметить своеобразные циклы оживления и угасания интереса литераторов к фигуре Аввакума и, как следствие, Никона. Во многом все это обусловлено общественной жизнью, разнообразными социальными потрясениями. Нечто подобное обнаруживается в художественной рецепции фигуры Ивана Грозного, правда, в этом случае имеет место иной характер воздействия власти на искусство. Также реконструируемый образ Аввакума (в отличие от фигуры Никона) на удивление «надпартиен». Его в равной степени могли использовать в своих текстах как советские писатели, так и представители литературы русского Зарубежья. Одна и та же цитата подчас привлекалась в диаметрально противоположных целях.

Среди исторических романистов, тщательно изучавших эпоху Никона, следует упомянуть Д.Л. Мордовцева и В.А. Бахревского. Их произведения, судя по всему, ускользнули от внимания В.Ш. Мордовцев («Великий раскол», 1884) обратился к этой теме в период расцвета нашей историографии. Его повествование с некоторыми ретроспекциями охватывает события с 1664 г. по 1681 г. В 80-е гг. XX в. эпоха и образ Никона нашли свое воплощение в романах Бахревского «Никон» и «Тишайший», в которых писатель обращается к более раннему периоду истории раскола. Эти замечательные произведения, разделенные между собой столетием, оставили яркий след в истории художественной реконструкции интересующей В.Ш. эпохи. Думается, привлечение этого материала еще более расширило бы поле проведенного анализа.

КАРПЕНКО Л.Б., д. филол. н., проф. филологического факультета Самарского государственного университета.

Труд В.Ш. посвящен исследованию масштабного и судьбоносного для отечественной истории и культуры феномена – личности Патриарха Никона, выдающегося продолжателя святоотеческих традиций Вселенского православия в истории Русской Церкви. Изучение такого социокультурного явления, как личность и наследие Патриарха Никона, значимо не только для религиоведения и философии культуры, интересы которых представляет, прежде всего, данный труд, но и для более широкого круга гуманитарных дисциплин – истории, социологии, семиотики, филологии, политологии и др. Представления об историческом развитии славянорусской ценностной системы, обозначенные В.Ш., способствуют воссозданию этнокультурного пространства России, что определяет их значимость для оценки исторического и социокультурного опыта государства и построения социально востребованной духовно-нравственной программы и идеологии. Исследование темы сопряжено с осмыслением таких масштабных проблем, как возрождение национального духа, обеспечение социальной стабильности в условиях полиэтнического, поликонфессионального, поликультурного многообразия страны, поддержание национально-государственной безопасности и подобное. Такая установка акцентирует очевидную актуальность подобных исследований.

Несмотря на то, что в последние годы личность и деятельность Патриарха Никона рассматривались не одним десятком авторов, в работе В.Ш. впервые на обширном, достоверном, исчерпывающем тему (документальном, текстологическом, историографическом и ином) материале целенаправленно проведен комплексный историко-культурный анализ наследия Патриарха и его значение для истории русской культуры и религиозной мысли, что обусловливает научную значимость, фундаментальность и одновременно новизну обсуждаемого исследования.

Цель работы В.Ш., заключающаяся в демифологизации личности и наследия Патриарха Никона, воссоздании наиболее близкого исторической реальности образа, поставлена столь определенно, что она заявлена уже в самом заглавии «Патриарх Никон: демифологизация». Четко обозначенные автором конкретные задачи, корректно соотнесенные объект и предмет исследования, обоснованно сформулированные основные положения, которые находят развитие в обзорах глав работы и согласуются с выводами о необходимости преодоления тенденциозных, даже негативных, стереотипов в интерпретации исторического образа Никона и его наследия, о непреходящем значении эпохи Патриарха для Отечества, для формирования основ российского образа жизни и национально-государственной политики, для политического и культурного самоопределения российского общества. Следует подчеркнуть новаторский характер этого исследования и самой постановки проблемы демифологизации личности Патриарха Никона. В этом смысле итоги работы подтверждают представления о том, что стереотипы мнений, в зависимости от ангажированности и образа мыслей их создателей, способны до неузнаваемости искажать содержание и значений историко-культурных феноменов и традиций.

Работа выполнена в русле комплексного междисциплинарного подхода, самых современных гуманитарных идей и методов анализа. Очевидно стремление автора к максимально широкому рассмотрению предмета, выявлению предпосылок и основ славяно-русской философии, привлечению в этих целях данных смежных наук и успешное их применение. В этом смысле показательно включение в работу значительного количества наблюдений, полученных в области культурологии, искусствоведения, религиоведения, психологии, филологии и др. в самые последние годы, осмысление архетипического образа православной славянской картины мира, обращение к реконструкциям содержательной основы глаголицы как симолического кода славянской культуры, основанного на ценностях именно христианского миросозерцания. В итоге – работа убедительна в полученных автором результатах, выводах и рекомендациях и приобретает еще большую ценность, что имеет характер историко-культурной реконструкции, осуществление которой всегда требует уникальных исследовательских качеств, значительной поисковой работы, широких обобщений и таланта прозревания истины за толщей всепоглощающего времени.

Позволю себе высказать отдельные замечания:

На мой взгляд, нуждается в более развернутом обосновании идея *оригинальности* ортодокс-славянорусской философии и выявлении ее *связей с предшествующей традицией* (представление об оригинальности феномена предполагает необходимость типологического сравнения).

Полагаю, что система философии, ориентированная на символическую матрицу Православия, вряд ли нуждается в математической формализации: доказательство не столько даже в современном позитивистском типе научности, сколько в средневековой патристике, не сополагается с высшими ценностями. В понимании отцов Восточной Церкви Сущее неисчерпаемо, неисчислимо, Божественное «не доказуется, а показуется».

МАСЛЕННИКОВА Н.В., к. филол. н., ст. преп. кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Яркая фигура Патриарха Никона, его сложная личность воплотила в себе всю трагедию эпохи перелома, заката Древней Руси, крушения ее идеалов, эпохи последнего духовного напряжения и почти стремительного сокрушения веры, этого краеугольного камня православного самосознания. Раскол, а вслед за ним и петровские «реформы», предопределили весь дальнейший ход русской истории, судьбу русского народа. Раскрыть тайну Промысла нам не дано, но, чтобы хоть немного приблизиться к ней, нужно пристально вглядеться в человека той эпохи, в его «образ мнений», проникнуть в мир его заветного, прикоснуться к «веку минувшему во всей его истине», что с успехом сделал В.Ш.

На Руси в XVII в. совершилось «событие беспримерное в летописях Русской Церкви: Предстоятель Русской Церкви, замечательнейший иерарх ее, выдвинувшийся из среды народа своим умом, энергией и богатством духовных дарований – знаменитый Патриарх Никон пал *жертвой искусно веденной интриги своих многочисленных врагов*»[24].

[24] *Бриллиантов И.И.* Ферапонтов Белозерский монастырь место заточения Патриарха Никона. СПб., 1899. С. 123–124 (репринт: СПб., 2001).

Несгибаемая воля подвижника Православия, его исповедничество стали могучим залогом противостояния боярскому властолюбию. «Соборное Уложение» несло с собой расцерковление государства. Учреждение Монастырского приказа отменяло самостоятельность Церкви; этому органу, от нее не зависящему, но активно вмешивавшемуся в церковные дела, вменялся суд над духовенством. В «Уложении» четко прослеживалась тенденция отъятия церковного имущества, в полной мере воплотившаяся в петровское царствование и приведшая к катастрофическим издержкам в православном просвещении и воспитании народа, ибо обескровленные монастыри уже не могли содержать школ, зато протестантская наука получила повсеместное распространение. Петровский абсолютизм явил собой буквальную пародию на *православную монархию*, с ее симфонией властей, выраженной в значительной степени в самом строе Московского Царства. Таким образом, при Петре именно государство встало на путь внутреннего разорения.

И эта перспектива, и ее последствия были отчетливо видны Патриарху Никону. Ясный ум Святителя прозревал всю губительность цезарепапизма (и связанной с ним секуляризации государства) для Руси, что как раз следует из его сочинения «Возражение или Раззорение...». По сути, Никон защищал симфонию властей[25], когда кесарю отдается кесарево, а божие – Богу (Мк. 12, 17). Отстаивая заветы императора Юстиниана, Патриарх Никон, в сущности, отстаивал *православное царство*, боролся за сохранение исторического бытия русского народа и, наконец, за самый народ – за *спасение русского этноса* (что с совершенной очевидностью просматривается из исторической перспективы: близорукая политика Петра, инерционная сила его реформаторства «подняла Россию на дыбы» [дыбу] «у самой бездны»). Борьба же Никона «была исповеднической защитой исконной русской идеологии. Борьба Патриарха была направлена к тому, чтобы Русское государство возглавлялось истинною царскою самодержавною властью, при которой только и возможно осуществление симфонии властей и, следовательно, – процветание Церкви и государства силою православной веры»[26].

Защищая *Святую Русь*, Никон предпринимал и шаги поразительные, один из которых – замысел, дерзкий для врагов, но прекрасно-благодатный, чисто русский по творческому размаху, пронзительный и пронзающий века – Русская Палестина. Средоточием ее сакрального пространства стала символическая гора Сион, на которой возвышался Воскресенский собор с кувуклией Гроба Господня; где таинственно соединяются мир видимый и невидимый, небо и земля, Гроб Господень и великое чудо Воскресения.

Москва почиталась третьим Римом, а между тем, рядом с ней вырос третий Иерусалим (13 сентября 355 г. был освящен «предреченный пророками новый Иерусалим, храм Спасителя»; ветхий же, по словам Евсевия, «был обращен в крайнее запустение и понес наказание ради своих нечестивых обитателей»)[27]. Воссоздавая образ «Нового Иерусалима» на Руси, Патриарх Никон желал, чтобы народ стоял «ногою твердой» (да не преткнеши о камень ногу твою – Пс. 90) в вере православной, стремился укрепить ее, задержать надвигающуюся тьму, как будто остановить уходящую Святую Русь. Верно подмечает В.Ш.: богословие Никона ярче всего выразилось в устроении сакрального пространства Русской Палестины; архитектурное, ландшафтное, топонимическое решение задачи раскрывало мировоззрение создателя: Творец явил себя в своем творении.

Собор Воскресения Христова в Новом Иерусалиме – это евангельская поэма в камне. «Священное сходство» двух Иерусалимов словно приближает к постижению неизреченной тайны Воскресения, душа внимает «неба содроганью», внимает и до днесь...

Воскресенский монастырь Нового Иерусалима как образ Святой Земли стал удивительным памятником русской святости. Патриарха Никона вдохновляла мысль о воплощении Града Божия на Руси, он стремился напитать Русскую землю благодатью Святого Духа, душа его горела о Славе

---

[25] *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. СПб., 1994. С. 147–177.

[26] Там же. С. 155.

[27] *Евсевий Памфил.* Жизнь Константина. М., 1998. С. 119. Название *Новый Иерусалим* было усвоено всему городу в IV в. После восстания иудеев Иерусалим был полностью разрушен и отстроен заново, назывался же город – Элиа Капитолина. Император Константин вернул прежнее имя, но, в отличие от «древнего и растленного», стал называть его *Новым Иерусалимом*.

Божией, а грандиозная идея Русской Палестины выросла из толщи народной, той самой, откуда вышел и Святитель.

«Светися, светися, Новый Иерусалиме, Слава бо Господня на тебе возсия», – так радостно поет народ наш во Святую и Великую Неделю Пасхи. Так весело ликует душа русская, исполненная этим благодатным *новоиерусалимским свечением*, где бы ни был в тот Красный день православный человек. Но теперь даже трудно представить, как всего лишь 100 лет назад ликовало сердце русского здесь, у Святителя Никона, в Новом Иерусалиме – здесь, где тот Гроб Господень, к которому глубоким утром пришли мирносицы-жены и, узрев ангела, услышали: «Что ищите живаго с мертвыми; что плачете нетленнаго во тли; шедше проповедите учеником его». Здесь, где так близко чудо Воскресения, что, кажется, к нему можно прикоснуться всем существом своим, всем естеством, узреть Его, как некогда узрела Мария из Магдалы... Воистину ангельское пение переполняло храм и «молчала всякая плоть» и «всякое дыхание хвалило Господа», и слышался как будто откуда-то из горних пределов голос самого Священномученика Патриарха Никона: «Приидите, поклонимся и припадем самому Христу, Цареви и Богу Нашему». И лилась великая и священная песнь Примирения и Любви: «Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обимем. Рцем братие, и ненавидящым нас, простим вся воскресением, и тако возопиим: Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущым во гробех живот даровав».

Радея о благолепии Руси, Святейший Никон строил храмы и монастыри (Крестный, Иверский, Воскресенский). «Он понимал, что храм – это есть как бы книга, живое существо, воплощение религиозного восторга»[28]. Мысль эта выражена, так сказать, «вещно», материально прежде всего в духоносном зодчестве Воскресенского монастыря Нового Иерусалима. Священное сходство обоих Иерусалимов, внятное духовному взору православных русских и поныне (наша Палестина), кажется, отчасти приоткрывает великую тайну Святейшего Патриарха Никона, а значит и великую тайну эпохи – *прощального поклона Древней Руси, но поклона заветного*.

философские науки

МОДЕСТОВ С.А., д. филос. н., д. полит. н., проф., гл. советник Управления Президента Российской Федерации по кадровым вопросам и государственным наградам Администрации Президента Российской Федерации.

Патриарх Никон – крупнейшая фигура в отечественной истории, культуре и мысли XVII в., связанная с актуальной для эпохи реформ в России проблематикой государственно-церковных и внутрицерковных отношений.

Всего шесть лет пробыл он в качестве Предстоятеля Русской Православной Церкви. В истории РПЦ были иерархи, чье влияние на жизнь государства, на его руководителей было очень велико (даже более, чем у Никона) – это и Святитель Алексий, митрополит Московский, опекун Дмитрия Донского, реальный правитель Руси при малолетнем князе; это и митрополит Московский Макарий, обладавший колоссальным влиянием на Ивана Грозного (именно с кончиной Святителя многие историки связывают начало безудержной опричнины); это и отец Царя Михаила Федоровича Романова – «Великий Государь и отец наш» Патриарх Филарет. Однако именно личность и деятельность Никона, его наследие вызывает до сих пор особый интерес.

Предмет исследований В.Ш. может быть рассмотрен в узком, сугубо историческом аспекте (что и делает автор, отстаивая свою точку зрения на роль и место выдающегося первоиерарха XVII в.), либо в более широком – ретроальтернативном, историософском аспекте, что в принципе не входило, как мы понимаем, в задачу исследования и не требовало необходимого для этого методологического инструментария. Именно в такой, раздельной постановке вопроса и следует, на наш взгляд, оценивать наследие такой крупной фигуры, как Патриарх Никон. Трудно сказать при этом, что важнее – личность человека, или плоды его деятельности. Первоисточник, однако, призывает нас «судить о смоковнице по плодам ее».

Таким образом, сложность подходов, требующих контрфактического моделирования возможного альтернативного развития исторического процесса в области государственно-церковных отношений, обусловлена неизбежной интерференцией взглядов

[28] Из размышлений митрополита Антония (Храповицкого) о Патриархе Никоне – цит. по: *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон. Ч. 3. С. 355.

XVII в. на соотношение «священства и царства» и современной светской концепции государственного и церковного строительства. Но именно осознание естественных различий во взглядах того и нашего времени на события XVII в., учет принципиально отличных аксиологических установок в позиции исследователя в том и другом случае позволяет критически оценивать влияние наследия Патриарха Никона на все последующее развитие русской истории, культуры и мысли.

Сообразуясь с позицией В.Ш., нельзя не поддержать его стремления к объективному освещению личности и деятельности Патриарха Никона. Понятна и весьма высокая его оценка вклада Святейшего Никона в развитие страны. Независимо от отношения к гипотетическим перспективам дальнейшего развития православной русской государственности можно признать последовательно христианской, высоконравственной линию поведения Патриарха в условиях острого конфликта со светской властью, приведшую его 350 лет назад – в 1658 г. – к самоизоляции в Воскресенском монастыре

Однако само это разрешение конфликта путем самоустранения содержит ответ на вопрос о совместимости государственной (светской) и церковной политики. Так, называемая «симфония» возможна лишь в специфических условиях «собинной» дружбы первых лиц государства и Церкви, носит временный характер, не воспроизводится у их преемников, да и может пресечься в случае размолвки еще при жизни этих лиц. Рано или поздно оба центра власти непременно вступят в противоречие, поскольку центр мирской власти, высший субъект светских властных интересов может быть только один. Самые тесные личные отношения иерархов светской и духовной власти не смогли обеспечить устойчивый симбиоз двух этих ипостасей власти. Сложнейший вопрос разграничения предметов ведения не был (да и не мог быть) решен – обе стороны вторгались в неприсущие им области социального Бытия.

Предложив Алексею Михайловичу перенести из Соловков мощи митрополита Филиппа, Никон заставляет Царя каяться за грехи своего царственного предшественника – Ивана Грозного, по приказу которого был убит Святитель. Написав слова покаянной грамоты «преклоняю пред тобою честь моего царства», Русский Государь как бы соглашался с идеей Никона, что «священство выше царства». В «Возражении...», в разорении 20-го вопросо-ответа, Патриарх Никон подробно изложил свои представления о священстве и царстве: «*... священство и самаго царства честнейши и болши есть началство... Но аще хощеши иерейское ко царю разнство видети, яже коемуждо даныя власти истязуй и множае от царя высочайши узриши иерея седящи. Аще бо и честне вам престол царьский является от приложных ему камений и обдержаща и злата, должен есть судитися яко царь, но обаче, яже на земли получил есть строительствовати и множае сея власти не имать ничтоже... Священства же престол на небеси посажден есть.... и царие помазуются от священническую руку, а не священники от царьския руки. И самую царьскую главу, под священникове руце принося, полагает Бог, наказуя нас, яко се онаго болши есть властник, менше бо от болшаго благословляется... Царь же ни есть, ни может быти глава Церкви, но яко един от уд. И сего ради ничтоже может действовати во Церкви, ниже последняго четца чин*»[29].

Как можно заметить, государство для Патриарха – меньшее в сравнении с большим – Церковью, а политика подчинена системе догматоопределений Церкви. Со вступлением в Новое время, с началом модернизации такое соотношение неминуемо должно было подвергнуться пересмотру.

По-видимому, не стоит искать корни последующего драматического конфликта между властью и Церковью в зарубежных «сценарных центрах», происках мировой закулисы, интригах Ватикана или обвинять злонамеренных бояр в попытках столкнуть Царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона. Государственные (политические) деятели и представители Церкви действовали по своим собственным законам, что нельзя им инкриминировать. Да и сам Патриарх не был особенно дипломатичен в общении с Алексеем Михайловичем. В одном из писем к Царю в 1659 г. Никон довольно резко писал, что Царь *позволил себе дерзости* (именно в таком словоупотреблении) и вмешался в церковные дела. Гневный протест Никона вызвало то, что в знаменитом по тем временам шествии «на осляти»

[29] *Никон, Патриарх*. Возражение, или Разорение, смиренаго Никона, Божиею милостию Патриарха, против вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы // Патриарх Никон. Труды. М., 2004.

вместо него, оставившего престол, принял участие митрополит Крутицкий Питирим. Вряд ли Царю мог понравиться тон патриарших посланий...

Отход Патриарха Никона от дел можно было бы считать верным шагом, способствовавшим укреплению естественной, дистанцированной от государства, бескомпромиссной позиции Церкви, если не учитывать негативные последствия принятого Никоном решения и мотивы, которыми он руководствовался. Нельзя не принимать во внимание личные качества Патриарха, который был гордым и амбициозным человеком. Патриарший престол он оставил в такой резкой форме, что это не могло не задеть Царя. Никон рисковал, рассчитывая, что его вернут на Патриаршество, однако его расчет не оправдался. Дальнейшие его действия также выглядят не очень тактично как по политическим, так и по церковным меркам: то Никон говорил, что согласен с любым выбором Царя, то стал требовать личного участия в выборе кандидата и настаивал на том, чтобы благословить будущего Патриарха. Когда дело дошло до неизбежного обращения к Вселенским Патриархам, Никон начал обвинять Царя (эти документы потом фигурировали в деле 1666 г. уже против самого Патриарха).

Собственно для Церкви поступок Никона имел неблагоприятные последствия: обратившись в другую крайность, государство занялось управлением делами Церкви и вскоре Патриаршество было вообще отменено – появился Синод. Вряд ли Церковь выиграла от этого?

С другой стороны, трудно себе представить все негативные последствия иного – альтернативного – варианта хода истории, если бы в России оформилась теократическая государственность и продолжался процесс политизации православия, воспеваемый А.В. Митрофановой.

Отдельный аспект – внутрицерковные отношения и привнесенный в них раскол. Трудно согласиться с точкой зрения В.Ш., оправдывающего непримиримо враждебного к так наз. «обрядоверам» Патриарха Никона. Принятие одних обрядов и категоричный отказ от других есть такое же «обрядоверие».

Безусловно, упрекать лишь Патриарха Никона за три последующих века существования разделенной Церкви нельзя, но ответственность за это разделение ложится на него и Алексея Михайловича. Существует письмо Патриарха Никона к Константинопольскому Патриарху 1654 г., в котором русский Первоиерарх спрашивает о том, может ли Поместная Церковь иметь некоторые различия в обрядах? Ответом было – может, с точки зрения допустимого церковными канонами. Как справедливо полагает гл. н. с. отдела рукописей ГИМа, д. филол. н. Е.М. Юхименко, можно было бы не столь резко вести дело не трогать, к примеру, двоеперстие и т.д.

Оценивая содержание книжной «справы», многие авторитетные специалисты считают, что все оказалось ровно наоборот: сложившаяся на Руси к XVII в. обрядо-богослужебная практика была гораздо ближе к церковной действительности начала второго тысячелетия от Рождества Христова, чем практика греческая, впитавшая в себя изрядное число «новшеств» и представленная по венецианскому изданию греческого Служебника 1602 г. Позднее, судя по ряду свидетельств (в том числе Иоанна Неронова, былого соратника Патриарха по кружку «ревнителей», а затем его непримиримого противника), сам Никон готов был признать и по сути признал историческое равноправие старых и новых обрядов. Но было поздно – анафемы на «непокоряющихся святому Собору» уже прозвучали.

Сегодня все это уже не столь важно: Поместный Собор Русской Православной Церкви 1971 г. отменил клятвы (анафематствования) на старые обряды и на тех, кто их придерживается. Старые русские церковные обряды признаны спасительными и равночестными новым. Собственно, это было сделано уже в 1765 г. в «Увещании Православной Кафолической Церкви». Ряд положительных решений по этому вопросу был принят в 1906, 1918 и 1929 гг. Так что объектом драматичной борьбы Патриарха Никона оказались ветряные мельницы!

С сожалением надо заметить, что вне поля зрения В.Ш. осталась любопытная работа церковного историка и публициста, головщика (регента) Спасского собора Андроникова монастыря Б.П. Кутузова «Тайная миссия Патриарха Никона» (В.Ш. о Кутузове лишь упоминает и выводит его развернутую аргументацию, относящуюся к личности и деятельности Патриарха Никона, за пределы рассмотрения под предлогом, что «обрядоверие стоглавого толка, как и раскол, не является предметом его исследования»). Видно, по этой же причине нет ссылок на А.А. Дмитриевского, который установил, что никоновские справщики (не без ведома «заказчика») исправляли книги, главным образом, не по древним рукописям, как они заявляли в предис-

ловиях к исправленным изданиям, а по южнорусским печатным изданиям, правленным с греческих книг[30]; не упоминаются и работы Н.М. Карамзина, Б. Башилова (М.А. Тамарцева), М.Ю. Волкова, О.В. Чумичевой и др.

Деятельность Патриарха Никона анализируется в работе профессора Н.Д. Успенского «Коллизия двух богословии в исправлении русских богослужебных книг в XVII в.» (1975), однако В.Ш. ограничивается менее значимой для рассматриваемого исследования работой этого автора «Древнерусское певческое искусство» (1971).

О позиции историка С.М. Соловьева можно, конечно же, судить по косвенному, не проясняющему содержательной стороны дела высказыванию на замечания Н.А. Гиббенета, но для чего с этой «безответственной позицией» тут же бездоказательно увязывается (так же отвергаемое, поскольку оно не вписывается в концепцию соискателя,) мнение П. Флоренского?

Работа В.Ш., на наш взгляд, только бы выиграла, если бы детально были проанализированы труды не только стремящихся реабилитировать Патриарха Никона авторов, но и тех, кто его критикует. Контент-анализ привлеченных источников как раз говорит о преобладании апологетического направления над критическим. Противостояние этих направлений (как и парадигм религиозной и светской) вряд ли может и должно быть преодолено, несмотря на попытку В.Ш. подкрепить доводы сторонников первого подхода (парадигмы) достоинством «документального реализма», а доводы сторонников второго, критического, подхода обесценить незавидным определением «идеологический редукционизм». Это лишь свидетельствует о собственных предпочтениях исследователя, его предвзятости.

На наш взгляд, это не лучшим образом влияет на степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, формулируемых В.Ш., хотя он стремился максимально расширить круг используемых источников.

Здесь также стоит заметить: *Патриарх Никон не нуждается в реабилитации*. Интересы РПЦ, верующих в данном вопросе не могут быть предметом рассмотрения в светской научной дискуссии, и отрадно, что здесь рассматриваются интересы российского общества и государства, которые состоят в углублении и приращении исторического знания, что отнюдь не предполагает выработки унифицированной точки зрения на наследие Никона, его личность и неоднозначные последствия его практической деятельности.

Высказываемое мной несогласие с некоторыми взглядами В.Ш., в том числе и не разделяемое мной понятие наиболее общей, универсальной категории «бытия» и понятия «сущего», ибо Бытие включает в себя как сущее, так и не сущее, как н что, так и ничт , и небытие тоже является частью Бытия, как не парадоксально, ни в малейшей степени не влияет на самое благоприятное впечатление от его исследования, с которой и хотел бы поздравить В.Ш.

КИМЕЛЕВ Ю.А., д. филос. н, заслуж. деятель науки России, гл. н. с. ИНИОН РАН, проф. кафедры истории зарубежной философии МГУ им. М.В. Ломоносова.

В.Ш. в своем труде представил наследие Патриарха и его эпохи как достояние культурной, историко-философской и духовной традиции христианской цивилизации. Так, Патриарх Никон со всей документальной очевидностью и теоретической обоснованностью предстает в образе «вехового столпа» не только русской, но и шире – поствизантийской духовной традиции, законно претендуя на место в ряду великих мыслителей человечества. Безусловно, это еще не указывает на то, что в трудах Патриарха Никона «мы имеем возможность увидеть скрупулезно разработанное и систематически изложенное философское учение – этого нет», как отмечает сам автор, «но развиваемые Патриархом Никоном идеи воплощены, имплицитно выражены в художественных формах – архитектурных, графических, поэтических творениях Патриарха, а также зафиксированы в виде исторических, канонических и правовых, богословских, религиозно-философских и социально-политических обоснованиях, которые представляют вершину средневековой славяно-русской мысли, прерванной в России с XVIII в. внедрением западноевропейской модели организации научного знания».

[30] *Дмитриевский А.А.* Новые данные по исправлению богослужебных книг в Москве в XVII и XVIII вв. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. К., 1895. Т. IX. С. 30; *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XVIII вв.). М., 1994. С. 87.

В этом кратком отзыве я ограничусь указанием на три чрезвычайно весомых исследовательских результата.

Первый заключается в собирании, а также археографической и теоретической реконструкции наследия Патриарха Никона во всем его богатстве и целостности.

Второй результат состоит в использовании представленной ресурсной базы для развертывания хорошо фундированной философской и богословской аргументации по очень широкому кругу вопросов, многие из которых являются в высшей степени актуальными. Эта аргументация представляет собой по существу мощный импульс обновлению дискуссии относительно поствизантийской славянорусской богословской традиции, а также значительной части русского философского наследия. Кроме того, теоретические рассуждения В.Ш. создают условия для углубленного компаративистского исследования ряда фундаментальных моментов восточнохристианской и западнохристианской теологических традиций.

Третий важный результат заключен в том, что масштабное междисциплинарное исследование «Патриарх Никон и его наследие..: опыт демифологизации», успешно демонстрирует специфику религиоведения как научной отрасли в том, что именно религиоведение в определенных ситуациях способно выступать как комплексно-интегративная наука, а также выполнять методологические функции по отношению к другим отраслям гуманитарного знания.

ОВСИЕНКО Ф.Г., д. филос. н., проф. кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС.

В.Ш. проделал большую работу по изучению впервые вводимого в научный оборот массива источников и литературы и представил в своем исследовании во многом новый – «демифологизированный» – портрет Патриарха Московского и всея Руси Никона. Обращение к личности Никона и его наследию представляется вполне обоснованным, поскольку с именем и деятельностью этого мыслителя, церковного, общественного и государственного деятеля связаны крутой поворот в жизни российского общества, реформы внутри самой Церкви, в области отношений этого института с государством, а также в ряде других сфер вплоть до богослужебной музыки и сакральной архитектуры.

Ценность осуществленного В.Ш. исследования заключается прежде всего в том, что оно в значительной мере преодолевает прежние идеологизированные, а также неоднозначные, а порой и полярные оценки роли и значения Патриарха Никона в истории российского общества и русского Православия, равно как и оценки его в качестве церковно-государственного деятеля, религиозного мыслителя и богослова. Несомненная ценность работы В.Ш. состоит также в том, что образ Патриарха Никона и его наследие представлены в тесной связи с характеристикой эпохи середины XVII столетия, культуры и общественной мысли.

АХИЕЗЕР А.С., д. филос. н., проф., гл. н. с. Института народохозяйственного прогнозирования РАН.

Работа В.Ш. посвящена ключевой фигуре важного этапа истории страны, без анализа деятельности которой невозможно понять суть культурного и политического поворота российского государства от Средневековья к Новому времени. Патриарх Никон сыграл значительную роль в формировании культуры, миропорядка этой переходной для страны эпохи.

В кратком отзыве в первую очередь, следует обратить внимание на следующие значимые достижения исследования В.Ш.:

1. Ценность методологии автора заключается в том, что она включает социокультурный образ Никона, как он, с одной стороны, сложился на основе документальных источников, а с другой – на основе социокультурного контекста, социально-политической обстановки, а также вовлечения, включения отдельно взятого автора в систему социально-государственных инстанций, что показывает путь переноса исследования от рассмотрения Никона как мифологической фигуры, к анализу его деятельности как предмета научного исследования;

2. Стремление формировать реальную картину мира, основанную на анализе страт и социально-политических интересов, на отходе от мистифицированных символов, которые мешают развитию потенциала цивилизационной мощи страны;

3. Резкая смена базисных установок во всех сферах жизни государства и общества в рассматриваемую эпоху доказывается важнейшими сфе-

рами развития культуры – словесности, идеологии, развития рационалистического прагматизма, ростом антропологизма (гуманизма), религиозных ценностей;

4. Работа пронизана историческим подходом: автор рассматривает предмет своего исследования как «зажатый между эпохами», который в европейском масштабе характеризовался переходом к господству начал политики национальных государств или, как говорит автор, государственно-эйкуменической политики, а также переходом Древней Руси в Россию Нового времени. Речь идет, следовательно, о стратегически значимой эпохе для России, что делает это исследование особенно ценным;

5. Включение в научной оборот значительного количества источников, которые в результате политических причин ранее были не доступны. Заслугой В.Ш. является и публикация новых документов – трудов, рукописей Никона – превращение их в достояние русской культуры, в предмет изучения. Эти авторские достижения должны помочь нам понять собственную историю, логику развития культуры;

6. Работа без сомнения может претендовать на роль важного звена в историческом исследования социально-гуманитарной схемы обращения к ортодокс-славянскому наследию, без чего невозможно изучение начала русского Возрождении.

Считаю необходимым также сделать определенные замечания, возможно, полезные для последующих работ:

1. В.Ш. оценивает направление своего исследования как апологетическое. Строго говоря, это понятие имеет неоднозначный смысл. С II в. за апологетикой закрепилось представление как защита христианства от ересей, языческих авторов. В.Ш. же придерживается точки зрения, что апологетику следует понимать как строгое следование документам, фактической стороне дела предмета исследования. Однако есть и другая сторона этого представления, закрепившаяся в массовом сознании. В этой сфере под апологетическим истолкованием предмета исследования понимается отсутствие достаточно обоснованной меры в ее оценках, что является довольно частым в историографии прошлого. Я не хочу сказать, что автор повинен в этой тенденции, однако он не пытается поставить границы попыткам реализации таких возможностей;

2. Нет достаточной явности в сфере того, в чем специфика славянской философии. Фактически в работе она сводится к византийскому наследию. Представляется, однако, что тем самым исчезает значимый культурный потенциал дохристианской Руси даже в порядке постановки проблемы. Это может препятствовать изучению дохристианского наследия в культуре. При этом сам В.Ш. настаивает на оригинальности славяно-русской философской системы;

3. Затрудняет также понимание концепции автора недостаточно явное различение философии и богословия: В.Ш., например, прямо пишет о философии как гетерономной православному богословию, но вместе с тем указывает, что православная философия синергийна, симфонична богословию. Это требует все дополнительных разъяснений и разработок, т.к. философия и богословие разные формы духовной жизни;

4. Автор неоднократно указывает на антропохристо-центризм (гуманизм) славянско-русской философии. Сам по себе этот тезис не вызывает возражений. Однако следует дать объяснение отличия этого гуманизма от привычного для нас представление о гуманизме, сформулированного на основе опыта Запада. Это тем более важно в связи с достаточно частой критикой западного гуманизма деятелями РПЦ.

5. Количество вопросов для отраслевых дискуссий может быть увеличено. Это объясняется тем, что работа несет в себе значительный и разнообразный материал – работа перегружена разнообразием проблем. Тем не менее, эти проблемы должны иметь живое обсуждение, несмотря даже на то, что мы испытываем недостаток специалистов, непосредственно занятых изучением подобной проблематики, а большинство недостаточно свободно в ней ориентируется.

В заключении замечу, что В.Ш. удалось глубоко разработать тему и, опираясь на значительный общекультурный и общеисторический материал, показать широкую значимость проблемы, далеко выходящей за рамки личности Патриарха Никона.

ГРОМОВ М.Н., д. филос. н., проф., зав. сектором древнерусской философии Института философии РАН.

Основной пафос исследования В.Ш. состоит в стремлении «демифологизировать» деятельность, труды и личность опального предстоятеля Русской Православной Церкви, который, по его мнению, незаслуженно замалчивался представителями

правящей Церкви синодального периода, с одной стороны, и тенденциозно критиковался ревнителями древлего благочестия в лице различных толков старообрядчества, с другой. На наш взгляд, подобная ревизия укоренившихся стереотипных представлений о Патриархе и его роли в отечественной истории выглядит попыткой решения сложной исследовательской задачи, в достаточной степени исполненной. Вместе с тем хочется задать автору вопрос: не возникают ли в процессе его увлеченной критики негативной мифологизации Патриарха Никона элементы позитивной, если не сказать, апологетической мифологизации этого крупнейшего деятеля отечественной истории упомянутого периода, чье «обширное наследие по праву может считаться вершиной славяно-русской мысли, книжности, искусства, науки и техники позднего Средневековья»?

ДОЛГОВ К.М., д. филос. н., заслуж. деятель науки России, проф., зав. кафедрой философии, политологии, культуры Дипломатической академии МИД России.

Что за человек был Патриарх Никон – «один из самых крупных, могучих деятелей русской истории», как именовал его известный русский историк Н.И. Костомаров? О нем довольно полно повествует основной источник – «Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона...».

25 июля 1652 г. Никон стал Патриархом. Начинается его бурная деятельность в сфере церковного и государственного строительства. Этому способствовала значительная духовная близость и ответственность за судьбы Церкви и царства Царя и Патриарха: они вместе занимались всеми делами государства Российского, поэтому не случайно Царь называл Никона Великим Государем, а Патриарший титул согласовывался с Царским: *«Архиепископ царствующего града Москвы, всея великия и малыя и белыя России и всех северных стран и поморья и многих государств Патриарх»*.

Во всех делах взаимодействия Патриарх Никон последовательно выступает за полную независимость Церкви, так как считает, что «церковная власть преболее есть власти царской». Святую Русь он понимает не в узконациональном смысле, а в духе созидательного наследия нового Израиля в истинном учении подлинно церковного общества, которое более совершенно, чем общество политическое, в кафолической ортодоксии, глубже других выражающей христианское учение с его животворной нравственной силой, способной преобразить дольний мир по образу мира Горнего[31]. Именно этим объясняется непримиримость Патриарха ко всяким искажениям христианского учения и учения Православной Церкви и отступлениям от него. Этим же можно объяснить и его неутомимое церковное строительство как в сфере социальной, так и в возведении монастырских комплексов, которые являются образами, довлеющими градам мирским.

Естественно, деятельность (церковная и государственная) Патриарха Никона была нетрадиционно масштабной, во многом непонятной для бытового сознания и вызывала большое неудовольствие бояр, да порой и церковного клира. Впоследствии ее увяжут с расколом во всех его частных и общих аспектах. Но в чем состоял раскол?

Приведем суждение Н.И. Костомарова: *«Раскол гонялся за стариною, старался как бы точнее держаться старины; но раскол был явление новой, а не древней жизни»*[32]. Вот что писал о расколе прот. Г. Флоровский: «В этом роковой парадокс Раскола... Раскол не старая Русь, но мечта о старине. Раскол есть погребальная грусть о несбывшейся и уже несбыточной мечте. И “старовер” есть очень новый душевный тип... Раскол весь в раздвоении и надрыве. Раскол рождается из разочарования. И живет, и жив он именно этим чувством утраты и лишения, не чувством обладания и имения. Раскол не имеет, потерял, но ждет и жаждет. В расколе больше тоски и томления, чем оседлости и быта. Раскол в бегах и в побеге. В расколе слишком много мечтательности, и мнительности, и беспокойства. Есть что-то романтическое в расколе, – потому и привлекал так раскол русских неоромантиков и декадентов... Раскол весь в воспоминаниях и в предчувствиях, в прошлом или в будущем, без настоящего. Весь в истоме, в грезах и в снах. И вместо “голубого цветка” полусказочный Китеж... Сила раскола не в почве, но в воле. Раскол не застой, но изступление. Раскол есть первый припадок русской безпочвенности, отрыв от соборности, исход из

[31] См.: *Шмидт В.В.* Воззрения и труды Патриарха Московского и всея Руси Никона (Святая Русь: от третьего Рима к Новому Иерусалиму) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2001. № 4.

[32] См.: *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.

истории... И совсем не “обряд”, но “антихрист” есть тема и тайна русского раскола. Раскол можно назвать социально-апокалиптической утопией... “Никонианская” Церковь представлялась уже вертепом разбойников. Это настроение становится всеобщим в расколе... Раскол есть вспышка социально-политического неприятия и противодействия, есть социальное движение – но именно из религиозного самочувствия. Именно апокалиптическим восприятием происходившего и объясняется вся резкость и торопливость раскольничьего отчуждения. “Паническое изуверство”, определяет Ключевский. Но паника была именно о “последнем отступлении”... Розанов однажды сказал: “*Типикон спасения*, – вот тайна раскола, нерв его жизни, его мучительная жажда”... Не следует ли сказать скорее: *спасение как типикон*... спасение и *есть* типикон, т.е. священный ритм и уклад, чин и обряд, ритуал жизни, видимое благообразие и благостояние быта... Вот этот религиозный замысел и есть основная предпосылка и источник раскольничьего разочарования... Мечта раскола была о здешнем Граде, о граде земном, – теократическая утопия, теократический хилиазм. И хотелось верить, что мечта уже сбылась, и “Царствие” осуществилось под видом Московского государства. Пусть на Востоке четыре Патриарха. Но ведь только в Москве единый и единственный православный Царь... И это ожидание было теперь вдруг обмануто и разбито... “Отступление” Никона не так встревожило “староверов”, как отступление Царя. Ибо именно это отступление Царя в их понимании и придавало всему столкновению последнюю апокалиптическую безнадежность... Кончается и третий Рим. Четвертому не быть. Это значит: кончается история. Точнее сказать, *кончается священная история*. История впредь перестает быть священной, *становится безблагодатною*. Мир оказывается и остается отселе пустым, оставленным, Богооставленным. И нужно уходить – из истории, в пустыню. В истории побеждает кривда. Правда уходит в пресветлые небеса. Священное Царствие оборачивается царством антихриста... Об антихристе в расколе идет открытый спор от начала. Иные сразу угадывают уже пришедшего антихриста в Никоне, или в Царе. Другие были осторожнее. “Дело-то его и ныне уже делают, только последний-ет чорт не бывал еще” (Аввакум)... И к концу века утверждается учение о “мысленном” или духовном, антихристе. Антихрист уже пришел и властвует, но невидимо. Видимого пришествия и впредь не будет. Антихрист есть символ, а не “чувственная” личность... Антихрист открывается и в самой Церкви: “настатие последнего отступления”... И первый вывод отсюда: перерыв священства в Никонианской Церкви, прекращение священства вообще и в самом расколе. И неоткуда было “возстановить” оскудевшую благодать... “Бегствующее священство” не было решением вопроса... Сравнительно скоро расходятся и разделяются “поповцы” и “безпоповцы”. Но магистраль раскола только в безпоповстве... До конца последовательным был только вывод безпоповцев... С настатием антихриста священство и вовсе прекращается, благодать уходит из мира, и Церковь на земле вступает в новый образ бытия, в “безсвященнословное” состояние, без тайн и священства.... Спасаются уже не благодатию и даже не верою, скорее упованием и плачем. Слезы вменяются вместо причастия... Здесь новая антиномия Раскола. Когда благодать взята, все зависит от человека, от подвига или воздержания. Эсхатологический испуг, апокалиптическая мнительность, вдруг оборачивается своего рода гуманизмом, самоуверенностью, практическим пелагианством. И самый обряд получает в это исключительное время оставленности особую важность. Ведь только быт и обряд теперь и остаются, когда благодать отходит и тайны оскудевают. Все становится в зависимость от дел, ибо только дела и возможны (качественная сродненность с протестантизмом. – *К.Д.*). Отсюда эта неожиданная активность Раскола в мирских делах, эта истовость в быту, – некий опыт спасаться обломками древностного жития... Раскол дорожит и дорожится обрядом больше, чем таинством. Потому легче терпит безблагодатность, чем новый обряд. Ибо “чин” и “устав” представляют для него некую независимую первоценность... Раскол уходит в пустыню, исходит из истории, поселяется за границами истории... Раскол строится всегда, как монастырь, в “киновиях” или в скитах, – стремится быть неким последним монастырем или убежищем среди порченаго и погибающего мира»[33].

Этот очень глубокий и тонкий анализ Раскола раскрывает сущность никоновых справ, социокультурных перемен в гражданско-политической жизни и вместе с тем сущность староверов, или старообрядчества. В целом Г. Флоровскому уда-

[33] *Георгий Флоровский, прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 67–71.

ется дать зримую картину сути происходивших в то время событий как в церковной сфере, так и в сфере государственной. Он верно показывает, что в деле Патриарха Никона главное – это наступление «Империи», и Святитель был прав, когда он в своем «Возражении, или Разорении...» обвинял Царя Алексея и его правительство в покушении на свободу и независимость Церкви, считая «Уложение» бесовским и антихристовым лжезаконом.

Можно понять и оправдать резкость и «властолюбие» Патриарха Никона, поскольку он защищал Церковь от наступления «Империи», а Царство от иступления и забвения. Он как будто предчувствовал, что спустя несколько десятилетий, при Петре I, имперская власть полностью подчинит себе Церковь и лишит ее всякой свободы и независимости, низведет на уровень институции в системе государственного аппарата, отторгнув от нее ее главу и законоположника – Иисуса Христа. Не случайно Никон настаивал на том, что «священство» выше (преболее) «царства», в то время как против Никона выступили не только греки, но и «азиатские выходцы и афонские прелазатаи», которые «защищали» Царство против Священства, а также «ревнители русской старины» – обрядоверы стоглавого толка, для которых «Царствие» осуществлялось скорее в царстве, нежели в Церкви. Вот почему тема раскола не «старый обряд», но Царствие.

Крайне важна идея о том, что сила раскола не в почве, но в воле, что раскол не застой, а исступление, отрыв от соборности, исход из истории. Ведь Патриарх Никон стремился как раз сохранить старину, опираясь на всегда современное своей утвержденностью в вечности благовествование Церкви миру, на святоотеческое учение, на традицию Православия, чтобы строить и совершенствовать церковно-гражданское дело и жизнь, соделывая их в поступательном развитии в более совершенные и аскетично-строгие, более ясные в своих изъяснениях и более соответствующие духу Истины в ее историческом открытии. Возможно, могучее волевое начало Патриарха вызвало не менее ревностное противодействие, возросшее в социально-политический протест, что оказалось и для Русского царства, и Церкви, а также и для Патриарха Никона роковым.

Таким образом, Патриарх Никон внес огромный вклад как в развитие российской государственности, так и в историю РПЦ: он пытался осенить государственность высшими нравственными принципами ортодоксии христианской религии, а учение Православной Церкви приблизить к осмыслению и разрешению государственных проблем, проблем народной жизни и общечеловеческой жизнедеятельности.

Думается, что Г. Флоровский был неправ, когда утверждал, что у Никона не было лица, а только темперамент, а вместо лица идея или программа, и что вся личная тайна Никона в его темпераменте. Представляется, что в реальности было нечто обратное: о Никоне спорили и будут, видимо, всегда или еще очень долго спорить именно потому, что это была незаурядная личность. Да, ему недоставало образования, знания греческого языка, возможно, не хватало широкой эрудиции и знакомства с наследием великой культуры. Это во многом объясняется тем, что он вышел из самых низов и не смог получить «европейского» образования, какое получил, например, Петр Могила. Никон взрос в святоотеческой традиции и традиции православного Предания. И в этом смысле его образование было скорее самообразованием, и все, что он мог таким способом изучить и освоить, он осуществил. Вместе с тем именно благодаря этому у Никона выработались железная воля, могучий характер, выражающийся, прежде всего, в его темпераменте, а также то, что Г. Флоровский назвал очень метко «волезрением». Эти «историческая воля», «волевая находчивость», «волезрение», а соответственно и недюжинная интуиция помогали Никону видеть те проблемы, темы и мотивы, которые волновали современное ему общество. Во-многом именно поэтому он смог стать выдающимся историческим деятелем и, вопреки мнению Г. Флоровского, также и великим человеком, так как величие человека проявляется, прежде всего, и главным образом именно в его деяниях, особенно в деяниях исторического масштаба и значения, которые и были осуществлены Патриархом Никоном.

СЫТЫХ О.Л., д. филос. н., проф., зав. кафедрой социальной философии, онтологии и теории познания Алтайского государственного университета.

Работа В.Ш., обращенная к наследию Патриарха Никона, представляется весьма актуальной, во-первых, потому что с началом перестройки начались изменения в сознании россиян по отношению к религии, что требует, безусловно, переосмысления основных вех русской религиозной истории; во-

вторых, именно философский анализ открывает возможности для выявления подлинной сущности проводившихся религиозных реформ, а значит, и определения образа и характера людей, явившихся их инициаторами; в-третьих, в российской истории именно Патриарх Никон и его деятельность были и остаются наиболее мифологизированными, в связи с чем и требуется демифологизация его наследия для установления подлинной достоверности русской религиозной истории. Следовательно, можно согласиться с автором, что осуществить такую демифилогизацию, можно только рассматривая деятельность Патриарха Никона «в контексте русской истории и культуры».

Опираясь на существующие источники и вводя новые археографические материалы, анализируя исследования российских и зарубежных ученых, В.Ш. решает проблему установления адекватности историческим реалиям образа Никона, представленного в предшествующих исследованиях. Достижение поставленной цели возможно только при правильном выборе методов исследования. В основе исследования лежит междисциплинарный подход и широкая опора на методологические наработки в истории, философии, психологии, филологии и др. наук. И здесь к заслугам автора следует отнести замечательный выбор и сочетание метода исторической реконструкции и герменевтики, пользуясь которыми, В.Ш. убедительно показал, что наследие Патриарха является неотъемлимой составляющей славяно-русской традиции ортодокс-славянской системы философии.

В.Ш., анализируя наследие Никона, показывает, что теоретическое развитие Патриархом философских идей отражало проблемы славяно-русской жизни и явилось важно вехой в русской средневекой философии. И в этом значимый вклад В.Ш. в философию культуры.

Весьма ценным результатом тщательно проведенного научно-философского исследования является положение автора о том, что создание негативного идеологизированного социокультурного мифа о Патриархе Никоне было необходимо для «сокрытия» антрусской и антипровославной политики, проводимой Западными государствами и Ватиканом, – политики, направленной на ослабление российской государственности. Ради этого, как убедительно, опираясь на исторические источники, показывает автор, и была справоцирована церковно-гражданская смута, трансформировавшаяся впоследствии в церковный, гражданско-политический и социокультурный раскол, получивший институциональное оформление под видом старообрядчества.

В.В. Шмидт достигает цели, показывая, что в отечественной литературе, в том числе и в научных исследованиях, образ Патриарха Никона подвергся вульгаризации и демонизации. Одной из главных причин искажения образа Патриарха являлась и недоступность источников. Сам образ Никона имеет черты социокультурного архетипа и «существует в нацонально-государственнои картине мира как идеологизированный социально-политический миф-символ». Основой приобретения образом Никона черт архетипа является «сочленение жизни личной Патриарха и жизни социально-исторической – народа, Церкви, государства».

Данная работа обладает весьма важным для научного исследования сочетанием теоретической философской глубины и практической значимости. Стоит задуматься над суждением автора о том, что «стремление к воцерковлению всех без исключения сторон жизни и человека, и общества, и государства», характерное для деятельности Патриарха Никона, является общим, как для значительной части «старообрядцев», так и для «никониан», так что при определенных условиях это может привести их к духовной консолидации.

Значение данной работы выходит далеко за пределы философии – она полезна, значима и интересна исследователям, работающим в сфере политологии, истории, социологии, культурологи, психологии, филологии и языкознания, фактически всех социально-гуманитарных дисциплин. Исследование обладает особой значимостью для всех, кто интересуется проблемой манипуляции общественным сознанием. И хотя современные технологии сегодня уже несколько иные, но основные принципы манипуляции остались те же, как убедительно это показал автор, но не отметил в результатах. А это, на наш взгляд, еще один ценный результат, поскольку именно манипуляция сознанием широко используется представителями различных нетрадиционных религий в борьбе за сердца и души современной российской молодежи. И именно факт развернувшейся широкой религиозной борьбы делает работу В.Ш. особенно значимой, т.к. восстанавливая достоверность образа и наследия Патриарха Никона, отстаивавшего своей деятельностью славяно-русские традиции,

мы имеет пример подобного рода деятельности не только как явления (продукта) социального, но и личностного – в типе личной активности.

БАЕВА Л.В., д. филос., доц., зав. кафедрой философии Астраханского государственного университета.

Историческая реконструкция образа одного из ярких деятелей РПЦ и Российского государства – Патриарха Никона в условиях развития национального самосознания народов в противопоставлении глобализационному нивелированию культур является важной и представляющей значительный интерес для науки и общественного сознания в целом.

В.Ш. во многом впервые подробно изучены и систематизированы источники, связанные с личностью Никона, построена концепция его богословских и социально-политических воззрений. Подобные реконструкции всегда являются обусловленными мировоззрением автора, его личной системой убеждений, поэтому изучение данного «объекта» имеет ярко выраженный аксиологический аспект. «Демифологизация» образа исторического деятеля, составление его «реального» портрета – задача, выполнимая лишь условно (о проблемах исторической реконструкции много написано представителями «критической» философии истории XX в.), поэтому отстаиваемая автором позиция выступает в большей степени как опыт интерпретации исторического материала. По сути, В.Ш. на это указывает – речь идет о создании нового позитивного концепта, работающего на формирование патриотического отношения современного россиянина к своей стране и ее истории.

Одна из центральных проблем, поднятых В.Ш., – взаимоотношения Церкви и государственной власти в России. Автор указывает, что Патриарх Никон является ортодоксальным религиозным деятелем, который стремился создать в России иероавтократическую монархию, опираясь на древнерусскую духовную традицию, в которой сформировался идеал Святой Руси, Москвы как духовно-нравственной столицы мира. Однако, на наш взгляд, одним из важных принципов отечественного православия в отличие от западного католичества являлась дистанцированность от политики, и попытка реформирования отношений власти и Церкви в этом отношении является, скорее, примером построения в России структуры, аналогичной католическому папству, нежели осуществлением духовной миссии приближения мирского к Горнему.

Автор справедливо критикует тенденциозные оценки личности и деятельности Никона, связанные как с политическими амбициями его противников, так и с разногласиями в вопросах веры. Хотя в исторической и биографической литературе встречается немало работ, высоко оценивающих как духовность, так и творческую активность русского Патриарха. По мнению В.Ш., принижение роли Никона в отечественной истории связывается с намеренным искажением исторической правды для унижения значимости России на мировой арене. Автор придерживается тезиса о принципиально отличной от Запада духовной основе русского государства и связывает с переоценкой роли Никона в истории возможность современного возвышения России.

По нашему мнению, работа В.Ш. имеет ряд важных достоинств: привлечен значительный документально-архивный материал, во многом впервые ставший доступным для широкой научной общественности; поставлена проблема философского анализа роли исторических деятелей, изучения влияния роли творческой, духовной элиты на ценности общества; создана современная позитивная концепция истории и ментальности допетровской Руси; реконструированы социально-политические и государственно-церковные отношения конца XVII – начала XVIII вв.; обоснована взаимосвязь устранения Никона с усилением европоцентристских настроений в России с соответствующими переменами в общественном мировоззрении.

В то же время в исследовании В.Ш. имеется и ряд недостатков: при изучении мировоззрения Патриарха Никона все же недостаточно внимания уделяется древнерусской и исихастской духовной традиции, повлиявшей на его формирование; вызывает критику термин «ортодокс-славянская» философия, поскольку под таковой подразумевается идущая из Византии (основанная на неоплатонизме) традиция русской религиозной философии, имеющей изначально «свободный», т.е. не связанный строгой схоластической системой характер («ортодоксальной» отечественную культуру называют на Западе, для России же это имеет смысловой оттенок, связанный с догматизмом, строгой нормативностью, чуждый новаторству и свободе. Что касается понятия «славянский», то оно, как правило, имеет связь с языческим, дохристианским

миропониманием, поэтому созданное автором сочетание, на наш взгляд, не совсем удачно выражает сущность вкладываемого в него смысла); в работе явно преобладает апологетическое отношение к объекту исследования, что позволяет оценить не только достоинства, но и недостатки деятельности и личности Никона, присущие любой исторической персоне. Это, в свою очередь, создает впечатление написания нового «мифа», противоположного созданному противниками Патриарха, а не рационально-научного.

НУРИЕВ Д.А., д. филос. н., проф., зав. кафедрой истории философии и науки Башкирского государственного университета.

Думается, что Россия, находящаяся на «пересечении» западных и восточных духовных и культурных магистралей, имеет свое самобытное «Я», которое и пытается выявить в своих работах, посвященных Патриарху Никону В.Ш. Привлекая для анализа массу исторических и историко-философских документов, он предлагает отличающуюся элементами научной новизны модель развития славяно-русской картины мира, суть которой: «византийская философия > ортодокс-славянская система византийской философии > славяно-русская традиция ортодокс-славянской системы византийской философии». Полагаю, что в пределах данной модели действительно появляется возможность различать предметно-объектные области православной славяно-русской философии и богословия (теологии).

В.Ш. реконструирует систему воззрений Патриарха Никона (ориентация на миропорядок, на институциональное взаимодействие государства, общества и церкви, идея ответственности конкретной личности за судьбы народа, страны и духовное наследие цивилизации и т.д.) и приходит к убедительному выводу, что Патриарх был ярким выразителем традиционно русской системы воззрений, основанной на святоотеческих представлениях о бытии и сущем.

Интерес вызывает и предложенное обоснование той мысли, что Патриарх Никон противостоял как идеям гуманизированной культуры католического типа, так и активно противодействовал прагматическому духу и утилитарным ценностям, широко представленным в культуре староверческого древлеблагочестия. Элемент новизны заключается также в том, что Патриарх отстаивал идею «симфонического» единства церковно-государственного устройства и управления на принципах иероавтократической модели бытия, оппозиционной как цезаризму, так и папо-цезаристским моделям.

Следует признать, что В.Ш. глубоко проник в самую суть не только творческого наследия Патриарха Никона, но и в сам социокультурный контекст русской истории, культуры и мысли. Думается, что перспективным направлением дальнейших исследований автора явилось бы раскрытие, причем более глубокое (чем это представлено у А.Ф. Лосева) особенностей русского стиля мышления. Реконструкция воззрений Патриарха Никона, позволяющая выявить стиль мышления и русских религиозных философов второй половины XIX – начала XX в., составила бы почву для дальнейшего анализа самобытного русского философствования. Проделанный же автором анализ и представленный в его трудах свидетельствует не только о широкомасштабности замысла, но и о ярком духовном явлении, которое можно охарактеризовать как самообъективацию самобытного культурного и духовного «Я» России.

БУБНОВ Ю.А., д. филос. н., проф., декан факультета философии и психологии Воронежского государственного университета.

Вхождение России в единое мировое пространство предполагает выбор в качестве одной из целевых доминант идею «общепланетарного общения и мышления», которая включает в себя формирования человека нового сообщества, способного к успешной межкультурной коммуникации с представителями разных этнических, языковых, религиозных и социокультурных групп. Вместе с тем данная идея актуализирует и проблему сохранения национальных культурных ценностей, связанных, как правило, с деятельностью исторических личностей, оказавших существенное влияние на формирование отечественной интеллектуальной традиции и системы социально-политических, гражданско-государственных и межинституциональных отношений в России.

Исследование В.Ш. построено именно в этом русле и представляет собой фундаментальную разработку теоретических основ мифологизации / демифологизации / ремифологизации образа исторической личности – Патриарха Никона в общественном сознании, а также анализ духовного наследия Патриарха как неотъемлемой составляю-

щей славяно-русской традиции ортодокс-славянской системы философии.

Теоретически значимым мы находим многостороннее исследование В.Ш., в котором задана парадигмально-методологическая модель для понимания феномена «историческое» как явления и процесса в аспектах реализации сложноорганизованной системы бытия, в котором сумма идей и представлений есть детерминанта этой системы. Несомненно, новым является «научная переоценка бытующего идеологизированного социокультурного мифа, удерживающего в общественном сознании мистифицированный образ Патриарха Никона».

Предложенный автором иной вариант реконструкции образа Патриарха Никона как «яркого выразителя традиционно русской системы воззрений, основанной на святоотеческих представлениях о бытии и сущем, на принципах христоцентризма, экклесиологизма и сотериологизма», по сути являет собой иную, уже позитивную крайность в оценке данной личности, однако небеспорность этого тезиса может спровоцировать плодотворную научную полемику. Во всяком случае, автор убедительно аргументирует свою точку зрения.

В качестве пожелания рекомендуется обратить внимание на уточнение дефинитивного определения «православной цивилизационной картины мира», которое несколько поверхностно отражает специфику данного феномена.

ЛИННИК Ю.В., д. филос. н., заслуж. деятель науки Росии, проф. кафедры философии Карельского государственного педагогического университета.

Знакомство с работами В.Ш. дает мне право сделать вывод о двойном профессионализме исследователя: и как философа, и как историка. Дотошное, доскональное знание источников придает общетеоретическим выводам автора весомость и убедительность.

Главный итог многоплановой работы, проделанной В.Ш.: выведена из тени – фактически впервые осмыслена в мировоззренческом плане – грандиозная фигура. Патриарх Никон был подвергнут остракизму с двух сторон – и официально-государственной, и протестно-раскольнической. Сама эта ситуация не знает прецедента. Мифологизация Никона была крайне противоречивым явлением, поэтому обратный процесс – демифологизация его образа – требует тонкого диалектического подхода. Таковой и обнаружен В.Ш.

Идея симфонии властей, развивавшаяся Никоном, является выдающимся обретением русской философской мысли. Сколь существенную лакуну восполняет В.Ш.! Используя современную терминологию, можно сказать так: Патриарх радел о дополнительности, о диалогическом взаимодействии государственного и церковного начал. Церковь в его глазах была органом совести. Недолго продержалось оптимально найденное равновесие. Это были блестящие для России годы. Но восторжествовала монофония. Это предопределило целый ряд фатальных исторических неудач России. Философия Никона сохраняет свою актуальность. В.Ш. убеждает: она может быть востребована как действенная эвристика.

Для характеристики идеи Никона В.Ш. использует такие термины: «*иероавтократия*», «*авто-иерократическая этика*». Они мне представляются емкими и точными, но я бы добавил, что на месте «*авто-*» (это не обязательно монарх) в принципе можно видеть и «*демо-*». Идея симфонии властей не завязана только на монархическом типе правления. Она универсальна.

Вспомним работу Е.Н. Трубецкого «Умозрение в красках». Ее названием автор хотел выразить ту мысль, что иконопись на Святой Руси заменяла философские тексты. Но то же самое можно сказать и о зодчестве. В своих архитектурных проектах Никон философствует! Раскрытие же философского содержания, заложенного в трех его монастырях, является частным, но очень важным моментом работы В.Ш., но, тем не менее, в работе указано: в основе архитектурно-философской программы Никона лежит идея соответствия (подобия, гомологии) небесного и земного, первообраза и образа. Степень соответствия должна стремиться к максимуму. Это характерно для Никона: максимализм и в мышлении, и в поведении. В этой части работы В. Ш. во многом помогают понять душе- и умо-устроение Патриарха.

В.Ш. также пишет об «*азбучно-иконической идеографии*» в русской культуре – Воскресенский собор монастыря Нового Иерусалима блистательно воплощает ее основную мифологему и философему одновременно: это *лестница* анагогического восхождения к Богу, обретшая в уникальном храме зримые, художнически-конкретные черты. Три монастыря Никона – это своеобычные философские тексты: именно к такому их пониманию и подвигает диссертация.

Патриарх мечтал о воцерковлении социума. Это может показаться утопией. Но тут все сложнее. Может ли общество жить по нормам евангельской этики? – Вот вопрос, мучивший Никона. Формально верность этим нормам декларируется, но в жизни мы видим нечто противоположное. Социальный идеал, развиваемый Никоном, вовсе не является – как это ни парадоксально прозвучит – сугубо клерикальным, он гораздо шире. Патриарх хотел, чтобы человек на всех уровнях своего бытия находился в синергии с Богом – иначе его ждет крушение. В общем-то это весьма реалистическая установка.

В.Ш. утверждает, что образ Никона приобрел в русской культуре «*черты архетипа*» – это интереснейшее положение обосновано и доказано. Сложный, противоречивый, амбивалентный архетип! И очень сильный, влиятельный. Его сложнейшая природы глубоко проанализирована автором.

В.Ш. правомерно пишет об онтологических предпосылках философии Никона. Это весьма существенно и для Патриарха Никона, и для русской религиозной мысли в целом – надо философствовать о человеке, затрагивая основы, корни бытия – антропология должна быть онтологичной. Это мы видим у Никона.

Заключая, могу утверждать: после исследований В.Ш. учебники по истории русской философии требуют существенного восполнения.

ПАРИЛОВ О.В., д. филос. н., проф., декан философско-теологического факультета Нижегородского государственного педагогического института.

В процессе раскрытия образа Патриарха Никона – крупнейшей фигуры, во многом определившей свою эпоху, В.Ш. справедливо проводит исторические параллели между «бунташным» XVII в. и современностью. Действительно, эти переломные эпохи демонстрируют смену социокультурных парадигм. В этой связи определение дальнейших путей развития России может быть продуктивным лишь в опоре на бесценный опыт прошлого, к которому обращается В.Ш.

Нельзя не разделить позицию автора, что сегодня лишь Православная Церковь способна выступить значимой альтернативой мертвящему, бездуховному либерал-экономизму, все более завоевывающему жизненное пространство России.

Также нельзя не отметить научную смелость мнений автора, взявшегося реабилитировать Никона, в пику негативных оценок, направленных на эту историческую фигуру. Это обеспечивается основательным теоретическим фундаментом, представляющим собой раскрытие специфики древнего и средневекового славяно-русского философствования в различных (онто-метафизическом, антропологическом, гносеологическом, аксиологическом) аспектах. Демонстрируя глубину и оригинальность этой философии, автор развенчивает бытующий по сию пору миф о древнерусском «безсловесии» и «безмыслии»; значим и заданный контекст цивилизационного конфликта между католическо-протестантским Западом и православной Русью в XVII в.

Следует отметить скрупулезность в подходе к рассмотрению образа Патриарха Никона, чему свидетельство – гигантское количество переработанных в ходе работы литературных источников как критического, так и апологетического плана.

Выскажем и некоторые замечания. Полагаем, успешно решая задачу демифологизации образа Патриарха Никона, В.Ш. не удержался от некоторой его идеализации: вряд ли свидетельствуют о «кротости» и «смиренномудрии» такие поступки, как публичное выкалывание глаз на иконах нового письма, жестокая расправа с противниками-старообрядцами (пример – трагическая судьба Павла Коломенского); нельзя упускать: именно церковная реформа (точнее, методика ее проведения – жесткое авторитарное предписание буквально с завтрашнего дня молиться по-новому) предопределила социальный взрыв в середине XVII в.

В.Ш. именует старообрядцев «обрядоверами», но этот же эпитет, в принципе, подходит и к Никону. Никона со старообрядцами многое роднит: и тот, и другие были ревнителями благочестия; осознавали опасность западной культуры для русской земли, Русской Церкви; символично, что Патриарх Никон и протопоп Аввакум были земляками – оба родились на Нижегородской земле. Если старообрядцы были приверженцами родной старины, древнего благочестия, то Никоном владела идея Вселенского православия. Это и развело их в разные стороны. Но, подобно староверам, Никон идею Вселенской Церкви понял в основном узко-обрядово. Одним словом, Патриарх Никон, несомненно, – титаническая фигура, но он – не икона, а живой человек.

Полагаем, у В.Ш. несколько идеализирован и образ Руси XVII в.: по его убеждению, именно тогда был «сформирован... вектор национально-государственного развития Московско-Ромейского царства в образе третьего Рима – Святой Руси».

Мы же полагаем, что как раз в XVII в. концепция Москвы как «третьего Рима» переживала глубокий кризис. Данная идеологема, точнее, ее неверное истолкование во второй пол. XVII в., оказалао негативное влияние на духовное развитие русской нации. Дело в том, что формула «Москва – третий Рим» не была констатацией свершившегося факта, оформившейся данностью, а лишь потенцией, которая в чистом виде так и не была реализована. Порабощение Византии турками, в то время как Русь освобождалась из-под власти татар; преодоление Смуты, укрепление и централизация Руси; взгляд Восточных Патриархов на Русь как на центр Православия – эти внешние успехи Русского государства привели к мысли, что русское православие со всеми его обрядами самое чистое. Как справедливо отмечал В.О. Ключевский, идея Вселенской церкви замкнулась в пределы Русской; возобладал взгляд, что Русская Церковь, русское общество восприняло все, что нужно для спасения, и нечему больше учиться, а надо только хранить. На место Вселенского православия стала русская старина. Главное следствие – было отвергнуто всякое движение религиозного сознания. Духовный застой, остановка религиозной мысли породили кризис средневекового русского православия. Подтверждение вышесказанному находим, в частности, у историков Церкви: «Церковные нестроения (невежество паствы и духовенства, пережитки язычества, лень и недостойное поведение священнослужителей...) явились причиной возникновения кружка ревнителей благочестия».

ТЕРЕБИХИН Н.М., д. филос. н., проф., директор Центра сравнительного религиоведения и этносемиотики; ШАЛЯПИН С.О., к. ист. н, доц., зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Исторический масштаб личности Никона столь грандиозен, что научные исследования его эпохи продолжаются уже более двух столетий силами представителей самых разных отраслей знания. В этой связи совершенно логично предложенное В. Ш. исследование обозначенного круга проблем в философско-религиоведческом ключе.

Интересной представляется постановка проблемы демифологизации личности и наследия Патриарха Никона. Осуждение и ссылка Никона, трансформация начатой им церковной реформы, демонизация личности Патриарха в старообрядческой литературе и иные факторы способствовали созданию образа Никона, сочетающего в себе как реальные черты исторического деятеля, так и сложную вымышленную мифологему. Нельзя не заметить, что и сам Никон приложил немало усилий по формированию мифа о себе. В плену этого мифа находились даже члены царствующего дома, продолжавшие сохранять общение с опальным Патриархом. Нельзя не согласиться с автором, утверждающим, что «в современную эпоху данный социокультурный архетип, миф-символ нуждается в переосмыслении сложившихся интерпретаций с целью создания достоверного представления о Патриархе и его эпохе». Подобное переосмысление возможно только на базе скрупулезного анализа максимально широкого круга достоверных источников, раскрывающих различные аспекты деятельности и творчества Никона.

Содержание исследования убеждает в том, что В.Ш. подвел своеобразный итог более чем двухвековым научным изысканиям в обозначенной области, подвергнув сравнительному критическому анализу большой объем разнообразных источников. Очевидны заслуги автора и в деле поиска и введения в научный оборот документов никоновской эпохи и трудов самого Патриарха. В историографическом анализе автор, очевидно, отдает предпочтение «апологетическому направлению, не отвергая и определенных достижений «критического направления» науки. Данный его выбор может рассматриваться как мировоззренческий, и ни в коей мере не умаляет научной ценности проделанной работы.

Выдвинутые в работе положения, охватывают весьма широкий спектр исторических, философских, культурологических, религиоведческих, социологических проблем, связанных с предлагаемой автором программой «демифологизации» образа Патриарха Никона. В.Ш. удалось подчеркнуть многие характерные детали и черты творческой личности Никона, остававшиеся в тени в работах иных исследователей. Особого внимания заслуживает анализ произведений Патриарха, дающих весьма показательный срез мировоззренческих, богословских и философских взглядов последнего.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на ряд спорных моментов и неточностей. Так, соглашаясь в целом с большинством выдвигаемых положений, обращаем внимание на весьма дискуссионную теорию относительно инспирированности церковного раскола и цепи социальных и государственно-церковных конфликтов XVII в. со стороны западных

государств. Наличие определенного внешнего фактора в этих событиях несомненно, но необходимо учитывать и его второй вектор – восточный. Кроме того, внешний фактор никак не подменяет внутренних движущих сил социально-политического конфликта светской и духовной властей России второй половины XVII в., связанных с генезисом абсолютистских тенденций, жесткой централизацией феодального государства и пр.

Автор сетует на то, что «в предшествующей его исследованию научной литературе недостаточно представлены фундаментальные исследования, в которых с объективной точки зрения были бы рассмотрены Патриарх Никон и его вклад в историю развития Российского государства и Церкви». Данное утверждение представляется излишне категоричным. Очевидно, сложно обвинить таких авторитетных исследователей никоновской эпохи, как М.В. Зызыкин, Н.Ф. Каптерев и др. в нефундаментальности их работ и необъективности или предвзятости по отношению к главному герою их исследований. И сам В.Ш. признает их фундаментальность, указывая на то, что «благодаря этим работам историография вопроса о Патриархе Никоне периода XVIII–XX вв. может считаться исчерпанной».

С точки зрения классического источниковедения, помещение мемуарных произведений в один ряд с «авторскими историческими и художественными реконструкциями и комментариями» вряд ли оправдано. Этому мешает различный уровень репрезентативности и достоверности первых и вторых. Вообще же отнесение записок современников Никона к жанру мемуаристики, сложившемуся в России лишь на рубеже XVII–XVIII вв., спорно.

Используемые В.Ш. термины «ортодокс-славянская система философии», «ортодокс-славянская система мира», очевидно, нуждаются в уточнении как по содержанию, так и по форме. Более привычным, с точки зрения формы, было бы использование сочетания «православно-славянская система философии».

ЛЕСКИН Д.Ю., прот., д. филос. н, к-т богословия, зав. кафедрой теологии Самарского госуниверситета путей сообщения, зав. кафедрой теологии и истории религии вузов Самарской обл.

В.Ш. поставил перед собой масштабную задачу исследовать теоретико-методологические основы мифологизации (демифологизации, ремифологизации) образа исторической личности Патриарха Никона в общественном сознании. При этом изучение творческого наследия Патриарха Никона осуществлено им в контексте выяснения своеобразия отечественного мировоззрения, определенного как «славяно-русская традиция ортодокс-славянской системы философии», про которую В.Ш. справедливо замечает, что она до настоящего времени остается не изученной в «отраслевых религиозно-философских аксиологических, историко-философских, социально-политических, правовых, богословских, литературоведческих и других подходах и аспектах».

Следует учитывать, что основные выводы о наследии, итогах и влиянии XVII в. на историческое будущее России, в связи с недостаточной изученностью археографических источников и обилием «идеологических клише», носит весьма противоречивый, а часто взаимоисключающий, характер. Вместе с тем, по мотивированному утверждению автора исследования, XVII в. и сама эпоха Патриарха Никона в истории России являются «сущностным этапом в развитии общества (тогда были выкристаллизованы основные социокультурные архетипы картины мира)». В.Ш. приходит к выводу, что этот период во многом определил динамику всей последующей истории страны и продолжает оказывать серьезное влияние на современную жизнь. В связи с этим обращение автора к систематическому изучению культурно-исторических феноменов XVII столетия представляется безусловно актуальным и научно оправданным.

Разработанная и примененная в работе теория демифологизации социокультурного и социально-политического мифологического образа исторической личности является весомым вкладом в философские, религиоведческие и политические науки, а сама работа выступает как первое комплексно-интергративное исследование, в котором данная теория применена во всей полноте.

Выдвинута яркая гипотеза, согласно которой «мистификация образа Патриарха Никона, создание негативного идеологизированного социокультурного мифа о нем... было необходимо для сокрытия инспирированной западными государствами и Ватиканом... антирусской, антиправославной политики, реализованной в ходе спровоцированного московским боярством государственно-церковного конфликта». Автор утверждает, что идеологическое обличение Патриарха Никона, нашедшее отраже-

ние в полемическо-литературной деятельности богомилов-старообрядцев, а также в официальной историографии, не соответствует документальным археографическим источникам. Данная гипотеза, в случае ее принятия, способна принципиально поменять установившиеся воззрения на эпоху XVII в. и привести к существенной переоценке ряда центральных для нее дефиниций, таких как «раскол», «книжная справа», «церковно-обрядовая справа», «церковная реформа XVII в.», «старообрядчество» и др., а также подвергнуть глобальному пересмотру описание формы и содержания церковно-государственных отношений в XVII в., участие в их развитии Патриарха Никона, Царя Алексия Михайловича, боярской думы, старообрядцев и др.

Постановка такой грандиозной задачи требует, в первую очередь, опоры на широкую источниковую базу, в том числе, введения в научный оборот новых аутентичных текстов, а также предельно выверенной теоретико-методологической базы исследования. Говоря о первом требовании, необходимо признать, что В.Ш. проведена скрупулезная архивная работа, в том числе открыты и впервые введены в научный оборот многие документы из фондохранилищ. Автором проведена масштабная публикаторская деятельность, позволившая познакомиться с ранее неизвестными источниками научной общественности России[34]. Фактически впервые в отечественной науке в отраслевом научном исследовании был представлен развернутый комплексный анализ, дана оценка источников и авторской литературы, посвященной Патриарху Никону. Обширная библиография работ В.Ш. и степень глубины проработки использованных источников позволяет говорить о системном анализе всех аспектов духовной и интеллектуальной жизни XVII столетия.

Говоря о научно-методологическом комплексе исследования, важно отметить, что оно последовательно строится на принципах историзма, социальности, научной объективности, а также междисциплинарного комплексного историко-философского, религиоведческого, историко-культурологического и др. подходах, с применением герменевтического, идеографического, экземплификативного, историко-семиотического и др. методов.

Широкий междисциплинарный подход, примененный В.Ш., с одной стороны, позволил провести полномасштабный анализ личности и деятельности Патриарха Никона, а с другой – выявить и рассмотреть проблему в «диалектической взаимосвязи элементов средневековой картины мира с подобными элементами картин мира нового и новейшего времени».

В диссертационном исследовании В.В. Шмидта решается двуединая задача, причем итоги работы весьма значительны для целого ряда социально-политических, богословско-философских, исторических, религиоведческих, культурологических и психологических наук: 1) проведена кардинальная научная переоценка бытующего социокультурного мифа, который до настоящего времени продолжает удерживать в общественном сознании мистифицированный образ Патриарха Никона, а вместо него предложен вариант научно-аналитической реконструкции образа; 2) существенно восполнен комплекс представлений о целостности славяно-русской философии как неотъемлемом элементе самобытной картины мира с комплексом богословских, филологических, искусствоведческих, государственно-правовых и др. идей.

Сутью древнерусской культуры автор обоснованно считает христоцентризм, сотериологизм и экклесиологичность славяно-русского миросозерцания, которое органически не сводимо к идеологии «гуманизированной культуры католического типа и секулярно-прагматистской культуры протестантского типа» и сформировавшейся в ее лоне дуалистической картине мира. В противоположность ей для славяно-русского православного миропонимания характерны «софийная иконичность», «онтологичность», «энергийность» и «ономатичность».

В.Ш. указывает на иероавтократическую («симфоническую») модель церковно-государственного устройства, не допускающую как папоцезаристских, так и цезарепапистских мировоззренческих установок как на государственно-политический идеал, воспринятый византийской философией и выстроенной на ее основе славно-русской традиции.

Масштабность замысла работы «Демифологизация...» и широта постановки проблем, носящих

[34] *Патриарх Никон*. Труды / Научн. исслед., подготовка документов к изд., сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М.: Изд-во МГУ, 2004. – 164,8 п.л; Патриарх Никон: Стяжание Святой Руси – созидание государства Российского: В 3 ч. / Сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М.: Изд-во РАГС, 2009 (в печати). – 150 п.л.

фундаментальный характер, приводит к некоторой декларативности изложения, что, впрочем, неизбежно при учете новаторского значения исследования. Среди вопросов, которые возможно задать автору, вопрос о необходимости столь обширного привлечения понятийного и категориального арсенала, взятого из западноевропейских источников, учитывая, что сам В.Ш. говорит о затруднительности его использования для аутентичного осмысления и изучения русского духовно-интеллектуального наследия (православной цивилизационной картины мира) до начала Нового времени.

Вызывает вопросы и ряд неологизмов, используемых автором, в том числе «ортодокс-славянская система философии». Учитывая широкое бытование в древнерусской письменной традиции «Азбуковников», «Лексиконов», «Толковых алфавитов», «Грамматик», «Риторик» и т.д., на которые многократно ссылается автор и в которых наличествует интереснейший и почти неизученный, в связи с вытеснением его из употребления в Новое время и заменой его западным, понятийный аппарат, не стоило бы уточнить терминологическую базу, более адекватно отражающую восприятие ряда реалий в контексте православного славяно-русского мировоззрения?

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о первопроходческом характере и большом научном значении исследования, результаты которого существенно обогащают отечественную гуманитарную науку.

ЛОЛАЕВ Т.П., д. филос. н., проф., зав. кафедрой философии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

Работа В.Ш. представляет комплексное научное исследование одной из важных дискуссионных религиоведческих, философско-культурологических и социально-политических проблем, связанных с определением места и роли крупнейшего церковного и государственного деятеля России – Патриарха Никона, его наследия в русской истории и культуре, а также степени их влияния на жизнь российского общества с периода позднего Средневековья – начала Нового времени.

Новизна работы состоит в том, что автор провел систематическое междисциплинарное исследование образа Патриарха Никона в русской социокультурной и социально-политической картине мира, а также наследия Патриарха как продолжателя славяно-русской традиции; является системным исследованием, в котором представлен опыт демифологизации социокультурного и социально-политического образа исторической личности.

В работе обозначен комплекс проблем, связанных с моделью институциональных взаимоотношений государства, Церкви и общества, требующих в свою очередь формулирования научно-исследовательских целей и постановки задач в части демифологизации субъектов, средств и механизмов этих взаимоотношений.

Теоретическая и практическая значимость обсуждаемой работы заключается в том, что собранный и проанализированный в ней источниковедческий и историографический материал может послужить базой для дальнейших научных исследований в отраслевом гуманитарном знании; теоретические выводы открывают новые возможности для развития философских и других гуманитарных наук в области исследования славяно-росского культурного, религиозного, философского, социально-политического наследия.

К недостаткам работы можно отнести чрезмерное преувеличение автором личностных качеств и роли Патриарха Никона не только в истории РПЦ, но и государства Российского и то, что автор пытается провести мысль о необходимости практического применения наследия Патриарха Никона в современной России несмотря на то, что это несовместимо со статусом светского государства, каковой является Российская Федерация.

АРАКЧЕЕВ Б.С., директор государственного Музея Истории Религии: представляю отзыв ЛУЧШЕВОЙ З.А., к. филос. н., зав. отделом «История православия».

Эпоха Патриарха Никона в отечественной истории была периодом, который во многом определил всю последующую историю страны и оказал существенное влияние на формирование государственно-церковных отношений. На археографическом документальном материале, большая часть которого впервые вводится в научный оборот, В.Ш. проводит философско-религиоведческий, историко-культурологический и социально-психологический анализ роли и значения патриарха Никона и его творческого наследия в отечественной социально-политической истории, а также в развитии религиозно-философской мысли периода перехода от Средневековья к Новому времени. В работе впервые представлен развернутый анализ историографии исследуемой проблемы: дана

оценка источников и многочисленной литературы, посвященной Патриарху.

Особый интерес представляет исследование творческого наследия патриарха, которое до настоящего времени оставалось неизученным в религиозно-философских, богословских, литературоведческих и других подходах и аспектах. На основе представленных в работе В.Ш. материалов восполнено представление о целостности славяно-русской философии с ее оригинальной картиной мира, комплексом богословских, социально-политических, государственно-правовых и других идей; показана симфоничность философских воззрений Никона святоотеческому наследию и православному богословию.

Научное, социально-политическое и практическое значение работы В.Ш. несомненно: в ней раскрыты механизмы формирования в общественном сознании социально-политического мифа, вошедшего в научно-литературной обработке в официальную историю и историографию – негативного мифа о Патриархе Никоне как теократе, посягнувшем на государственную власть, и как реформаторе Церкви, разрушавшем святоотеческую традицию и древнерусское благочестие. Ответственность за создание такого искаженного, «демонического» образа Патриарха, как и за церковно-гражданскую смуту, впоследствии трансформировавшейся в церковный раскол, приведший к появлению старообрядчества, автор возлагает по большей части на западные государства и Ватикан, сформировавшими после Тридцатилетней войны Вестфальскую систему международных отношений. Последний вывод автора, заявленный им как гипотезу, сформулированная на основе проблемного метода, на наш взгляд, не является бесспорным и носит декларативный характер, т.к. по сути дела снимает ответственность с руководителей Церкви и государства. Церковно-обрядовые реформы середины XVII в. обуславливались прежде всего внутренними потребностями РПЦ – необходимостью унификации московской богословской традиции в связи с утверждением политико-идеологической доктрины «Москва –третий Рим», усилившимся подчинением Церкви интересам государства.

ТИХОН (Полянский С.М.), игумен, к. филос. н., настоятель церкви Пресвятой Троицы в с. Захарово Клинского района Московсковской обл.

Научная новизна исследования В.Ш. проявляется в попытке демифологизации образа Патриарха Никона и его наследия. Как справедливо отмечает автор, несмотря на наличие большого количества отечественных и зарубежных трудов, посвященных Никону, его образ сильно «затемнен» и мифологизирован.

Автор также приходит к справедливому выводу, что эпоха Патриарха Никона явилась не только рубежом между Русью Древней и Россией Нового времени, но и периодом, когда были сформированы основы и положены начала дальнейшей национально-государственной, шире – государственно-эйкуменической (имперско-экклесиологической) политики. Это во многом предопределило противоречивость, а порой и взаимоисключаемость характеристик исторического образа Никона в общественно-государственном и художественном сознании, где он неизбежно предстает с ярко выраженными монументальными чертами кроткого и несгибаемого, милосердного и грозного, уверенного и преисполненного торжества правды человека. Этот вывод позволяет утверждать, что «внешний заговор» не был единственной причиной мифологизации образа Патриарха.

Важным аспектом работы представляется документально аргументированный анализ иностранного воздействия на церковно-государственную обстановку Московского царства сер. XVII в. Вместе с тем было бы желательно уточнить баланс и сочетание «внешних» и «внутренних» факторов в мифологизации образа Никона, позволяющий избежать переоценки каждого из них. Отчасти этот вопрос проясняется в выводах, где излагается своего рода хронологическая последовательность формирования и употребления общественного мифа о Никоне в отечественной идеологии. Признавая исключительность эпохи, личности и образа Никона в русской истории, тем не менее хотелось бы увидеть сравнительный поиск некоторых аналогий и параллелей в мировой и отечественной истории (например, привлекая личности имеющих отношение к церковно-государственному противостоянию митрополита Филиппа [Колычева], Патриархов Иова, Гермогена и Тихона).

ПАВЛОВСКАЯ О.А., к. филос. н., доц., зав. отделом философии религии, этики и эстетики Института философии Национальной Академии Наук Белоруссии.

Происходящие в последние десятилетия социокультурные преобразования вызывают повышенный интерес к проблемам мировоззренческого,

идеологического, культурно-национального, морально-психологического плана. Поиск ответов на сущностные проблемы бытия, смысложизненные вопросы человеческого существования, как и ранее в переломные периоды истории, зачастую сопряжен с оживлением религиозного сознания, активизацией конфессиональной жизни. Заметно возросла в последнее время роль Православной Церкви в осмыслении, обсуждении, решении актуальных проблем общественного и индивидуального бытия. Естественно, для того чтобы лучше понять сущность и пути утверждения идей христианства в современном мире, должным образом оценить место и роль Православной Церкви в жизни общества и государства, необходимо обратиться к богатейшему историческому опыту, переосмыслить его с учетом происходящих социально-политических изменений, новых достижений науки и культуры. В этой связи проведенное В.Ш. исследование является актуальным и предлагает новые подходы для понимания и адекватной оценки исторической миссии Православия в цивилизационном развитии социума.

В научно-теоретическом плане данная работа представляет интерес прежде всего с точки зрения философского осмысления трансформирующейся общественной системы, взаимодействия и противодействия в ней различных объективных и субъективных сил. Пристально исследуя время церковной реформы, личности и деятельности Патриарха Никона, автор поднимает и рассматривает целый ряд социально-философских проблем таких, например, как роль личности в истории, усиление государства как социального института, взаимоотношений государства и церкви, значения религиозных убеждений в создании и утверждении государственной идеологии.

Принимая во внимание идеологическую обработку, порой и фальсификацию сведений о церковной реформе середины XVII в., имевших место как во времена Российской империи, так и в годы советской власти, представляется ценным с философской точки зрения тщательно подобранный и проанализированный автором материал по демифологизации образа Патриарха Никона, осмысление причин, механизмов и последствий мифологизации сознания.

Как следует из исторических источников, Патриарх Никон был выдающейся исторической личностью, доминирующей мотивацией деятельности которой было теоретическое обоснование и практическая реализация главной идеологической доктрины того времени «Москва – третий Рим», причем длительная, последовательная и энергичная деятельность его в этом направлении была преимущественно сопряжена с поиском законных оснований и убедительных доказательств того, что Москва является центром Вселенского Православия. Никон не был одиночкой, многие его современники также были одержимы этой идеей, но именно он аккумулировал в себе стремление утвердить истинную веру, осознавая всю меру ответственности за историческую судьбу православия.

В работе осуществлен междисциплинарный философско-религиоведческий, историко-культурологический, социально-психологический анализ личности и деятельности Патриарха Никона, дана научно обоснованная оценка его значения в духовно-культурном развитии России, четко прослеживаются тесная связь и преемственность его творческого наследия и славяно-русской традиции философствования. При этом автор опирается на богатейшую источниковедческую и историографическую базу, вводит в научный оборот большое количество новых археографических материалов.

Исследование В.Ш. представляет собой научно обоснованную, логически выстроенную концепцию, состоящую из трех взаимосвязанных блоков: 1) характеристика творческого наследия Патриарха Никона как неотъемлемой составляющей славяно-русской ортодоксальной философии; 2) анализ его личности и деятельности в контексте русской истории; 3) исследование причин, механизмов, последствий процессов мифологизации и демифологизации образа Патриарха. В результате проведенного исследования не только осуществлена реконструкция эпохи церковной реформы середины XVII в., ее идейно-теоретических оснований и социально-политической практики, но и проводится экстраполяция идей Вселенского Православия на современные конфессиональные отношения.

Однако следует высказать несколько замечаний:

– в работе обращается внимание на конструктивный потенциал православной антропологии, однако, на наш взгляд, этого недостаточно для философского анализа поставленной проблемы. В ходе исследования необходимо более развернуто использовать методологические наработки философско-антропологического плана, что позволяет углубить представления о личностной природе

человека, формировании его духовной сущности, проявлении внутриличностных и межличностных связей и отношений;

– философский анализ личностной природы человека необходимо предполагает исследование проблемы формирования и проявления межличностных связей и отношений, поэтому, характеризуя личность Патриарха Никона, необходимо показать и морально-психологический облик людей, с которыми он вступал в различные отношения в ходе осуществления церковной реформы, такими, например, как Царь Алексей Михайлович, протопоп Аввакум, Иван Неронов и др.;

– на наш взгляд, спорным является утверждение автора об инспирированной западными государствами антиклерикальной политике российского государства, начавшемся впоследствии церковном, гражданско-политическом и социокультурном расколе. Социально-философский анализ причин, хода и последствий церковной реформы должен включать комплексное изучение как внешних, так и внутренних факторов;

– проводимая экстраполяция религиозных воззрений Патриарха Никона на развитие современных конфессиональных отношений позволяет говорить об экклесиологичности как об общем религиозном принципе, на основе которого возможна духовная консолидация «старообрядцев» и «никониан». В то же время отчетливо подчеркивается противостояние православной, католической, протестантских конфессий. В этой связи возникает вопрос о возможном сближении этих конфессий в современном мире на базе христианских нравственных ценностей. Было бы интересно узнать, как в творческом наследии Патриарха Никона рассматриваются проблемы утверждения христианской нравственности в жизни человека, народа, государства.

РУСАНДУ И., д. филос. н., проф., директор Института философии, социологии и политических наук Академии наук Молдовы

Несомненно, возвращение к наследию предшественников и стремление вернуть его в надлежащем виде научной среде приобретает иное звучание в контексте XXI в. Для исследователей это не только объемный труд, но и большая ответственность перед будущими поколениями. Ведь не секрет, что еще достаточно часто встречаются попытки подмены одних мифов другими или их ремифологизация, политическая ангажированность вместо достоверенных научные фактов и т.д., поэтому, чем настойчивее будут вовлекаться специалисты в научных разработки такого порядка, тем меньше останется пространство для околонаучных спекуляций.

В этой связи следует отметить, что работа В.Ш. является одной из таких работ, в которой наследию Патриарха Никона и его роли в русской истории и культуры дается комплексная трактовка. Не секрет, что вследствие мифологизации наследие Патриарха получило достаточно полярную трактовку в истории не только русской мысли, но и далеко за ее пределами, в частности это нашло отражение и в трактовке богословских и социо-культурных оснований русской государственности.

Интересен подход автора при выборе и рассмотрении различных аспектов данной проблематики. Так, для того чтобы сохранить целостность исследования, В.Ш. предпринимает попытки углубиться через междисциплинарный срез в рассматриваемую тему, и местами ему удается вернуть в научное русло отдельные трактовки, демифологизируя их. Чрезвычайно актуальными представляются вопросы взаимодействия государства и Православной Церкви, нашедших отражение в творчестве Патриарха Никона, и подвергшихся фальсификации в течение столетий. Правильная научная трактовка этой проблемы имеет огромное методологическое значение не только для исследования истории русской политической мысли, но и для европейской.

Чрезвычайно важным представляется вывод автора, что после смены языческого типа мировоззрения христианским, с внедрением богословских и философских представлений рубежа X–XI вв., в XII–XIII вв. раннесредневековая ортодоксальная славянская богословско-философская система выступает как сложившееся явление, а после падения Киевской Руси, в XIV–XV вв., начинается постепенный подъем от древнерусского типа мышления к новоевропейскому, апогей которого, по мнению автора, приходится на XVI–XVII вв., когда происходит их постепенное сближение.

В.Ш. убедительно показал, что: 1) философско-богословские достижения ортодоксально-славянской традиции начала Нового времени в полном объеме нашли отражение в творчестве Патриарха Никона; 2) основные составляющие этой философии детерминируются компонентами собственно системы философии, включая логику, а она сама выступает субстанцией системы славяно-русской

ортодоксальной философии как фундаментальное совокупное знание; 3) для именования явления, каким является наследие греко-восточной славяно-русской цивилизации в части небогословской мысли, автором предлагается понятие *славяно-русская ортодоксальная (православная) философия*; качественной особенностью данной философии является, по мнению В.Ш., ее гетерономная синергийность системе православного богословия.

ГИРУСОВ Э.В., д. филос. н., проф., зав. Кафедрой философии Российской Академии Наук: представляю отзыв профессоров нашей кафедры – д. филос. н., проф. БАБУШКИНА В.У. и д. филос. н., проф. ЛЯХОВА И.И.

Исследование В.Ш. посвящено мало разработанной и весьма актуальной теме – Патриарху Никону, его религиозно-философским и богословским воззрениям. Также следует отметить сложность данной темы в плане противоречивости интерпретации личности и деятельности Патриарха Никона, сложившейся в светской и религиозной литературе. Творческое наследие Патриарха Никона является практически неизвестным отечественному религиоведению и историко-философской науке: архивные материалы «Судного дела» хотя и хорошо обработаны, но в научный оборот введены не в полном объеме. Автором впервые в истории отечественной мысли предпринята попытка реконструкции системы богословия и описания религиозно-философских взглядов Святейшего Патриарха Никона.

В работе существенное значение уделяется и психологическим особенностям личности Патриарха Никона, реконструкция которой была проведена с использованием современных методик исторической, социальной и личностной психологии как реализация задачи, поставленной в исторической и богословской науках еще в XVIII в. Опыт такого рода исследований, выполненных на стыке отраслевого науковедения, является крайне позитивным и свидетельствует о больших возможностях в развитии такого направления в религиоведении как психология религии.

ЯБЛОКОВ И.Н., д. филос. н., проф., заслуж. деятель науки России, зав. кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Исследование В.Ш. представляет большой научный интерес для современной науки и не только историко-философских, религиоведческих ее отраслей, но и методологии гуманитарного знания.

В.Ш., проводя реконструкцию господствующей идеологии второй половины XVII в., исследуя систему взглядов, церковно-государственную и социально-политическую деятельность Патриарха Никона, реконструируя социально-психологические особенности личности Патриарха, убедительно доказывает, что богословские и религиозно-философские взгляды Патриарха Никона согласованы с традиционным православным святоотеческим вероучением в его каппадокийской традиции и представляют разработанную систему; также Патриархом Никоном разрабатываются отраслевое богословие, принципы канонического устройства Церкви, канонические вопросы и принципы взаимодействия государства и Церкви, принципы церковного судопроизводства и управления имуществом, принципы клерикального образования, просвещения, миссионерства и благотворительности; реформируется церковное устройство на иерократических основаниях и принципах.

Во многом благодаря трудам В.Ш. проблема Патриарха Никона становится актуальным предметом академической дискуссий и получает свое отдельное направление в виде *никоноведения*.

КАЛИТИН П.В., д-р философии, профессор Государственного университета управления.

Тема, связанная с личностью и духовным наследием Патриарха Никона, наглядно свидетельствует о том, что сегодняшнее поколение российских философов начинает серьезно интересоваться самыми сложными и запутанными аспектами отечественной православной традиции, что нельзя не приветствовать в качестве своеобразного научного бесстрашия. В случае с В.Ш. дело обстоит еще респектабельнее: он достаточно обоснованно и, я бы сказал, тонко раскрыл эвристический характер воцерковленно-кафолических взглядов Патриарха Никона и, тем самым, утвердил оригинальную природу православного христианства. Одним из существенных моментов этой оригинальности является ее целостное и во многом невербальное начало, предполагающее и обоженно-мистическое, и нравственно-подвижническое созидание вплоть до его социокультурного объективизирования.

В.Ш. вполне резонно выводит православное творчество в лице Патриарха Никона из святоотеческо-

го и особенно каппадокийского учения, акцентируя внимание на нееретическом «иерократизме» нашего мыслителя, на его учено-монашеской основательности; более того, В.Ш. дает почти энциклопедический историко-культурный и религиоведческий контекст никоновских слов и поступков, использовав обширнейшую библиографию.

Здесь нельзя не отметить фундаментальный анализ теории «Третьего Рима», которой В.Ш. возвращает первоначальное – эсхатологическое – значение. Игнорировать эту принципиальную составляющую значит в очередной раз отождествлять область вероучения с идеологией, против чего справедливо выступает В.Ш. Еще одним объективным достоинством анализируемых сегодня исследований является, несомненно, их метафизическая глубина, ограниченно сопряженная с никоновской проблематикой «тайны благочестия»: автор не ограничивается чисто вербальной и поверхностной стороной вопроса, апеллируя к собственно мистическому и эвристическому опыту православного мыслителя, его покаянному исповеданию имени Божиего. Из этого метафизического источника как раз проистекают остальные формы никоновского творчества и вдохновения, что прекрасно отвечает адекватно-научному и целостному взгляду В.Ш. на предмет своего исследования.

Многие из ставящихся В.Ш. проблем взывают к дальнейшему осмыслению. В первую очередь, я выделил бы здесь логико-семантический костяк никоновских взглядов, тесно связанный с их «реконструированием-восстановлением», как удачно выражается В.Ш. Такое реконструирование позволяет не пользоваться очень расплывчатым термином «религиозная философия» (к которой можно отнести и воцерковленно-ортодоксальное и прямо противоположное – еретическое философствование), форма и суть которой, как я понимаю, собственно и отрицается В.Ш., и во всем многообразии ощутить и понять оригинальную природу «иерократических» взглядов Патриарха Никона, природу, обусловленную покаянным опытом православной метафизики с ее «апофатико-катафатическим» – «отрицательно-положительным» содержанием (это и служит способом преодоления излишне окюморонного вида все еще используемой дифениции «философско-богословская» соотносимая с вербально-понятийной и невербально-мистической оппозициями в отечественной и в целом православной духовно-культурной традиции).

Думаю, очень важно продолжить разработку учено-монашеской линии отечественного православия в творчестве Никона, причем в его древнерусской и в синодальной ретроспективе; православной экзегетики – ее анагогического уровня, прямо обусловливающего святоотечески-исихастский характер никоновской философско-богословской мысли в силу своей непосредственной созерцательности и метафизической эмпирии. Также, полагаю, было бы очень интересно развить наработки Н.В. Синициной, В.Ш. и др. в области идеологеммы «Третьего Рима», скажем, через упоминание аналогичных взглядов, но относительно Франции у Боссюэ как автора «Похоронных речей» – в этом случае, думается, лучше бы прояснилось бы именно деидеологизированное и неинтеллигентское, в духе Н.А. Бердяева, понимание этой теории в сочинениях как Патриарха Никона, так и, например, российских ученых монахов XVIII–XIX вв.: Платона (Левшина), Евгения (Болховитинова), св. Филарета Московского и др.

ТИМОШЕВ Р., генерал-лейтенант, зам. начальника Военного университета Минобороны России по научной и учебной работе, д. филос. н., проф.: представляю отзыв, подготовленный нач. кафедры философии и религиоведения п-ком ПЕТРИЙ П., д. филос. н., проф.; нач. кафедры зарубежной военной информации п-ком ОНИЩУКОМ С., к. ист. н.; нач. кафедры теории и истории государства и права п-ком МАКАРЕНКО В., к. филос. н.; проф. кафедры философии и религиоведения д. филос. н., проф. А. ДЫРИНЫМ.

Исследование В.Ш. является творческим авторским откликом на возросший в последнее время научный интерес к судьбоносным, если не сущностным, периодам истории общества и государства, связанным с поиском путей социально-политической, общественно-государственной стабилизации, формирования универсальных общезначимых ценностей и социокультурных мифов современного общества, находящегося в условиях трансформации содержания, формы, моделей своих организации и управления.

В современных условиях в свете консолидации российского общества, развития гражданских институтов, среди которых наиболее влиятельными являются традиционные религиозные объединения, а также возрождения традиционных национально-культурных ценностей, актуальным представляется

восстановление исторической правды, что требует решения комплекса проблем – преодоление мистификации и мифологизации социального бытия XVII в. в его процессах, явлениях, институциональных образованиях и главных действующих лицах, среди которых – Патриарх Никон.

За три прошедших века эта историческая личность не только не получила адекватной исторической оценки, но ее образ оказался гипертрофированным и мифологизированным, в некоторых авторских интерпретациях приобретая «демонические» черты, что указывает на недостаточную научную отраслевую изученность и разработанность как объектной, так и предметной областей. В.Ш. справедливо отмечает, что именно из-за идеологической ангажированности большей части исследователей, писавших о взаимоотношениях государства и Русской Церкви, о Патриархе Никоне, а также применения ими не аутентично изучаемой предметно-объектной области методологического аппарата, в историографии до сих пор не сложилось четкого представления о роли и значении Патриарха Никона, включая его наследие, в отечественной истории, культуре и мысли, при этом активно транслируется ставший архетипом национальной картины мира мистифицированно-мифологизированный образ Патриарха.

Комплекс научных проблем обусловил выбор темы, объекта и предмета, определение цели и задач исследования, среди которых демифологизация образа указанной исторической личности, а также и определение подходов, совокупность которых характеризуют исследование как междисциплинарное, выполненное на стыке ряда наук – исторических (отечественной истории; историографии, источниковедения и методов исторического исследования; история международных отношений и внешней политики), филологических (русской литературы; сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания), юридических (теории и истории права и государства, истории правовых учений), психологических (психологии личности, истории психологии), искусствоведения (изобразительного и декоративно-прикладного искусства и архитектуры; теории и истории искусства) и культурологии (теории и истории культуры), по отношению к которым религиоведение как комплексно-интегративная наука выполняет методологические функции.

С целью аутентичного рассмотрения источниковой базы – трудов Патриарха Никона, материалов, восходящих к его наследию, и документов эпохи, преодоления давления идеологических парадигм и спекулятивной ангажированности «темы», базовым принципом исследования автор избрал принцип историзма, которому неукоснительно следует, а также специально разработанные основоположения, среди которых: парадигмально-методологическая модель для понимания феномена «историческое» как сложноорганизованной системы, в которой сумма идей и представлений есть детерминанта самой системы; типологическая модель «славяно-русской ортодоксальной философии» для критичного (аутентичного) рассмотрения суммы не богословских идей и представлений древней и средневековой русской мысли, которые гетероно-синергийны богословским; а также усовершенствованный метод демифологизации, инструментарий которой оказался недостаточно разработан из-за крайне редкого решения оперативно-тактических задач по нивелированию последствий применения информационно-пропагандистских социально-, политико-идеологических и др. видов воздействия, обеспечиваемых наиболее часто, например, средствами авуации / дезавуации, пропаганды / контрпропаганды, дезинформации, мифологизации и др.

В свете сказанного неизбежно встает проблема выверенности методологических подходов, с которой В.Ш. удалось профессионально корректно справиться. Методологическая и источниковая база исследования основываются на принципах историзма, объективности, научности, всестороннего и комплексного изучения явлений и процессов. В.Ш. в своем исследовании применил междисциплинарный, историко-философский, философско-религиоведческий, историко-культурологический, энергийно-ономатический и др. подходы, опирался на общенаучные методы исследования, позволяющие рассмотреть проблему в диалектической взаимосвязи исследуемых элементов системы средневековой картины мира с подобными элементами картины мира Нового и Новейшего времени. Все это послужило убедительности вывода о том, что при проведении конкретно-научной демифологизации и ификации любого феномена (объекта как явления и его предмета) необходимо придерживаться, прежде всего, принципов историзма, документаль-

ности и критико-идеологического редукционизма, т.е. демонстрировать индивидуально-групповому и общественному сознанию хронологическую последовательность и генезис созданного конкретным автором или авторами «исторического» образа как ценностно-ориентированного продукта-знака, с учетом кореллируемости созданного образа документальным источникам, условий, в которых создавался этот образ, вовлеченности автора в систему социально-государственных институций и личностных авторских убеждений.

Обращает на себя внимание также и стремление автора четко определять содержание категориального аппарата, давать авторские дефиниции, системные обобщения и выделять тенденции развития. В аспектах дискуссионной перспективы выделяется ряд авторских положений имеющих значение как для истории философской мысли (проблему соотношения бытия и сознания В.Ш. считает целесообразным рассматривать в двух плоскостях: 1) сущее – бытие; 2) дух – душа, совесть – сознание); истории русской философии (проблемы типологии); философии и методологии гуманитарных наук (метод демифологизации); философских проблем математики и естествознания (энергийно-топологические модели Вселенной и проблемы единой теории сил).

В свете вновь открытых документальных источников автор с научной обстоятельностью доказывает ряд положений, среди которых следующие:

первое: славяно-русская система философии с ее понятийно-категориальным и методологическим аппаратом предоставляет б льшие возможности для аутентичного изучения русского наследия, созданное до Нового времени, поскольку онтос и гносис в иконично-софийной картине мира непосредственно увязаны с Логосом, если не равны Ему, и именно Его «восходяще-преобразующей» активностью задаются аксио-, гносео- и праксеоматика всей системы отношений в такого типа картинах мира. Онто-логия как учение о Логосе, т.е. постижение бытийных явлений сущего, своей бинарной христо-антропо-центричной моделью предопределяет наличие двух возможных предметно-гносеологических областей – самостоятельных отраслей знания: по линии христо-центричности – богословие (дескрипция об атрибутивных качествах Бога – катафатическое и апофатическое богословие), а по линии антропо-центричности – философию как совокупное гуманитарно-естественнонаучное знание;

второе: традиционно-русская модель государственно-конфессиональных институциональных отношений и специфика социально-политических условий ее развития отлична от европейской (континентальной и англо-саксонской), что связано с сущностными качествами русской картины мира, задаваемыми ее софийно-иконичным славяно-русским алфавитом (языком) и системой христо-антропо-центричной онто-эпистемо-аксиологии на доктринальном принципе византинизма, которые, в свою очередь, и организуют базовую историко-генетическую модель бытия;

третье: проводимая Патриархом Никоном кафолико-экклесиоцентричная политика институциональной независимости Церкви от государства вызвала серьезную обеспокоенность у европейских государств, в связи с чем последними были предприняты усилия для дискредитации главы Русской Православной Церкви и разрушения основополагающего принципа государственной организации и управления Московской Руси как-то «симфонии властей», реализованные антиправославными антигосударственными силами бюрократической верхушки государства;

четвертое: с целью сокрытия антинациональной, антиправославной политики государства в отношении Русской Церкви и ее главы, реализуемой под давлением извне, был инспирирован церковно-гражданский раскол, ставший политико-идеологическим средством давления на Церковь, в том числе и в обличении Патриарха Никона как теократа, посягнувшего на государственную власть, как Первоиерарха, разрушившего святоотеческую традицию и древнерусское благочестие. Благодаря постоянной и высоко активной полемико-литературной деятельности раскольников (старообрядцев и им сочувствующих) в общественном сознании и историографии церковно-кафолическая деятельность Патриарха была дискредитирована – сформирован миф о Патриархе как о «церковном реформаторе».

Новизна и достоверность представленного В.Ш. материала, глубина его суждений и оценок, а также сформулированные выводы – все это делает работу неординарной, интересной и полезной; может быть использованы государственными органами и общественными организациями, образовательными

и научно-исследовательскими учреждениями в практической деятельности.

ЧУМАКОВА Т.В., д. филос. н., проф. кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета.

Несмотря на изобилие работ, посвященных русской культуре XVII в. и непосредственно личности и творчеству Патриарха Никона, этот период истории русской мысли освещен совершенно недостаточно в современных философских и религиоведческих исследованиях. Хотя в литературе существует значительная традиция изучения текстов древней и средневековой Руси, представленная филологами и историками, однако при всей значимости их исследований специальные философские и религиоведческие вопросы долгие годы оставались в тени. В области историко-философской мысли положение усугублялось тем, что многие авторитетные историки русской философии вообще не признавали за многочисленными текстами X–XVII вв. статуса философских произведений, относя их либо к произведениям литературы, либо к богословским сочинениям, поэтому можно констатировать, что колоссальный массив разнообразной по содержанию и по жанрам литературы только в последние годы начинает по настоящему без всяких скидок и потерь исследоваться именно с позиций философии. Для этого необходимо выявление специфических философских, культурологических, религиоведческих и политологических проблем. Среди них особое место занимает проблема государственно-конфессиональных отношений.

Актуальность представленного исследования подтверждается тем, что в современном научном сообществе существует устойчивый интерес к культуре XVII в. и к личности Патриарха Никона, недавний 400-летний юбилей которого широко отмечался. Своевременность изучения поставленной проблемы подтверждается также необходимостью качественной квалификации творческого наследия и деятельности Патриарха Никона, поэтому исследования В.Ш. в высшей степени актуальны и отвечают назревшим особенностям философской и религиоведческой науки.

В.Ш. проделал скрупулезную аналитическую работу по междисциплинарному философско-религиоведческому, историко-культурологическому, социально-психологическому и политологическому анализу роли и значения Патриарха Никона в истории России. Исследование «Демифологизация...» отличается высокой исследовательской культурой, ее эмпирическая основа, объем привлеченных и для анализа первоисточников и научной литературы – не формальное добавление к тексту, а объект пристального анализа: предметно, вплоть до анализа отдельных суждений, смысла терминов, сопоставление различных оценок, рассмотрены многочисленные документальные источники, связанные с деятельностью Патриарха Никона; житие Никона и его сочинения.

При чтении глубокой и содержательной работы В.Ш. возникает несколько частных вопросов.

Автор приходит к выводу, что в эпоху Патриарха Никона сложилась и была продемонстрирована в действии модель «симфонии» власти духовной и светской как базовая модель, присущая Православной цивилизации, в результате чего государство в кратчайшие сроки не только восстановило свою мощь, но и было способно решать сложнейшие внешнеполитические задачи. Вслед за М.В. Зызыкиным автор также обращает внимание на взгляды Патриарха Никона на природу и пределы власти государства и Церкви, но по-прежнему остается невыясненным немаловажный вопрос – что есть государство. Учитывая, что работа не является ни политологическим исследование, ни исследованием в области юриспруденции и права, но все же носит междисциплинарный характер, хотелось бы прояснить в связи с вышесказанным следующий аспект: если современная Россия позиционирует себя как государство, принадлежащее православной цивилизации в аспектах современных подходов сравнительной политологии и религиоведения с учетом достижений славяно-русской мысли, в том числе и Патриарха Никона, есть ли возможность определить *что есть православное государство* – его тип и характер?

Исходя из во многом первого в отечественной науке исследования, посвященного социокультурно-политической демифологизации не только образа исторической личности, какой является работа В.Ш., но и в целом исторического периода, в «Заключении» автор указывает на необходимость изучения «механизмов и средств социально-политических, институциональных взаимоотношений и влияния, как и их эволюции в истории России». Учитывая богатый исследовательский опыт автора, который можно считать в настоящих условиях уникальным, хотелось бы услышать более четкое

мнение В.Ш. о той части направлений, предметных областей дальнейших исследований, которые требуют своего «демифологизированного» представления, тем более, что «социальная физика» России по-прежнему во многом определяется традицией институциональных взаимоотношений государства и РПЦ.

Заключая, можно сказать, что эта работа В.Ш. без сомнения стала заметной в современной научной литературе по истории отечественной религиозной и философской мысли и религиоведению и дальнейшие исследования философии средневековой Киевской и Московской Руси уже должны будут с необходимостью опираться на этот уникальный труд.

ПАНАРИН А.С., д. филос. н., проф., зав. кафедрой политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Думаю нет необходимости говорить о заслуге В.Ш. и перед наукой, и перед отечественной культурной, поскольку это очевидно – он сделал достоянием всех нас великое наследие великого сына и Церкви, и Отечества – Святейшего Патриаха Никона. И этим все сказано!

Кратко остановлюсь на том, что мне удалось понять после знакомства с трудами В.Ш. и монументальным и так долго всем нам неведомым наследием Никона.

Прежде всего, Патриарх Никон унаследовал основную парадигму мироцерковного восприятия – *экклезиологичность сознания*, – в соответствии с которым Церковь есть образ апокалиптической жены Христа, которая бежит из старого, осквернённого Рима в новый – Византийский Константинополь, но, не обретя там покоя, следует далее – в Рим третий – Московское царство. Третий Рим в самом деле воспринимается как «финал истории», но совсем не в самоуверенно-апологетическом смысле: дело не в том, что Третий Рим непоколебим и имеет какие-то чудодейственные гарантии благополучного исполнения своего задания, а в том, что «четвертому Риму не быти», поскольку провал миссии третьего Рима означал бы провал человечества, не выполнившего своего задания – не сумевшего воспрепятствовать воцарению антихриста. Так, в апокалиптической тревоге и мобилизации сознания, побуждаемого этой предельной тревогой заключается доминанта Православной Церкви московского периода.

Ортодоксия Москвы – православно-Ромейского царства – требует видеть в третьем Риме не новый императорский центр мира, а новый Иерусалим – новый Израиль.

XVII в. оказался моментом бифуркации: за полвека до реформатора Петра Никон пробивает свое «окно» из национального ограниченного государства в заманчивую вселенскость. Но это «окно» не в сторону Запада, а в сторону греческого востока – материнской цивилизации. Православная вселенскость означает не единое европейское пространство модернизации и светского успеха, но предполагает иной императив: Москва должна служить опорой и прибежищем не только своих, русских, по крови «нищих духом», но и всех православных христиан. В этом – ее значение как нового Израиля, нового Иерусалима.

Архитектурным символом этого переселения благословенной юдоли в Москву становятся подмосковные Палестины: воздвигнутый Никоном Воскресенский монастырь. Его центральный Воскресенский собор копирует храм Гроба Господня в Иерусалиме и призван языком архитектуры свидетельствовать присутствие Горнего мира в дольнем. Топография святых мест воспроизводится во всем российском пространстве: Иверский Валдайский монастырь устраивается во образ Иверского Афонского; Валдайское озеро переименовывается в Святое озеро.

Если бы устроители Московского царства как третьего Рима в самом деле мыслили императорскими категориями, они бы воспроизводили не топографию Палестины и монастырского греческого Востока, а топографию Рима цезарей. Так что в образе третьего Рима представлена не Русь, кичащаяся мощью и исполненная мессианской гордыни, а Русь, плачущая о грехах.

Становится очевидным, что проведенные Патриархом Никоном церковно-гражданские реформы – обрядовая и книжная справы, выражаясь психоаналитически, являются не сублимацией чувства имперского величия, а сублимацией апокалиптической тревожности: царство нельзя уберечь никакой материальной силой, поскольку оно живет по иным законам – вот почему Никон выстраивает особый образ царства, запечатлевая его и в документах Церкви, и в архитектуре – это не новый имперский Рим, а новый святой Иерусалим.

Для того чтобы идентичность России как нового Израиля была не стилизованной, а подлинной,

требовалось вернуться к главному вопросу – о соотношении священства и царства. Здесь одно из двух: либо обеспечить примат царства над священством, что неизбежно потянет его вниз, к жизни по законам грешного земного града, либо – примат священства, что соответствует второму, незримому измерению и заданию, поэтому Никон отстаивает идею примата церковной власти: «Ина убо власть царю и ина архиерею, но едина другой преболе архиерейство, глаголю, царства, якоже небо земли больше и честнейши есть». Этим самым Патриарх бросает вызов не столько Царю – принявший высокое мессианское задание Государь не умаляется, а возвышается этим, – но тому секуляризированному срединному слою, который успел вкусить прелести земной жизни, не обремененной высоким религиозно-аскетическим заданием. Толкование Патриархом Никоном принципа «симфонии» государства и Церкви грозило установить тот самый неусыпный духовно-нравственный контроль в обществе, которого ни народ, ни Государь не боялись, но этот контроль не устраивал боярскую и церковную номенклатуру, стремящуюся к прелестям приватной жизни. Действительной альтернативой принципа приватности является не государственная власть – собственность, как ныне принято думать, а неусыпность духовной власти, которая препятствует скольжению частного принципа в секуляризированное эмансипаторство и гедонистический индивидуализм, не желающий знать никаких больших заданий и связанной с ними ответственности. Именно все те, кто боялся усиления этого конгломерирующего принципа духовной власти, постарались нейтрализовать Никона и провалить его социокультурную и государственно-конфессиональную реформу.

Вторая доминанта мировоззрения Патриарха Никона, ориентированного на примат духовной власти над политической, – *антитеза вселенского и национального*.

Исходя из своих онтологических оснований, Православная Церковь имеет вселенское задание, тогда как государственное строительство имеет национальные пределы и не может быть свободно от естественного в социально-земной жизни национального эгоизма, – собственно, с этой доминантой вселенского церковного видения и связана реформа Патриарха по исправлению церковных книг по греко-восточному канону. Но Великий реформатор и здесь столкнулся с антиномией национального и вселенского в православном сознании. Оставшись после гибели Византии одиноким православным царством на земле, Московская Русь остро восприняла эту антиномию: если русский православный народ – единственный хранитель Православия, то не совпадает ли тем самым православное и национальное не по изначальному тождеству, а как историческая судьба?

Интеграция православной веры и этнического субстрата может восприниматься как подкупающее обстоятельство не только народом, но и Церковью, поскольку одно – статус Православия как далекой, хотя и возвышающей абстракиии, другое – кровная близость этой веры, узнавание ее в родных и близких приметах родного характера, родного пейзажа, родного предания. Велик соблазн такого присвоения веры, и многие, начиная с народа израильского, поддались ему – этот соблазн тяготел и над Московским царством. Нужна была великая проницательность и большая религиозная вера, чтобы осознать всю остроту и тяжесть выбора. На одной стороне – родное пространство как прибежище «спасающейся жены» – Христовой Церкви, на другой – вселенское историческое время, здесь – теплота места, там – умопомрачительная глубина временного горизонта. И Патриарх Никон делает выбор – он отнимает у народа его священные книги, которые уже этим народом духовно освоены и приняты как драгоценнейшая святыня, как родная земля, любовно завещанная потомкам.

Но *что такое греческий канон для Никона*? – Мы бы профанировали понимание этой фигуры, если бы увидели в ней высокомерного догматического педанта или талмудистского законника, превыше всего ставящего не дух, а букву учения. Дело было в другом – в самой экклезиотической перспективе.

Что, в самом деле, для нас важнее: чтобы Православная Церковь была нашей Церковью и нам служила, или чтобы она, даже ценой удаления от нас, исполнила Свое вселенское предназначение? – Если мы в самом деле идентифицируем себя не как этнос, а как православный народ, призванный к великому служению вселенской идее, нам предстоит сделать соответствующий выбор.

Так что Никон сделал адекватный выбор: рискуя ослаблением народной поддержки, рискуя расколом, рискуя, наконец, самим народом, ибо неизвестно, сможет ли он выдержать потерю «своей» Церкви ради служения Церкви Вселенской: «Вы же есте тела Христова и уды от части... многих вое-

дино собирая и показуя всех едино нечто по телеси образу бывших и едино сие многими составляемо, и во многих сущее... сего ради спречь яко церковь яже в вас, часть есть повсюду лежащия церкви и тела всяческими состоящимися церквами».

Для предупреждения возможных энтропийных социокультурных и этнонациональных процессов Патриарх Никон возводит Воскресенский монастырь Нового Иерусалима, в соборном храме которого устроены не только троны для всех пяти Вселенских Патриархов – Антиохийского, Александрийского, Константинопольского, Иерусалимского и Московского, – но и, как уже было подмечено, населяется разноплеменными православными – греками, грузинами, молдаванами, белорусами, украинцами, – чтобы все они, являясь новым израилем, «едиными усты и единым сердцем» совершали богослужение. Таким образом, Никон, с одной стороны, «разряжает» пространство Московской Руси, лишая ее добротной этнической плотности и слитности, с другой – делает его по-новому поместительным и широким, пригодным для соединения разных языков в единой вере. Никон осуществляет денационализацию Православной Церкви и православного пространства как раз в тот самый момент, когда все дело шло к его национальной кристаллизации и этническому уплотнению. Ясно, что это был исторический риск – и пространство веры, и сама вера могли бы оказаться «ничейными», а следовательно, особо уязвимыми для внешних сил. В результате этой разрядки национального пространства была выработана модель того полиэтнического универсализма, который Петр I воплотил в земном здании империи[35].

Кроме того, формируя единое суперэтническое духовное пространство, Патриарх Никон создавал предпосылки для широкого российского просвещения, поскольку именно посредством просвещения происходит объединение людей разной этнической, социальной и профессиональной принадлежности путем приобщения их к единым универсалиям и канонам культуры – письменному тексту, имеющему мощную силу подражания и внушения[36]. Так что Никон, несомненно, был великим просветителем, чья церковно-государственная деятельность не меньше, чем деятельность славянских просветителей свв. Кирилла и Мефодия, поскольку исправив церковные книги по единому греческому канону, создал единое суперэтническое пространство священного текста – основу мобильности, коммуникабельности и коллективной идентичности огромных масс, живущих в огромном пространстве[37].

В отличие же от Петра, противопоставившего ортодоксальному славяно-русскому этноцентризму чужую в цивилизационном отношении секуляризованную традицию, Святейший Никон противопоставил русскому этноцентризму ту великую цивилизационную традицию, которая являлась для Святой Руси собственной, – речь идет о византийской письменной традиции, в которой древнеруссий народ обретал свою подлинную идентичность. Кроме того, Никоново просвещение было сакральным, следовательно, привлекающим лучшие умы и характеры, оживляемые примерами праведников, поскольку, согласно иерархии религиозных ценностей, происходила мобилизация лучших, умеющих согласовывать требования истины и добра, «рационального по цели» и рационального по ценности.

---

[35] Не случайно именно в период Никонова патриаршества, когда модель церковной суперэтничности Руси была со всей силой и мессианским темпераментом утверждена, происходит воссоединение с Украиной, расширение на Восток и общее чрезвычайное усиление центростремительного импульса в восточнохристианской Эйкумене.

[36] В.Ш.: Проблема формирования больших суперэтническх пространств культуры поставлена в постструктуралистской аналитике, в частности, у Ж. Дерриды через проблему наличия. Прежде чем пространство закрепляет своими земными средствами имперское государство, его должна скрепить Церковь со своими сакральными заданиями: не царству, а священству принадлежит ведущая роль в формировании этого пространства, оно – экклезиоцентрично. В данном аспекте становятся более понятны и вопросы судьбы больших суперэтнических государств или межгосударственных «братских» союзов, но и о судьбы собственно просвещения, поскольку последнее требует единого большого пространства, в котором происходит столкновение множества локальных текстов и их отбор, формируется единый язык науки, литературы и искусства, единые кодексы права, морали и культуры. Для того чтобы эти культурные универсалии утверждались, выдержали агрессию этнического и сословного эгоизма, им требуется поддержка сакрального начала, в связи с чем А.С. Панарин отмечает: «Вот он, парадокс просвещения. Просвещение почти неизменно кончает тем, что воюет с верой, но само оно невозможно без веры, без живого ощущения высших, надмирных целей – как только они теряются, реванш местного и парциального становится неизбежным» (Православная цивилизация... С. 297).

[37] В.Ш.: подробнее см.: *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003. С. 297–304: Две модели русского просвещения.

Обвиняя Русскую Православную Церковь в какой-то особой косности и реформационно-просвещенческой закрытости, можно лишь удивляться критикам, которые не понимают смысла деятельности Патриарха Никона и не видят того, что именно Церковь являлась инициатором реформ и центром просвещенческого суперэтнического синтеза, который был в цивилизационном отношении адекватным, т.к. происходил в лоне великой православной (греческой) традиции и именно этим типом просвещения характеризуется тот короткий исторический период, который именуют эпохой Патриарха Никона.

Согласен с выводами В.Ш., что историческое поражение Патриарха Никона следует считать трагедией России – с тех пор все реформы носили ярко выраженный экзогенный характер – печать чужой, западной, латинской или протестантской традиции. Ясно, что перед лицом такой цивилизационной узурпации Церковь не могла поспешать за реформаторами: на ее долю пришлась иная роль – хранителя цивилизационных традиций и цивилизационной идентичности России.

НИКОНОВ К.И., д. филос. н., проф. кафедры философии религии и религиоведения философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Абстрагируясь от различных традиций интерпретации образа Патриарха Никона в историографии, следует признать, что наиболее достоверной является оценка его как выдающегося церковного и государственного деятеля, а также идеолога и во многом исполнителя тех значительных преобразований, которые свидетельствуются историей и культурой России. Возрастающий в настоящее время общественный и научный интерес к религиозно-философским, социально-политическим аспектам взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви, указывает на актуальность избранной В.Ш. темы исследований, которая предполагает изучение той эпохи нашего исторического прошлого, когда были разработаны не только теоретические модели церковно-государственных отношений, но когда они получили свою реализацию и был получен различный опыт решения конфликтных ситуаций. В этой связи особый интерес вызывает личность Патриарха Никона, его роль в истории Отечества и Православной Церкви, как поместной – Русской, так и Вселенской.

Сложность и многогранность обсуждаемой темы имеет ряд усугубляющих ее особенностей, заключающихся прежде всего в идеологизации предметной области и полярности интерпретационных оценок личности и деятельности Патриарха, которые сформировались в светской и религиозной литературе за последние два века. Сложившаяся в академической науке, популярной и художественной литературе традиция обстоятельно проанализирована В.Ш. при обзоре историографии, где автор исследует влияние государственной идеологии на «социальную историю» формирования образа Патриарха. Опирается на обширную археографическую базу и на основе комплексного междисциплинарного анализа научных, исторических, художественных материалов достаточно обоснованно отмечает, что отечественные исторические исследования, выполненные с «критической» позиции при характеристике Патриарха Никона и его деятельности, выражают политическую ориентацию доминирования государства над Церковью, а многие высказанные в них суждения не находят документального подтверждения. Данные выводы В.Ш. согласуются с результатами предпринятой им историко-психологической реконструкции личностных особенностей Патриарха Никона, из которой становится понятным, что более адекватны исторической реальности заключения исследователей, стоящих на позиции «апологетической» по отношению к Никону и его наследию.

Работа автора с архивными документальными источниками и исследовательскими реконструкциями осмысляется им в качестве опыта научной «демифологизации» образа исторической личности, в данном случае – Патриарха Никона, как «социокультурного архетипа». Такая концепция, конечно, дискуссионна в части философских и культурологических толкований мифа, демифологизации, архетипа, но имеет право на существование в совокупности философско-исторических гипотез, т.к. не только органично присуща мировоззренческому направлению автора, но и опирается на целый массив методологических исследований и позволяет более взвешенно подойти к историческим материалам, заметить несоответствия в прежних оценках и документальных данных. Этот опыт исторической реконструкции предстает как попытка не только преодоления деформации и мистификации образа патриарха Никона и значения его духовного наследия в литературе, связанной с

разными общественными и конфессиональными течениями – государственниками, старообрядцами и т.п., но также учета неизбежной идеологизации его в историческом сознании.

Самым значительным достижением автора, которое можно квалифицировать как весомый вклад в науку, является обработка и введение в исследовательский оборот архивных материалов «Судного дела» Патриарха Никона, среди которых знаменитое «Возражение или Разорение смиреннаго Никона, Божиею милостию Патриарха, противо вопросов...», «Духовные послания христианину» (Царю) и т.д., что восполнило историко-культурный ресурс современной отечественной мысли. Как видно из публикаций, в ходе работы В.Ш. не только адаптировал-транслитерировал тексты XVII в., делая их более доступным для чтения и понимания, но и, привлекая к рассмотрению проблемы философский дискурс, проанализировал творческое наследие Патриарха. Все это позволило автору корректно войти не только в материал, но и детально понять процесс и специфику происходивших внутригосударственных и международных исторических и духовных событий как эпохи Патриарха Никона, так и исторических периодов до и после нее.

При анализе духовного наследия Патриарха Никона В.Ш. обоснованно выделяет как основополагающую мысль Патриарха, питаемую Евангелием и святоотеческим наследием: «*...воистину любовь не весть достояния лиц разсуждати, еже о богатстве и нищете, еже о благородии и злородии, еже о высокоумии и скудости, еже о разстоянии мест качества и количества; ибо любовь воистину подобна есть солнечному просвещению во вся концы земли достизающу; воистину не погреша изреку: любви начало и бытие и конец – Христово пришествие. Зде имать в сем словеси много о любви повествовано, якоже приклад разума разсудити, возвати на мнозии образы за скудость моего времяни и за нискончаемую радость сие написа...*». Эта основополагающая для христианства мысль о преизбыточествующей в Богочеловеке Любви, мысль, к которой постоянно возвращается христианское сознание, поразительно сильно соединяется Никоном с откровением собственного опыта самоощущения, исповеданием не менее проникновенным, чем в до сих пор более известном повествовании протопопа Аввакума. И это дает представление о Патриархе не только как о крупном церковном и государственном деятеле, но и представляет его как мыслителя и выразителя христианского сознания своего времени. Именно эта составляющая – Никон мыслитель – аргументированно доказана. Деятельность же Патриарха, известная в большей степени, нежели его духовное наследие, в исследовании В.Ш. также получила свою аутентичную интерпретацию, поскольку Патриарх ее охарактеризовал так: «*Да что суть гордость наша, еже писаное совершаем делом. Отступися от зла, сотвори благо, се ли... гордость*».

Так, на основе археографических источников автор вполне убедительно доказал, что религиозно-философские, богословские взгляды Патриарха Никона согласованы с традиционным святоотеческим учением в каппадокийской традиции, являются его неотделимой частью и представляют собой глубоко разработанную систему, а также и то, что Патриарх был ярким выразителем традиционно русской системы воззрений, основанной на святоотеческих представлениях о бытии и сущем. В работе, со ссылкой на источники, также достаточно обоснованно утверждается, что в обширном наследии Патриарха нашли отражение основополагающие проблемы славяно-русской жизни в ее историческом контексте, причем Никон не только излагает генезис идей и подходов к осмыслению этих проблем, но и дает преемственное их теоретическое развитие и практическое обоснование, так что все это по праву делает творческое наследие Патриарха Никона вершиной славяно-русской мысли XVII в.

Эти выводы формируются и излагаются в рамках подробно разработанной концептуальной и парадигмально-методологической авторской модели исследования, которую сам он справедливо оценивает как относящуюся к типу идеалистических систем философии. Но поскольку общий методологический подход В.Ш. соответствует философии рационалистической, и он достаточно корректно и четко разводит предметные и объектные области богословия и философии, ему удалось разработать типологическую модель, в пределах которой он, бережно обращаясь с историческими фактами, предлагает рассматривать славяно-русскую традицию в качестве неотъемлемой составляющей наследия православной цивилизации как византийской, так и поствизантийской. Эти авторские разработки, как уже мною отмечено, носят проблемно-дискуссионный характер, но имеют право на существование как философско-исторические гипотезы, которые не только опираются на методологические наработки

целой когорты современных исследователей, но и, надо полагать, окажут влияние на дальнейшее развитие таких важных отраслей знания, как история русской философии, теория и методология гуманитарных наук.

Использование междисциплинарных подходов и конкретно-научных методов позволили В.Ш. реализовать поставленные задачи, в том числе по выполнению комплексного анализа религиозных, философских, историко-культурологических, социально-политических и идеологических компонент, представленных в древнерусском обществе и, в частности, в середине – второй половине XVII в.; выполнению систематического исследования архивных, научных, исторических, художественных материалов, связанных с оценкой деятельности Патриарха Никона. В особенности интересен в религиоведческом отношении и в развитии анализа документов и биографического метода отбор наиболее значимых, ключевых единиц в текстологическом материале свода «Судного дела» с их последующей классификацией; изучение документов для определения особенностей церковно-государственных, межгосударственных процессов исследуемого периода и степени влияния на них Патриарха Никона, реконструкции социально-психологических особенностей его личности и структурных особенностей общественного религиозного сознания, структуры господствующей идеологии.

В исследовании В.Ш. не только резюмированы и существенно развиты ценные для философии и религиоведения результаты трудов его предшественников, но и верно намечены перспективы дальнейшей исследовательской работы. Так, автор продолжает предпринятое М.В. Зызыкиным в фундаментальном труде «Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи» исследование связи Соборного Уложения середины XVII в. с Литовским статутом середины XVI в., но и указывает на все еще нерешенность проблемы этой связи. Если С.В. Лобачев в своей работе «Патриарх Никон» указывает на соотношение социальной динамики в Московской Руси во второй пол. XVII в. с международной обстановкой, то В.Ш. не только конкретизирует прояснение этого соотношения, но и указывает на необходимость современного масштабного исследования «Судного дела» Патриарха в единстве с документами международными, обозначает проблему «церковно-гражданского и государственно-церковного раскола» в части элементов ресурсной базы системы международных отношений и т.д. и т.п.

Таким образом, основной замысел работы В.Ш. получил высокопрофессиональную реализацию, являясь творческим опытом разработки той масштабной темы, которая была начата им еще на философском факультете МГУ, оформившись тогда в кандидатское сочинение по теме «Религиозно-философские воззрения и система богословия Патриарха Никона» (2000).

Отмечая масштабность и значимость достижений, укажем на некоторые недостатки.

Я не могу согласиться с использованием термина «гетерономный» в значении «органичный». Насколько мне известно греческое словоупотребление, слово «гетерономия» восходит к слову – «другой», «различный», «совершенно иной», «противоположный», даже «противный», «вражеский», «нехороший», «дурной», «ужасный». В древнем богословском словоупотреблении «гетеродоксия» отождествлялась с ересью. В философской же терминологии «гетерономия» – «инозаконие». После И. Канта, защищавшего «автономность» этики, основанной на самоочевидном моральном законе, от «гетерономии» – выведения этики из других оснований, более всего из естественных склонностей человека, и в отличие от Канта, современные западные богословы противопоставляют «автономии» и «гетерономии» «теономию», т.е. в их словоупотреблении как раз «органическое сочетание», «синергию», «симфонию». Возможно, где-то бытует употребление слова «гетерономность» и в смысле «органического сочетания», «симфонического единства», оправдываемое тем, например, парадоксом, что «другой» – это «друг». Но в философско-историческом дискурсе, адресованном отечественному и зарубежному читателю, воспитанному на вошедшей в главные словари и пособия традиции, следовало бы во избежание недоразумений и упреков автору в самопротиворечивости воздержаться от употребления термина «гетерономное» в смысле «органического единства», а свою концепцию выразить с помощью более адекватных терминов «органическое единство», «симфония», «синергия».

В основной текст работы было бы желательно ввести материал по исследованию соотношения государственной идеологии и религиозного сознания изучаемой эпохи, который во многом бы прояснил сделанные автором выводы, а не выносить его в приложение. Полагаю, было бы целесообразным

не выводить и другой значительный материал в приложения, а вписать его в основной текст.

Желательно более детально анализировать и комментировать слова Патриарха Никона, приводимые в качестве цитат.

При всех этих дискуссионных моментах этой работы главным остается следующее – современная наука получила опыт документально обоснованного понимания того, каким был Патриарх Никон, каков масштаб и значение его наследия для истории и культуры России.

СИЛАНТЬЕВА М.В., д. филос. н., проф., зав. кафедрой философии Государственной академии славянской культуры.

Своевременность исследования В.Ш., равно как и глубина поставленных в работе проблем, подтверждаются тем значением, которое приобретает в условиях новейшего глобализационно-коммуникативного «сжатия» тематика национальной и личной самоидентификации.

Интересы языческой стихии рынка диктуют всем народам свои «вызовы», предлагая не только перспективу благоустроенного рая на земле, но и различные техники освоения манипулятивных практик, подменяющих развитие – прогрессистской видимостью развития; культуру – «потреблением духовных ценностей»; а идею – идеологией. Противодействие таким манипулятивным практикам, несущим в себе импульс разрушения исходных целостностей (органических и культурных, личных и институциональных) – насущная задача сегодняшнего дня. Это – одна из приоритетных задач стратегического планирования национальной политики, в ходе решения которой актуализируются огромные пласты знания, наработанного человечеством за время его сознательного существования.

Осмысление наследия Патриарха Никона, выполненное В.Ш. с предельной скрупулезностью и высокой степенью проработанности материала, дают основания считать его работу значительным вкладом в разработку так называемой «национальной идеи» – идейного «формата», который позволяет говорить о единстве смыслового поля русской культуры. Актуальность проведенного исследования, таким образом, определяется тем огромным значением, которое имеет названное единство для существования России, ее национально-культурной, территориальной и духовной целостности.

Главной методологической интенцией автора стало убеждение в определяющей роли «образа» – архетипа, реализованного как на уровне сакрализованных пространств (иеротипия), так и на уровне значимых исторических личностей (просопография). Единство целого, возникает, по мнению В.Ш., от взаимопроникновения «образца», принятого за «точку отсчета» и «материи» реально существующего становления (личности или группы). Идеографический метод помогает проследить неповторимость и «оригинальность» их взаимодействия. Религиоведческий подход здесь способствует последовательному осуществлению синтеза антропологических, исторических, культурологических, политологических и правовых исследовательских программ, выступая, в свою очередь, философской метастратегией социогуманитарного знания, весьма актуальной и востребованной на сегодняшний день.

«Симфоничность» авторской рефлексии позволяет прослеживать нюансы разнообразных исследовательских приемов, не теряя их специфики, и, вместе с тем, не упуская из вида их возможные пересечения и взаимодополнения.

В качестве одной из предпосылок научных изысканий автора выступает его убеждение в решающей роли для функционирования социальных систем «онто-аксиоматики бытия». «Прорисовка» сознания, определяемая «логосным» структурированием понятийного поля материнского языка – вот та основа, на которой существует и развивается в том или ином направлении не только сознание и самосознание, но и деятельность (включая социальную) личностей и групп.

Понятно, что связь «концептов» и их социальных следствий не является прямой – она опосредована сложным социопсихологическим и социокультурным комплексом-матрицей, который автор именует мифом (избегая, правда, ссылок на работы французских структуралистов и обращаясь непосредственно к идеям К.Г. Юнга). Пафос собственной позиции В.Ш. состоит в утверждении приоритета идеологии как направленного воздействия на функционирование мифа в жизни общества. Особую роль при этом играют «научные мифы», ответственность за формирование которых (как и за их влияние на умы современников и потомков, за ближайшие и отдаленные последствия такого влияния) несет научное сообщество и лично каждый ученый.

Реализуя эту совестливую (и очень актуальную сегодня в научном смысле, – на фоне заметного количества работ, представляющих собой «игру в бисер») позицию, В.Ш. обращает свои усилия на

изучение исторической ситуации XVII в. в России. Ключевой фигурой, «стягивающей» исследование разнонаправленных процессов и подходов в единое целое, имеющее смысл, избрана фигура Патриарха Никона – выдающегося Предстоятеля Русской Православной Церкви, чья деятельность, как видно из кропотливой и очень добросовестной работы В.Ш. с многочисленными источниками (и, прежде всего, архивных), подверглась в истории государства Российского специфической мифологизации, нуждаясь теперь в переосмыслении и «демифологизации». При этом автор не просто исправляет неточности и прямые фальсификации, допущенные в исторической науке, его задача – актуализировать наследие Патриарха Никона: наследие идейное, культурное и социально-политическое, – ибо это наследие хранит для нынешних поколений образец выхода из ситуации крайне опасного многоуровневого кризиса, пережитого Россией в XVII в.

По многим структурным показателям этот кризис аналогичен современному состоянию российского общества: утрата отчетливой культурной самоидентификации, системный кризис идеологии, усиление векторов давления со стороны так называемого «запада» (этим термином в русской культуре обозначается не столько географическое направление, сколько «тлетворность» духовных ориентиров и психологических установок, влекущих культуру к гибели, – «закату»; выражение «ницшеанство» при этом является скорее маркером данного подхода, нежели строгим философским понятием). Заметим: идеология трактуется здесь именно как реализация исходный идейных установок, а вовсе не как манипулятивная практика, «по определению» искажающая идейный смысл всякого властного действия. Речь по существу идет о национальном самоопределении России в контексте приоритетов ее национальной безопасности.

Широкий охват социокультурной динамики рассматриваемого периода позволил В.Ш. обоснованно проанализировать место и роль России в истории мировой культуры с точки зрения особенностей ее геополитического, духовно-религиозного и государственного самоопределения. Известные идеи «имперскости» и «византизма» получили при этом достаточно аккуратную, максимально неангажированную трактовку с точки зрения их политического и собственно духовного содержания. А именно, пристальное изучение воззрений Патриарха Никона на взаимоотношения Церкви и государства позволили В.Ш. сделать обоснованный вывод о том, что перспектива реализации идеального – единственная установка, дающая историческому государству реальный шанс «состояться», сохраняя перспективу совершенствования и блокируя тенденции разрушения и саморазрушения (идущие как извне, так и изнутри).

Мысль Патриарха Никона о необходимости «воцерковить государство», – разумеется, не институционально, а на личностном уровне, – представляет собой следствие ответственных духовно-теоретических размышлений, глубоко фундированных традициями святоотеческой философско-богословской мысли. Анализируя причины падения «второго Рима» – Византии, данное направление теоретических изысканий демонстрирует опасности, связанные с нарушением баланса между духовной и светской властью, акцентируя внимание на необходимости отчетливо разделять их властные полномочия. Для Церкви это означает, с одной стороны, невмешательство в политический процесс в качестве самостоятельной организационной единицы – устроение «земных дел» находится в компетенции государства. Дело Церкви – молиться, способствуя добрым делам своих чад и духовно взыскуя с них за дела злые. С другой стороны, к числу ее чад относятся и те, кто осуществляет государственные полномочия. Попытка призвать их к богобоязненности и совестливости – действенный психологический и духовно-нравственный противовес торжеству духа стяжательства и насилия, столь распространенного в исторические времена во властных структурах.

Вместе с тем, осмысление автором принципа разделения властей в его никонианской формулировке задает неожиданные ракурсы трактовки особенностей самой «русскости», включая изучение специфики русской философии. «Вселенскость» задач, стоящих перед православной цивилизацией, обоснована В.Ш. исходя из особенностей категориального аппарата русского языка, в полной мере усвоившего базовые смыслы мировой культуры (и сохранившие их для нее). Греческие «корни» русской философской мысли в данном исследовании – пожалуй, впервые в отечественной мысли, – обоснованы столь развернуто и продемонстрированы так наглядно.

Таким образом, новизна и теоретическая значимость работы состоит в последовательном восстановлении логосно-концептуальных основ класси-

ческой русской культуры на материале истории культуры XVII в., что имеет огромное значение как в научно-теоретическом, так и в прагматико-прикладном аспектах.

Практическая значимость работы определяется серьезностью затронутых в ней вопросов и проработанностью ответов на них. Комплексность подхода позволяет считать работу В.Ш. ценной, прежде всего, с точки зрения современных образовательных моделей. Онто-аксиологический подход, продемонстрированный на материале отечественной истории (к тому же, на близкой к современности «матричной модели»), несомненно, имеет огромное воспитательное значение.

Конкретные идеи и рекомендации в области теории управления, международных отношений, конфессионально-канонических, государственно-конфессиональных вопросов, теории политики и права, а также аксиологии являются не менее значимым практическим результатом данного исследования. По всей видимости, они окажутся востребованными при дальнейшей разработке конкретных положений, касающихся роли РПЦ в жизни современного российского общества.

Остановимся на замечаниях, связанных, главным образом, с концептуальной частью работы.

Во-первых, говоря об идеологии как составляющей государственного управления, В.Ш. нередко прямо отождествляет ее с духовностью. Думается, в данном случае имеет место некоторая недостаточность авторской рефлексии по отношению к базовым понятиям предпринятого им исследования. Если бы идеология и духовность совпадали до синонимии, проблема государственного управления была бы единственной духовной проблемой. А это очевидно не так.

Во-вторых, в работе явно прослеживается тенденция к сакрализации власти. Так, рассуждая о «воцерковлении государства», В.Ш. минимальное внимание уделяет собственно вопросам государственного ведения – его функциям по обеспечению инфраструктуры социальной жизни. Последнее не удивительно, поскольку в эпоху всеобщего менеджмента редкий человек может «с ходу» назвать хотя бы одну функцию государства, за исключением оборонительной и карательной. Сакрализация власти, между прочим, искажает идею иерархии, столь значимую для В.Ш.: если буквально всякая власть – от Бога, то непонятно, почему надо «Кесарю отдать Кесарево», а не Божье?!

Думается, антипатия к западному рационализму сыграла здесь с В.Ш. злую шутку: отказавшись апеллировать к «западному аристотелизму», он упустил из вида принципиальную разницу между «общим делом» – государством как *актором* общественной жизни – и *средством*, при помощи которого государство эту жизнь организовывает (функционирование макро-актора). Однако подмена сущности и действия легко может привести к сакрализации пустоты.

В-третьих, анализ работы на сущностном уровне выявляет наличие определенной зависимости ее основополагающей парадигмы от знаменитого спора Платона с Аристотелем. Является ли государство органическим целым, имеющим свою собственную многоуровневую душу, – и тогда «приводной механизм» идеологических уздечек неизбежно «давит человека», но делает счастливым «государство в целом»? Или же государство – целостность не органическая, а потому условная; у него нет своей отдельной души (т.е. идеи) и оно в своем существовании зависит от «душ» лиц, его составляющих?

В работе намечены тенденции трактовки государства в обоих направлениях, однако анализ воззрений Патриарха Никона (в отличие от декларируемой в работе позиции) ориентирует читателя на предпочтение Никоном модели скорее аристотелевской, чем платоновской: ведь идея священного характера всякой иерархии, и даже понимание царской власти как особой формы церковного служения не освящают автоматически нравственность осуществляющих ее людей.

В-четвертых, автор работы обошел вниманием ряд новейших исследований по проблеме мифогенеза в современном обществе, дающих оценки и прогнозы, близкие его собственным (например, работы А.Г. Чадаевой). Также вне поля зрения оказались исследования С.А. Чурсанова, посвященные анализу роли святоотеческого наследия для современной социокультурной ситуации в России.

В-пятых, вызывает некоторое недоумение выведенная автором формула философии. Поскольку демонстрация логической состоятельности автора не требует дополнительных формализованных усилий, считаю эту формулу излишней. В духе нелюбимого В.Ш. Августина следовало бы сказать, что это – посягательство на совершенство как выражение полноты, не знающей ни недостатка, ни избытка.

ТАЖУРИЗИНА З.А., д. филос. н., профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Прежде всего, я хочу сказать немного о личности В.В. Шмидта. Это очень светлый человек и внешне, и внутренне; это солнечная личность, я бы сказала, человек очень развитый, талантливый и т.д. Кроме того, я должна сказать, что широта его взглядов на мировоззрение или на людей выразилась в том, что в 1994 г., когда нам даже запрещали произносить слово «атеизм», он добился того, чтобы я читала спецкурс по истории атеизма в СССР, правда, тем самым сместили американского протестантского проповедника. По-видимому, В.В. решил, что отечественный атеизм лучше американского протестантизма. В.В. был активным и решительным студентом, которого поддерживали проф. И.Н. Яблоков и проф. В.В. Миронов, как и многие члены Ученого совета, так что во многом благодаря его инициативе и организаторским способностям на философском факультете на базе кафедры философии религии и атеизма, а потом и философии религии и религиоведения в 1995 г. было организовано отделение религиоведения.

Что я еще хочу сказать: я солидарна с его оценкой современного социально-политического и нравственного состояния общества, говоря о «хищническом» олигархизме и т.д. Меня привлекает в деятельности В.В. Шмидта не только его стремление к воссозданию документально обоснованного образа этого крупнейшего деятеля русской культуры, каким является Патриарх Никон, но и то, что все его работы, все помыслы пронизаны чувством патриотизма – и в этом его достоинство. Он ищет пути выхода из современного весьма своеобразного и малоприятного состояния.

Я не во всем с ним согласна, о чем скажу позже. Хотя В.В. и говорит, что *демифологизация* как *метод* – это не его заслуга, но я считаю, что именно в этом он первооткрыватель, в том смысле, что и сам термин «демифологизация», и само содержание этого понятия очень важны для нашей современности. Также я думаю, что созданная им книга «Патриарх Никон. Труды» есть значительное явление нашей культуры. Я с удивлением для себя обнаружила, что фигура Патриарха Никона, которую я знала довольно слабо по литературе, оказывается достаточно привлекательной. Более того, в ней есть элементы, которые выходят за рамки сугубой религиозности, богословия и т.д. Само его стремление собрать, сохранить и обобщить, как и неутомимое собирательство книг не только богословских, но и светских, технических новинок и т.д., чрезвычайно важны для понимания культурной динамики того времени и умонастроения самого Никона.

Теперь к моим возражениям. Дело в том, что я разделяю позицию десяти академиков по поводу процесса клерикализации в нашем обществе. Я считаю, что этот процесс не позитивный, а негативный, поэтому, перечитывая работы Шмидта, сочла возможным рассматривать некоторые их места как проявление этого клерикализма. Дело в том, что в нескольких местах встречается такой лозунг, как «воцерковление государства, общества и всех сфер жизни». Воцерковление ставится как задача духовной консолидации нации. Этот лозунг, безусловно, будет подхвачен. По-моему, ставить такую задачу (в свое время она уже ставилась) в условиях современной эпохи без анализа ее реалий неприемлемо. Если возможно, хочу уточнить: мнение относительно «воцерковления» государства, общества и всех сторон жизни – это Ваше мнение, или же Вы представляете и популяризирует мнение Патриарха Никона? Вместе с тем отрадно, что Вы также популяризирует еще одну замечательную идею Патриарха – необходимость полного отделения государства от Церкви, и наоборот, и создания условий для их независимого и самостоятельного взаимодействия, существования и т.д.

Теперь несколько слов о том, почему я пришла в некоторое замешательство – я просто зачитаю один фрагмент: «Сожгоша в клетке дьяка Волка Курицына (это 1504 г.)... Коноплёва, да Ивашку Максимова декабря 27-го. А Некраску Рукавова повелиша языка урезати и в Новгороде Великом сожгоша его. Той зимы архимандрита Касияна Юрьевского сожгоша, и его брата, и иных многих...». Вот чего я опасаюсь – подобных ситуаций к инакомыслящим.

В работах В.В. Шмидта есть очень интересный и необычный для меня момент, связанный с обоснованием гипотезы о старообрядцах как инспирированном Западом явлении и их активности в мистификации образа Патриарха Никона. Мне это показалось удивительным. Сейчас говорят о том, что Запад действительно пытается разрушить наше государство, и я с этим согласна. Но мне кажется, что причины многих явлений в нашей стране, в том числе и старообрядчества, и отно-

шения к старообрядцев к Никону, нужно искать, прежде всего, в условиях отечественной жизни, т.е. на родной почве. Также мне думается, что негативное влияние Запада на идеи и на духовность нашей страны несколько преувеличивается, а позитивное влияние не рассматривается. А между тем, можно было бы рассмотреть и каково позитивное влияние Запада.

Я довольна тем, что В.Ш. с великим уважением относится к старообрядчеству, потому что мне казалось, что некоторая тенденциозность у него все же проявлялась, поскольку он вводит новую дефиницию – называет их «богомилами-обрядоверами стоглавого толка», «стоглавцами», что напоминает мне «песьеглавцы».

Я хочу опять же обратить внимание на родную почву – почему-то именно в наши дни происходят подобного рода искания. А, между прочим, были замечательные богословы, которые предлагали искать и в других местах... Сегодня у меня был семинар по Иосифу Волоцкому. Я давала студентам книгу Руднева – был такой замечательный богослов, он же и историк, бакалавр еврейского языка и гражданского права, как написано в Энциклопедии. Он, например, рассматривает жидовствующих не так, как их рассматривают сейчас. Я прочитала интервью знаменитого и замечательного нашего историка Фроянова; его статья называется «Яд ереси», где все русские еретики представлены как агенты западного влияния. Там оправдывается Иван Грозный и преследование еретиков, их убийство и т.д. Так вот, Руднев говорил о том, что надо искать причины, прежде всего, в обстоятельствах жизни, а также говорил, что «эта ересь не только жидовская, а, прежде всего, это христианская ересь» и выступал даже против Иосифа Волоцкого. Я прочитаю одну цитату: «Учение наших еретиков не плод ли того духа, который резко обозначился во всей внутренней и внешней жизни Новгорода и Пскова. Новгородцы постоянно и везде отличались чувством свободы, духом вольности». И, наверное, у старообрядцев было тоже что-то вроде этого.

Еще один момент, на который хочу еще раз обратить внимание. Это противопоставление христоцентрической антропологии светскому гуманизму и неуважительное отношение к светскому гуманизму, о котором я не буду сейчас говорить. Я считаю, что светский гуманизм – величайшее достижение в истории человечества. Надо просто получше знать нашу историю.

И последнее: я никак не могу принять этих, я бы сказала, банальных суждений о периоде советской власти, когда В.В. Шмидт бездоказательно говорит о «красном терроре», о социал-коммунизме и т.д. Сказано у него это очень неуважительно. Дело в том, что такое неуважение ложится на всю культуру, а культура советского времени и наука советского времени не были такими уж немощными и «идеологически ангажированными». А разве сейчас работы идеологически не ангажированы? Я считаю, что многие ангажированы даже в еще большей степени. Но вот наша историческая наука была, по-моему, на достаточно высоком уровне. Правда, относительно именно Патриарха Никона я ничего не скажу, похоже было не совсем так...

Итак, по сути у меня два вопроса. Первый: *допускаете ли Вы возможность того, что сконструированный Вами образ Патриарха Никона может оказаться очередным мифом? Говоря о тенденциозности подхода к образу Никона у огромного числа авторов, допускаете ли Вы тенденциозность в своем собственном подходе*? Второй: *вы противопоставляете христоцентричный антропологизм как сугубо позитивный путь гуманизму как феномену с отрицательным знаком. В чем же заключается негативный смысл гуманизма, по Вашему мнению*?

ШМИДТ В.В.:

Первый вопрос Зульфии Абдулхаковны, как и многими высказавшимися в отзывах, является и простым и сложным одновременно, поскольку затрагивает активно дискутируемую в различных областях гуманитарных наук проблему «мифа», «мифотворчества» и связанные с ними проблемы «демифологизации» сознания, реальности социального и т.д., на что также обращают внимание и проф. Громов М.Н. (ИФ РАН), Фельдман Д.М. (МГИМО), Н.И. Шестов (Саратовский ГУ) и др.

Говоря о мифе, который был создан в отношении Патриарха Никона, мы должны, во-первых, понимать, что это историческая личность, деятельность которой зафиксирована документальными источниками, и образ, характер которой отражен и в совокупности действий, решений, а также и в сохранившемся эпистолярном наследии, созданном этой личностью.

Во-вторых, существуют различные концептуальные подходы и парадигмы к пониманию того, что такое система наук, что такое научное знание и что такое ненаучное – недостоверное и

необъективное – знание; существуют различные гносеологические модели, о которых все мы хорошо помним из курсов философии и методологии науки, как и об их отличительных признаках. Кроме всего, мы не должны сбрасывать со счетов существеннейшее взаимовлияние идеологии как феномена общественно-государственного бытия и системно-научных знаний, и системы наук в целом. Так, мировоззренческая ориентация исследователя и, соответственно, бытующая научная традиция в осмыслении того или иного социокультурного явления, безусловно, высвечивает санкционированные (господствующие) представления о мире и о собственном бытии, о системе явлений и о связях этих явлений, поэтому когда мы говорим об интерпретациях того или иного образа исторической личности или некоего объекта, мы, безусловно, учитываем, в какое историческое время конструировался данный подход, сумма знаний и представлений и чем обусловлено именно такое видение – понимание – интерпретация. Определяя историко-культурный, а вместе с тем и метафизический контекст исторического бытия, т.е. условий создания авторской реконструкции-интерпретации образа как объекта исследования, мы создаем достаточные и критичные условия для собственной работы.

Если рассматривать предлагаемый подход – «демифологизацию» – и рассуждать о его тенденциозности, то очевидно: я увлечен и ангажирован своим предметом, в связи с чем исследуемый предмет – образ Патриарха Никона – с необходимостью должен оказаться в определенной степени «мифологизированным», поскольку он реинтерпретируется в условиях начала XXI в., когда не только социальная, но и мета-физика отлична от «физики» века XVII и последующих периодов. Ситуация усугубляется еще и тем, что исследуя явления исторического прошлого, мы участвуем в интерпретации современности, поскольку, оказываясь не в силах преодолеть тотальность бытующей картины мира (власти ее архетипов, стереотипов, парадигм, совокупность которых транслируется социокультурным мифом и которые перегружены не только историко-культурологическим содержанием, но и философско-методологическими подходами к их пониманию), фиксируемой в историографии, мы все же способны влиять, трансформировать модус критичности посредством демонстрации «идеологических потреб» всякого настоящего, становящегося историческим, подвергая комплексной рефлексии инверсированное прошлое с его идейным наследием, вследствие чего реанимируем последнее и включаем его в современный контекст.

Так что в аспектах историко-культурологической интерпретации данный образ априори окажется тенденциозен, как и образ, реконструированный усилиями предшественников, среди которых и С. М. Соловьев, и Н.Ф. Каптерев, и др. Но в аспектах историософской интерпретации и историко-документальной реконструкции мы, несомненно, преодолеваем тенденциозность историко-культурологических интерпретаций, поскольку в основе полагаем документальные и археографические источники. Здесь же оговорюсь: по причине того, что документы, которые сегодня находятся в нашем распоряжении не есть полнота в перспективе возможного открытия, то и реконструируемый в нашем исследовании образ в будущем, безусловно, будет корректироваться.

Рассуждая об образе, который надлежит реконструировать, «очищая» от идеологизированных историко-культурологических напластований, полагаю необходимым пользоваться в том числе и методом, который ввел М. Волошин, рассуждая о деятельности иконописца: как иконописец сперва накладывает грунт, затем краской слой за слоем постепенно «вытягивает» лик из небытия, а потом «сплавляет» контуры красочных слоев, вводя этот лик в мир и делая его достоянием мира, думаю, что каждый из нас может пользоваться этим же методом – работать, проявляя в мире в большей или меньшей степени отчетливости воссоздаваемый образ, восходя от контура до личностных особенностей и деталей.

Занимаясь подобного рода реконструкциями, нужно также помнить, что жизнь человека в ее полноте все же непостижима, а всякое видимое действие есть итог во многом невидимого духовного делания. Схватывая лишь форму этого делания, мы фиксируем ее, демонстрируя субъективизм, собственную способность к оценке и дефинированию. Так что объективность, на мой взгляд, есть не что иное как аналитика, сопоставление разного рода источников – документальных, мемуарных и эпистолярных – максимальный их учет.

Говоря о проделанных нами работах как части историографической традиции, можно характеризовать их как отличающиеся от того, что было сделано раньше, поскольку делается упор на большой

круг разного типа и вида источников, которыми, по обстоятельствам всем известным, работавшие ранее исследователи пользоваться не могли. В то же время наши работы находится в традиции, поскольку опираются на опыт прошлого, переосмысляемый в более широком контексте и связях. Безусловно, лет так через «n» кто-то скажет, что Патриарх Никон другой; в «n»-современной ситуации культурологическая интерпретация будет иной, с иной акцентуацией, но реконструированный историко-документальный образ Патриарха вряд ли претерпит радикальную переоценку, хотя и будет уточняться в свете вновь открываемых источников – в этом у меня нет сомнений, и было бы нелепо это отвергать.

По части *второго вопроса* могу сказать следующее.

Что касается христоантропоцентризма и гуманизма как феноменов, то здесь, на мой взгляд, важно понимать их восхождение к онтологическим моделям, которые выработали Античность, Средневековье и Ново – Новейшее время, и рассматривать не только их соотношения, но и динамику развития с учетом установления соответствия категориальных единиц в рамках соответствующих систем Космоцентризма – Теоцентризма – Антропоцентризма (либертального деперсонифицированного кратократизма). Гуманистическая традиция, несомненно, имеет древние корни, но, и что также несомненно, восходит к атеистическим системам, т.е. к тем, где Бог отвергается или понятия о Нем просто нет, в связи с чем отвержение или неимение личностно-одухотворенного основания – Логосности бытия – неизбежно упрощает метафизическую область и приводит к поискам-вырабатыванию таких ценностно-гипербализированных категорий, которые должны обеспечивать сакрализацию мира.

Метафизика человеческого бытия в христоантропоцентричных системах, где человек есть образ Божий со всеми вытекающими отсюда последствиями (опять же я подчеркну – в онтологической перспективе, но как аксиоонтологии, или онтотеологии, о чем говорят в своих работах и Ю. А. Кимелев, и Ю.М. Романенко), принципиально отличны от гуманистических, прежде всего, в их последствиях. Вместе с тем, гуманистический как антропо-аспект не чужд христоантропоцентричным моделям. Так, благодаря аристотелевскому «рацио»-наследию в западноевропейской модели средневековый теоцентризм с его концептом «бытие и ничто» вырождается в антропоцентризм Нового времени, следствием которого становится либертализм и кратократизм, в Новейшее время уже угрожающий гуманистическому антропологизму своим деперсонифицированным, безликим функционализмом. В восточно-христианской же модели, благодаря платоно-паламитскому «энергийно-эйдетическому» наследию, теоцентризм с его бинарно-троичной моделью нисходяще-восходящего христо-антропо-центризма, основанной на концепте «бытие и сущее», принципиально невозможно трансформировать центро-принцип с тео- на антропо- даже пресловутым «рацио»-комплексом. «Прорыв» в парадигму Нового времени – гуманистично-антропную диверсию в теоцентризм и тем самым его «духовное порабощение» (идеологическое унифицирование) возможно лишь в случае смен гносеологической парадигмы, которой задаются-удерживаются критерии и принципы научности, системы научного знания в целом и реформой грамматики национального языка.

Я не говорю о том, что гуманизм – это дурно. Нет. Это – одна из сущностных составляющих нашего наследия. Я лишь говорю, что принципиально важно понимать не только объект исследования, но и матрицу бытия, и умоначертательную матрицу в которых формировалось наследие, а также и то, что к анализу наследия русского средневековья, наследию порожденному в христо-антропо- как теоцентричной парадигме принципиально невозможно подходить в парадигмах методологической платформы, восходящей к гуманистической антропоцентричной как а-теистической парадигме (парменидо-аристотеле-картезианской), которая, вследствие известных причин и обстоятельств, в настоящее время имеет статус единственно научной. Полагаю, что эти наши комментарии снимают тот комплекс вопросов, поставленных и проф. С.А. Модестовым, А.С. Ахиезером, доц. О.А. Павловской.

ДАНИЛЕНКО Б., протоиерей.

Досточтимое собрание, я, конечно, обязан быть человеколюбивым, потому что сейчас все присутствующие в этом зале просто «расплавятся» и от накала страстей, и от уже проведенного в напряженной дискуссии времени. Но, тем не менее, я хотел бы сказать несколько слов, без которых, наверное, наше собрание было бы не полным и несовершенным.

Дело в том, что те опасения, которые сегодня высказываются некоторыми представителями оте-

чественной науки, относительно клирикализации нашего общества, при ближайшем рассмотрении оказываются безосновательными. Я попытаюсь пояснить это.

Имея дело с явлением отечественной культуры вообще, мы должны отчетливо понимать, что из этой самой отечественной культуры невозможно вынуть тот или иной компонент, хотя этот компонент как своеобразный «кирпичик» входит в некую дискуссию, а то и в противоречие с иными компонентами, которые тоже нельзя из нее вынимать, поскольку в результате такой выемки все здание просто пошатнется и разрушится.

Академическая церковная наука существует в России уже несколько сотен лет, и гораздо больше в рамках славянско-византийской традиции. И надо сказать, что как раз Патриарх Никон является своего рода фокусом соприкосновения всех направлений человеческой мысли здесь, на этой самой российской почве.

Я с удовольствием читал работы В. Шмидта и считаю, что время потрачено не зря, хотя время весьма и весьма не малое. После прочтения я могу совершенно ясно и четко сказать и себе самому, и тем, кто слушает меня, что лишь в соприкосновении различных традиций, различных направлений мысли мы получаем целостную картину о видении Никоном мира, бытия, опираясь на которую, мы можем заявлять о целостности русской науки: и гуманитарной, и науки естественной.

Посудите сами. За рамками этой работы остались, наверное, предстоящие и для будущих ученых штудий массивные пласты, связанные с наследием Никона. Это, например, традиция архитектурная и храмостроительная. Хотя, конечно, в работе В.В. об этом сказано достаточно много для того, чтобы воспринимать ее как целостную в области эстетики, философии и истории культуры, искусствоведения и культурологии. Конечно же, за ее пределами остался богатейший музыкальный и церковно-певческий материал эпохи, хотя и о нем тоже сказано. Я могу продолжить этот список, но прерву его, указав лишь на то, что в целом избранный В.В. подход к предметно-объектной области представляется абсолютно верным.

Апеллируя к выступавшим передо мной, хочу заметить, что в наше время физик не может говорить о богословии в той степени, как о богословии может говорить богослов. И сегодня я в этом еще раз убедился, когда проф. Модестов стал говорить о тринитарных вопросах. Мне кажется, что это не совсем правильно. Лично я – не богослов, я – церковный историк. Я не дерзаю говорить о догматических спорах, которые велись в период, когда формировался тринитарный догмат. И тем более нам с вами в совокупности всех собравшихся, наверное, не стоит вдаваться в эти проблемы и дискутировать на темы, тем более что В.В. также аккуратно их оставляет для соответствующего профиля специалистов. Тем паче упомянутым проф. Тажуризиной физикам, которые имеют великие заслуги перед человечеством, или биологам наверное не стоит говорить о клирикализации российского общества. Ведь мы с вами имели дело не с клирикализацией российского общества в прошедшем столетии, а как раз наоборот – его деклерикализацией. И эта деклерикализация российского общества выглядела весьма и весьма печально.

Сегодня также упоминали о «злых» еретиках, которых некогда сжигали. А я хочу напомнить близкие нам времена – пример Вологодчины. Ведь в 30-е гг. XX в., в первую очередь, вырезалась сельская интеллигенция. Из кого она состояла? Из того самого колоколенного дворянства – учителей, во-первых, по численности, и священников, во-вторых. В этом процессе речь о кулаках и всех прочих в северных регионах России шла постольку поскольку. И когда целые семьи вырезались только по принципу их принадлежности к духовному сословию совсем недавно, всего 70 лет тому назад, нам ли говорить о клирикализации нашего общества? И вообще, наверное, работы В.В. прекрасно говорят о том, что как раз этой самой клирикализации ни в XVII в., ни ранее, ни тем более позднее, здесь, в России, как раз и не было, как и не могло быть попыток к установлению теократии. Поэтому надо сначала разобраться с терминологией, а потом уже пытаться, рассуждая, что-то говорить.

И вот чт еще очень важно. Я бы назвал труд В.В. реконструкцией образа Патриарха Никона именно как восстановление этого самого образа. И вот в каком смысле эта реконструкция и восстановление полноты образа для нас ценны.

Историки XX в. и историки Церкви XX в. очень много говорят о сервилизме, который, несомненно, присутствовал как некий элемент соглашательства в жизни Церкви. Кстати сказать, не только в РПЦ. Патриарх Никон явил определенный, если можно так сказать, архетип человека, гражданина России – того самого образа, примера, которому

должен следовать не только каждый церковный иерарх, не только клирик (священнослужитель), но каждый мирянин и каждый честный гражданин России. Ведь у него был выбор: пойти на некое небольшое, как представляется теперь, отречение от своих принципов, или проявить ту самую стойкость, о которой мы чаще знаем из материалов и воспоминаний, из мемуаров его оппонента – протопопа Аввакума, который также проявил в определенном смысле стойкость до конца. И нам, к сожалению, на исторических путях России иногда не хватало подобной этой стойкости. Попытки пойти на тот или иной компромисс заводили нас, православных христиан, в тупик, из которого потом приходилось и приходится вызываться. И в этом смысле реконструкция, представленная В.В., мне представляется блестящей и безупречной, поскольку с ее помощью мы возвращаемся к тому не мифу, не условному изображению, а к точной схеме, к схеме, которую хочется назвать иконой. Хотя, конечно, не в том смысле, что следует или не следует канонизировать Патриарха Никона и прославлять его в лике святых. Мы видим некий образец, которому следует подражать, подражать в плане гражданском, а не только в плане церковном и религиозном. Действительно, Патриарх Никон, несомненно, может быть назван тем самым «храмом на торжище», которого так не хватает в современном российском граде.

Вот, собственно, моя, может быть, несколько эмоциональная, но выстраданная и исходящая из сердца реплика.

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.:

Выступающих больше нет. Слово предоставляется В.Ш.

ШМИДТ В.В.:

Прежде, чем дать комментарии и ответы на вопросы, я хочу поблагодарить всех, кто принял участие – потрудился в осмыслении как наследия Патриарха Никона, так и подготовленной мной работы «Патриарх Никон...: демифологизация». В своей работе я старался и ставить, и отвечать на самые разные вопросы, наметить и сформулировать те проблемы, которые, на мой взгляд, являются перспективным для дальнейших исследований как узких – отраслевых, так и междисциплинарных. Судя по отзывам – это удалось, поскольку специалисты-отраслевики это продемонстрировали своей не формальной, а глубоко заинтересованной реакцией – многие отзывы в содержательном аспекте уже открывают дискуссию. Думаю, настоящая публикация этих материалов позволит начать не только дискуссию, но и послужит дальнейшей исследовательской работе.

Итак, некоторые комментарии уже сделаны, остановлюсь дополнительно на некоторых.

Один из наиболее острых вопросов связан с *проблемой клерикализации общественной жизни* и развития характерной для нашей политической культуры дискуссии о «симфонии» властей, вызывающей наибольшие споры среди политологов и политиков.

Так, в частности, известный правовед А.Г. Залужный в своем отзыве отмечает: «Симфония светской и церковной власти невозможна как таковая, и это, в конечном счете, нашло отражение в конституционном принципе отделения Церкви от государства, которому следуют современные демократии, в том числе и Россия... Секуляризация (в правовом ее смысле) является составной частью механизма реализации свободы совести, включающей в том числе и свободу вероисповедания». Схожее мнение излагает и проф. С.А. Модестов: «Так называемая “симфония” возможна лишь в специфических условиях “собинной” дружбы первых лиц государства и Церкви, носит временный характер, не воспроизводится у их преемников да и может пресечься в случае размолвки еще при жизни этих лиц. Рано или поздно оба центра власти непременно вступят в противоречие, поскольку центр мирской власти, высший субъект светских властных интересов может быть только один. Самые тесные личные отношения иерархов светской и духовной власти не смогли обеспечить устойчивый симбиоз этих двух ипостасей власти. Сложнейший вопрос разграничения предметов ведения не был (да и не мог быть) решен. Обе стороны вторгались в неприсущие им области социального Бытия».

Контраргументом этой позиции является мнение проф. Ю.В. Линника, с которым мы полностью согласны: «Для характеристики идеи Никона В.Ш. использует такие термины, как “*иероавтократия*”, “*авто-иерократическая этика*”. Они мне представляются емкими и точными. Но я бы добавил, что на месте “*авто-*“ (это не обязательно монарх) в принципе можно видеть и “*демо-*“. Идея симфонии властей не завязана только на монархическом типе правления. Она универсальна». И далее: «Социальный идеал, развиваемый Патриархом Никоном,

вовсе не является – как это ни парадоксально звучит – сугубо клерикальным. Он гораздо шире. Патриарх хотел, чтобы человек на всех уровнях своего бытия жил в синергии с Богом – иначе его ждет крушение. В общем-то это весьма реалистическая установка».

Проф. В.И. Анненков подчеркивает, что «основные положения диссертации целесообразно использовать при разработке новой редакции Концепции национальной безопасности Российской Федерации... поскольку 1) невозможно обеспечить существование и развитие государства Российского без сохранения и развития славяно-русского социокультурного архетипа, традиционной русской системы воззрений, основанной на святоотеческих представлениях о бытии и сущем... 2) при геополитическом столкновении государств (цивилизаций) ведется бескомпромиссное противоборство во всех сферах человеческой деятельности. При этом основными объектами воздействия становятся духовная составляющая нации, национальные ценности, национальный образ жизни, культура. Мониторинг и противодействие таким воздействиям являются определяющими для современной России в свете ее безопасности».

На мой взгляд, наиболее важным является осознание значимости Церкви в жизни мира, ее фундаментальности – это первое. Второе проистекает из первого – понимание различия природы Церкви и природы государства, которые различны как в онтологических, так и метафизических основаниях, и ни при каких условиях не могут быть ни отождествлены, ни смешаны. Первое и второе восходит к базовому – страху Божию, если говорить в категориях религиозных, или в категориях научных – памятованию умом о Всемогуществе Бога, сохранении в сердце чувства благодати преизобилующей Любви, бережении иерократической модели бытия и недерзании распространится над миром властью и гордостью, неминуемо влекущих в карающие «руце Бога живаго».

Подлинное отделение Церкви от государства существовало в России всего шесть лет – в то время когда Никон был Патриархом и Царь не вмешивался во внутренние дела Церкви. Происходило это по сердцу и уму – взаимному согласию как единомыслию – Царя и Патриарха. Но нельзя забывать о мощнейшем социально-политическом как внутреннем, так и внешне влиянии на царство в целом и на Царя в частности. В данный период – середина XVII в. – западноевропейские государства только-только вышли из Тридцатилетней войны, заключив Вестфальский мир, одним из условий которого было подчинение Церкви интересам национальных государств. Конфессиональные институции католиков, лютеран, протестантов превращались по сути в идеологические и внешнеполитические институты государственной власти. В этот период в России осуществлялась совершенно иная модель и политического, и государственного устройства – симфонического взаимодействия самостоятельных и независимых по своей природе властей и институций – власти мирской и духовной, власти государственной и церковной. Осознавая потенциальные угрозы от набирающей мощь Московской Руси, западная дипломатия много делала для того, чтобы разрушить симфонию Церкви и государства в России, так как именно эта симфония укрепляла внутреннюю мощь нашей Державы.

Вторая попытка «отделить» Церковь от государства была осуществлена в 1917 г. Но за этим очень важным церковным решением последовал ряд действия светской власти – «советы», прежде всего, лишили Церковь статуса юридического лица и поставили ее хозяйственную жизнь вне гражданского закона, обрекая на вымирание. В результате общественное бытие – сменяющие друг друга поколения народонаселения СССР–России – динамично утрачивало свою метафизику (уничтожались святыни, десакрализовались ценности и т.д.), неизбежно приближаясь к состоянию, понимаемому как национальная катастрофа – катастрофа нации.

Учитывая сказанное с отчетливым пониманием мировоззренческих аспектов и парадигмально-методологических подходов, можно утверждать, что перед политиками как ранее, так и теперь, стоят сложнейшие задачи – очень осторожно, понимая меру и полноту ответственности за мирность мира заниматься вопросами взаимоотношений Церкви и государства. На эту проблему обращает внимание и проф. М.В. Силантьева.

Итак, мы неизбежно возвращаемся к *государству* – осмыслению этого феномена. Представление и понятие о *государстве* сегодня и понятие о государстве в XVII в., безусловно, отличаются. Отличия эти обусловлены метафизическими концептами картин мира. В конце XIX – начале XX в. данную проблему, на мой взгляд, успешно решил М.В. Зызыкин, в результате получился

гигантский трехтомный труд, представляющий анализ идей Никона в области государства, права и церковной каноники.

Возвращаясь к вопросам проф. Т.В. Чумаковой, можно еще раз подчеркнуть следующее: в православной системе государство – это, прежде всего, социальный институт, который выстраивается как результат организации жизни народа под властью божественного закона, как институт, ответственный за народ, за территорию и т.д.

Патриарх Никон данному аспекту вопроса – пределам власти уделяет особое внимание. Зызыкин, правда, на это не обращает особого внимания, поскольку, как мне представляется, в публикации Пальмера нет «Духовного наставления Царю (христианину)», в котором четко показывается, каким должен быть ответственный за судьбы своего царства царь-христианин, дабы исполнить волю Божью и Его промысел по отношению к дарованному уделу – государству. Именно в образе подражания Христу царя-христианина в окормлении и сохранении дарованного ему удела и зиждется всякое начало именно православного государства. Церковь же в этих условиях есть помощник государства. Поэтому мы, «реанимируя» эту идею Патриарха, на ее основе указываем некорректность бытующих мнений и обвинений Святейшего в теократизме, провоцирующем узурпацию государственной власти. Уточняя расхожую формулу, мы утверждаем: Патриарх Никон не был теократом, он исповедовал принцип иерократии как иероавтократии, в которой собственно власть земная уподоблена власти в иерархии Небесной, в соответствии с которой и мыслится иерархичной, включая ее чины, чинопоследования и протокол. Небесный порядок, транслируясь в жизнь земную – социум, задает условия бытования самому государству и жизни народа. Ответственными за создание правильных условий жизни как социальной, так и духовной, являются Государь и Патриарх, которые в праве судить, т.е. рассуждать о мере ответственности, праведности или неправедности при исполнении возложенных от их имени обязанностей всяким им же подчиненным человеком на место его служения и определять меру прещений этого человека.

В своих трудах Патриарх Никон говорит о недопустимости смешения природы иеро- с природой авто- в понимании оснований и пределов отправления власти. Смешение этих оснований (принципов), как и доминирование одного над другим, грозит или папоцезаризмом, или цезарепапизмом, что в равной степени скверно. Соблюдение паритета, почтительное охранение этих принципов можно продемонстрировать примером, который представляет в своих путевых записках Павел Алеппский: во время паломничества Александрийского Патриарха Макария в Троице-Сергиеву Лавру последний увидел заточенного попа, т.е. посаженного на цепь за пьянство и неблагочестие священника. Учитывая свой высокий ранг, Патриарх обращается к Царю с просьбой освободить колодника и получает ответ, что это не в его силах, не в его компетенции, поскольку не та его власть, или «Ты хочешь, чтобы Никон дал мне свой посох и сказал: Правь» (т.е. управляй, руководи)! Вот пример из периода 1652–1656 гг. – периода торжества «симфонии».

Совершенно обратную ситуацию мы наблюдаем уже после 1658 г., когда случилось разрушение «симфонии» – Царь все более вступает в дела Церкви, а Никон вынужден противостоять Государю в этом его дерзновении и государственной власти в деле узурпации судов духовных с целью восхищения на себя функций самочинной сакрализации – легитимации, говоря современным языком. В условиях торжества апостасии Никон по завету Христа, образу Его и своих предшественников-архипастырей, в частности, Иоанна Златоуста, удаляется за пределы политического центра, пребывая в своей же патриаршей области – в монастыре Нового Иерусалима, оставляя без благословения – т.е. духовного одобрения и поддержки власть светскую для пророческого через то ей вразумления в ее же безблагодатных путях апостасии. Удаляясь указывает: коли дерзнул расшириться, то и правь по своему уму, – на то благословения нет; а коли нет благословения, то есть прелюбодейство с Церковью, ибо она есть Мать твоя, даровавшая тебе жизнь духовную в крещении. Так, Никон свидетельствует, что все в этом мире от Бога и по Его воле, а дерзнувший к самочинию и забывший Бога будет иметь казнь, какие претерпевали богоизбранный народ и цари его.

Никон образом своей Первосвятительской деятельности являет «образ жив Христов» и тем свидетельствует о примате, довлении закона божественного закону мирскому, образа истинного Царя царю земному, образа Церкви граду дольнему, в том числе и монастырями, модель организации которых есть образец для мира дольнего, поскольку в этом дольнем осуществлены. Умение же согласовать

законы божественные с законами мирскими лежит и на Царе, и на Патриархе как их охранителях.

Проф. Оксфордского университета В. Пальмер, издавая во второй половине XIX в. наследие Патриарха Никона, сделал однозначный вывод о скором и неминуемом крушении Российского царства – через 40 лет, в 1917 г., монархия, дерзнувшая возвеличиться до пределов Церкви и упразднившая Патриаршество, была упразднена, а затем рухнула и Империя. Так, с осуждением Патриарха Никона как в некую ссылку ушли и до ныне под спудом греха остаются погребенными стяжаемая Святая Русь, а затем, как и ее политический образ, – Третий Рим, созидаемый в «традиции святых отец и законах благочестивых православных Царей и Великих Князей», все более и более истончая суть державства, примененного имперскостью с ее самочинно сакрализованной и обездуховленной гражданская властью, оказался сокрушенным дерзостью буйствующего *physis*?а – природно-плотского человеческого естества.

К сказанному, со ссылкой на мнение проф. Макария (Веретенникова), можно добавить, что в данном ключе у нас все еще не написана не только история наших Патриархов, т.е. власти церковной, история соборов; но не написана даже история власти светской. Ярким примером тому может служить история Ивана Грозного, митрополита Макария и церковно-государственных отношений того периода. И этот перечень можно длить и длить – какой период не возьми, самые сложные периоды отечественной истории на поверку в историографии оказываются «темными», поскольку, в большей части, мифологизированы / ремифологизированы. Как раз на это и стоит обратить особое внимание – нужно избавляться от домыслов и мифов, а дать возможность говорить не подтасованным документальным источникам.

Не могу не обратить внимания на суждения проф. М.В. Силантьевой и его Превосходительства проф. Ю.М. Рыбакова, которые акцентируют внимание на таких аспектах, которые для меня были не очевидны, но отчетливо восприняты другим – *идеологии* и *духовности* и др.

В моем понимании, скорее, нужно понимать эту проблему так: *духовность* в категориях XVII в. может быть воспринята *как идеология*, поскольку именно стремление к деятельностной демонстрации святоотеческого наследия и собственно его демонстрация есть суть идеологии: «Будьте достойны Царствия Небесного и подражайте! С одной стороны – восприятие страны как большого монастыря, в котором Патриарх есть игумен, который не дает своего согласия на приятие Патриаршества даже по двукратном молении, а лишь по третьем – коленопреклоненном у святых икон молении от всех чинов, от всего народа с принесением клятвы духовного послушания...». В данном контексте знание и понимание, что есть достоинство и честь Патриаршая, что есть начало духовное, значимость Духа Святого, который веет, где хочет, животворит, укрепляет, если можно сказать – определяет содержание, собственно, и интенции государственной власти, и государства как такового. Как видно, я смещаю акценты: сперва – содержание–символ–знак, а не наоборот – знак–символ–содержание, что и дает основание утверждать, что для Средневековья, в том числе и для эпохи Патриарха Никона, собственно духовность, как таковая, есть идеология, а никак не наоборот. Но в современных условиях, когда жизнь все еще жительствует в дикости деперсонифицированной кратократии для ее хоть какого-то благопреображения, конечно же, стоит принять как лозунг, как основание к действию модель «*наша идеология – это есть духовность*».

Проблема *сакрализации власти* – одна из сложнейших. Сакрализация есть механизм, как собственно и процедура легитимизация. Различие источников власти – вот сущностный момент – момент истины. Мне бы хотелось обратить внимание именно на то, что библейская формула «несть власть не от Бога» означает лишь то, что не всякая власть от Бога, т.е. «власть не от Бога не есть власть». Власть не от Бога не власть – это попросту ничто – химера, и никак по-иному. Следовательно, рассуждения об этом – спекуляции политиканствующих субъектов, творящих из бытия как становления фантом, который выдают за реальность, действительность. Это рассуждение и верно, и неверно одновременно.

Верно для средневековых, т.е. теоцентричных моделей с очевидной их онтологической перспективой, а потому сакральных по принципу своего иерархического бытийствования как существования.

Неверно же для Нового времени, т.е. антропологических моделей, поскольку они онтологическую перспективу нивелируют, низводят до вариативных этических, нормативно-правовых и социально-философских категорий, безуспешно стремящихся, тем не менее, посредством гносеологических усердий создать полярную своему имманентизму трансцендентность.

В условиях Новейшего времени, когда антропологизм неизбежно вырождается в либертализм как свободо-воление (= кратократия), удерживая в характеристике последнего общее тео-космо-социогоническое свойство, соотносимое с сущностным признаком-категорией «творчества» как способности к волению-волепроявлению в антропологизме, восходя далее к теологизму с его категорией «творения» бытийного по образу Своему и подобию, т.е. Сущего как волящей в-себе-из-себя-для-себя-же Любви, именно в этом «волении» угадывается как некое мерцание возможность быть онтологизированным, следовательно, и сакрализованным. Но это мерцающее как гадательное вновь уводит нас в Античность с ее космоцентризмом и мифологизацией всего и вся, поскольку сотворенное не есть Творец, а пародирование Творца даже если ты этимологизируешь по-хайдеггеровски – творишь «дом Бытия», Сущего не достичь, даже если оно и будет приближаться к гегелевскому Абсолюту себя-в-самом-себе-познавшем-и-для-себя-ставшем.

Как видно из сопоставления этих моделей, постановка данного вопроса и неспособность к четкому разграничению категорий свидетельствуют, что мы как совокупное общественное сознание с его, в том числе и научным уровнем сознания, еще не преодолели стадии средневекового развития – мы находимся в Средневековье. Отсюда наше отношение к власти и порождаемых формах социального бытия – социальной физики со всем многообразием ее форм и явлений...

Но к кому тогда переадресовать проблему чрезмерной сакрализации власти? Полагаю – к «дому Бытия» – картине мира, задаваемой алфавитом как матрицей и всякий раз реинтерпретируемой в объеме социокультурных архетипов, от «чистоты» которых и зависит качество социальной физики.

Проблема, на которую также часто обращают внимание, связана якобы с *диспропорцией* представленного материала – *недостаточно высвечена фигура, образ* «собинного друга» Патриарха – *Царя Алексея Михайловича*.

Обращу внимание лишь на то, что данная работа посвящена именно Патриарху Никону, а остальное – фон, вспомогательный материал, который не менее интересен и, несомненно, требует к себе не менее пристального внимания. Тем не менее на первом месте и в лучах солнца здесь – Патриарх Никон.

Итак, «собинные друзья» – это политическая формула, отраженная общественным сознанием эпохи и принятая на государственном уровне. Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович были ответственны – один за судьбы Церкви, другой – за судьбу Царства. И каждый старался в меру своих возможностей отвечать за дарованное от Бога каждому – их уделы. Все в мире творится милостью Божией. Так что ради жизни будущих поколений нам даруются примеры и согласий, и конфликтов, и преодоления тяжелейших ситуаций. Каждый из участников этого противостояния пытался достучаться до души, до сердца своего «собинного друга», но, видно, в чем-то принципиально важном они не смогли понять друг друга. Но и это взаимное непонимание тоже было даровано нашей истории по милости Божией, чтобы в будущем, когда возникнут еще более серьезные угрозы и Церкви, и государству, не сделать еще более серьезных ошибок, поскольку они – ошибки – неизбежные шаги к национальной катастрофе. Полагаю, что залогом восхождения и трезвенной ответственности за судьбы народа и державы – искать в себе кротость и терпение, чтобы понять, что в основе всего мироздания лежит Закон Божий и, как ни странно, но именно по образу этого иерархизированного закона устраиваются всякие власти земных царств, всякие гражданские законы, регулирующие жизнь социально-человеческую. Кстати, в январе 1989 г. на перепутии исторической жизни нашей страны СССР–России об этом же в письме Президенту СССР М.С. Горбачеву говорил выдающийся деятель Исламской Республики Иран Аль-Хомейни (это письмо опубликовано в журнале «ИРАН сегодня» № 1 (7). 2007).

Многие меня критикуют, учитывая поставленную и весьма дерзкую, вызывающую задачу, как-то – демифологизация, – за то, что я, мол, предвзято подошел к отбору литературы для анализа, указывая при этом на якобы недостаточно объективное отношение к наследию Н.Ф. Каптерева.

Сошлюсь здесь на мнения известных ученых старовера-федосеевца проф. М.О. Шахова и зав. сектором философии религии Института философии РАН проф., д. филос. н. В.К. Шохина, который интернет-сообщением направил свои соображения на основе анализа реферата работы.

Итак, В.К. ШОХИН пишет: «...1. Вы с завидной откровенностью настаиваете на том, что все предшествовавшие Вам исследования не содержат четких представлений как о “наследии [Патриарха Никона] в системе религиозной, философской мысли и в контексте истории культуры”, так даже

и о нем как "исторической личности, его месте и роли в отечественной социально-политической истории". При том что Вы сами приводите большие двузначные цифры специальных исследований о нем только за последние годы и что даже профан в этой области (как, например, я) знает о работах многих основательных авторов, начиная с митр. Макария и монографий Н.Ф. Каптерева и М.В. Зазыкина (хотя по Вашему утверждению о Патриархе Никоне "не написано еще не одной обобщающей монографии"), а также о том, что не было ни одного серьезного историка России и Русской Православной Церкви, который не уделил бы этой фигуре значительного (разумеется, заслуженного ею) внимания. Этот Ваш демарш звучит, мягко говоря, несерьезно. То, что многие исследователи деятельности Никона, притом не самые глупые, оценивали эту деятельность неоднозначно (различая, и не без оснований, цели, которые ставил перед собой Патриарх, средства их осуществления и результаты применения этих средств), еще не свидетельствует об отсутствии у них "четких представлений". Я думаю, что если бы Вы меньше писали об ограниченности, тенденциозности, непрофессиональности предшествовавших Вам "никоноведов", а больше о том, что, даже несмотря на очень значительную работу, проделанную Вашими предшественниками, Вы предлагаете новую интерпретацию деятельности и наследия Никона, этого было бы вполне достаточно и все выглядело бы много солиднее.

2. При чтении Вашего текста возникают недоумения и логико-понятийного порядка, которые тем более обращают на себя внимание, что Вы претендуете на "прорывы" в области методологии. Так, когда Вы утверждаете, в пункте "новизны" исследования, что в результате Вашей реконструкции философских воззрений Патриарха Никона была продемонстрирована их "гетерономность" святоотеческому наследию и православному богословию, то "новизна" здесь не большая, чем утверждение, что сумма углов треугольника равна двум прямым, но когда Вы к тому добавляете, что открыли их соответствие ортодокс-славянской системе философии, то "новизна" здесь действительно настолько значительная, что хотелось бы знать, что конкретно Вы под этим разумеете. Правда, абзацем выше Вы пишете об ортодокс-славянской системе византийской философии, но повтор еще не есть обоснование. Во всяком случае, тому, кто не посвящен в Ваш "софийный" язык, не совсем понятно, была ли это конкретная система философии или система философии в метафорическом смысле, как она соотносится с православным богословием (в том случае, если она с ним совпадает, какой смысл говорить об отдельной философской системе?) и какие конкретно иные философы кроме Патриарха Никона ее еще представляли. А в пункте "задач" Вы ставите того же непосвященного читателя в новое недоумение: задача Ваша в том, чтобы систематизировать основные элементы понятийно-категориального аппарата славяно-русской картины мира в соотнесении по родовидовому признаку с различными философскими и богословскими системами, в их числе "с системой воззрений Патриарха Никона". Если я что-то смыслю в родовидовых отношениях, то при условии, что сия картина мира православно-византийская, следовало бы, наоборот, его систему воззрений соотносить с нею (о тривиальности этой задачи я уже говорил), если языческая, то привлечение его системы воззрений немного даст для решения поставленной задачи, а если нечто третье, так снова надо разъяснить что Вы имеете в виду, с поправками на "картезианскую" ограниченность (которую Вы не жалуете) потенциального читателя.

В сравнении с этими "нестыковками" совсем уже пустяком выглядит Ваш активный протест против общепринятого обозначения деятельности Никона в качестве реформаторской, но он тоже заслуживает внимания. Вы полагаете, что для православного деятеля быть "реформатором" – оскорбительно, так как это значит разрушать основы традиции, а также, вероятно, потому что это может его сблизить с деятелями протестантскими (хуже чего, в Вашей картине мира, наверно, уже ничего быть не может). Однако слово реформа происходит от латинского глагола reformo, означающего "преображать", "преобразовывать" и, главное, "улучшать", что, на мой взгляд, совсем не так страшно... Если бы в православии не было реформ, а была одна неизменность, то не было бы ни Никео-Цареградского символа веры (Поместные Церкви пользовались бы каждая своим), ни Литургии Иоанна Златоуста (до сих пор была бы Литургия апостола Иакова), ни церковного законодательства, ни очень многого другого. Поэтому Вы совсем напрасно видите в тех, кто отстаивают реформистский характер деятельности Никона, недобросовестных идеологов-пропагандистов, которых нужно как

минимум "демифологизировать". Впрочем, у Вас все, кто придерживался и придерживается иных воззрений на предмет Вашего исследования, чем Вы, делали и продолжают делать это, прежде всего, по идеологическим соображениям, но никак не по объективно-научным...

3. Много вопросов вызывает и Ваша "гипотеза" (в которой Вы, вероятно, видите одно из основных своих открытий) относительно инспирации Ватиканом и западными государствами того государственно-церковного конфликта, который привел к низложению Никона посредством организации заговора внутренних антиклерикальных сил в России. Прежде всего, эти вопросы связаны с составом самих "заговорщиков": в одном месте Вы включаете в него только московское боярство вкупе с раскольниками, в другом добавляете к ним и самого Царя, однако очень благоразумно не упоминаете Восточных Патриархов. Это и понятно, так как Ваш тезис об антиклерикальном и антиправославном характере обсуждаемого государственно-церковного конфликта отстаивать при этом упоминании было бы довольно затруднительно. Таким образом, "инспирация" Ватикана, которая реконструируется из Ваших предположений, напрямую озвучивается, а самое что ни на есть реальное участие Патриарха Александрийского Паисия и Патриарха Антиохийского Макария в Соборе 1666 г. умалчивается, или, говоря по-вашему, "демифологизируется".

Двойные стандарты определяют и Вашу трактовку отношений Никона с боярством: то, что бояре спровоцировали его низложение, долго "шептав" на него Алексею Михайловичу, сомнению, конечно, не подлежит, но хорошо известны и факты сознательного и длительного унижения их Никоном, который и официально величал себя "Великим Государем". Но даже если играть на Вашей территории и допустить фантазию, что в низложении Никона были больше всего заинтересованы западные государства, а бояре, Царь, раскольники и православные Патриархи были их марионетками, то и с точки зрения элементарного здравого смысла она не проходит. Врагам православия в России никто так не подходил бы как Патриарх, спровоцировавший невиданный до него раскол в Церкви (внушения Константинопольского Патриарха Паисия после Собора 1654 г. о том, что в Поместных Церквах могут быть обрядовые различия, действия не возымели), имевший необратимые последствия для всей ее последовавшей истории, а противникам государственно-церковной "симфонии" – как Патриарх с однозначно выраженными монархическими замашками.

Эти мои впечатления вполне объясняют, почему *я ограничился чтением первых двадцати страниц* реферата Вашей работы, считая уже избыточным для себя читать изложение основного материала. Если мои соображения покажутся Вам заслуживающими внимания и учета в Вашей последующей деятельности, сочту свой долг вполне выполненным. А если Вы причислите и меня к тем "идеологам-пропагандистам", которые, наряду со всеми предшествовавшими Вам "никоноведами" подлежат разоблачению, т.е. "демифологизации", то Вы получите еще одно подтверждение того, насколько Ваша работа по переписыванию истории заново актуальна и востребована...».

Выражая благодарность Владимиру Кирилловичу, я был вынужден сделать некоторые уточнения, в частности, – по каким основаниям (даже самым незначительным) возможно ставить в один ряд работы Зызыкина и Каптерева в виду их некоторой взаимоисключимости? На что получил комментарий, связанный с моим мнением, которое, кстати сказать, является общепризнанным, и поэтому Америку здесь я не открываю, утверждая, что «до настоящего времени *не вышло еще ни одного монографического издания, посвященного собственно Патриарху Никону*...».

Поскольку данный отзыв сделан, исходя из анализа 20 страниц реферата, позволю остановиться лишь на некоторых замечаниях.

Итак, рассуждая о проф. Н.Ф. Каптереве и его трудах на ниве ученой и просветительской, я нисколько не отрицаю его заслуг перед культурологической мыслью – заслуг историософско-культурологического характера, но мое умаление относится лишь к той части его политико-культурологических и социально-идеологических приукрашенных психоредукционизмом выводов, которые документально не подтверждаются и есть лишь досужая спекуляция «по поводу». Именно эти недокументальные спекуляции как раз и вызывали протест у его коллеги по МДА – проф. Н.И. Субботина и продолжают вызывать, а также провоцировали на порождение нелепостей, факт которых есть «Отзыв о книге проф. Н.Ф. Каптерева "Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович"» проф. Венского университета Г. Юберсбергера (1911; см. перевод отзыва: Богословский вестник. 1911. Т. 3), на что я, как мне представляется, также совершенно

справедливо обращаю внимание. Также позволю апеллировать к мнению нашего выдающегося архипастыря и члена Императорской Академии Наук – архиепископа Херсонского и Одесского Никанора, который говорил, что поводом к ряду его исследований явился «*...Каптерев странным своим якобы открытием и громким на весь свет провозглашением...*». Заключил же архиеп. Никанор так, к которому в один голос присоединяемся и мы: «*Ищущий истины читатель уверится, что дело происходило не так, как уверяет г. Каптерев. А лучше нас знающие дело, гг. специалисты, пусть сделают лучше. Рад буду и поучиться у них; рад буду, если и помогу им какими-либо своими указаниями, приободрив их к новым изысканиям для успокоения смятенной отвагою г. Каптерева христолюбивой Руси*. Во имя живоначальныя Троицы и Господа нашего Иc̃ Хc̃ благословение Господне на верных рабах Христовых отныне и до века»[38].

Пример схожих с Каптеревым художественных инсинуаций не единичен. Например, в 1923 г. для постановки в Петроградском государственном драматическом театре В.Ф. Боцяновским была написана трагедия «Патриарх Никон» в 5 действиях и 6 картинках, но поставлена, к счастью, не была. Чтение разворачивающихся сцен впечатляет – ты содрогаешься. Бурная фантазия сценариста в своем полете отрывается настолько, что невольно начинаешь задумываться, а историческая ли это вещь? Подобное случилось и с современным либретто к опере «Патриарх Никон», созданным в 2003 г. в Саранске заслуженным деятелем культуры России В.В. Долговым, как он утверждает, по мотивам исторического романа М.Я. Филиппова «Патриарх Никон». Долгов сконцентрировал внимание на проблеме исключительно плотской любви Никона к своей жене, не учитывая исторические факты, засвидетельствованные не только в житии Патриарха Никона, но и Е.В. Ушаковой в «Кратком историческом очерке Московского Алексеевского монастыря». И если в романе Филиппова судьба жены-монахини идет параллельной линией верного служения своему мужу-архипастырю, то в либретто Долгова она с угрожающим размахом стремиться затмить собой образ Христов, в сретение Которому схи-Патриарх оправлял одежды и бороду на смертном одре на реке Которосли. При этом, указывая автору на явные несуразности, а также и то, что: «Страсть в своих интенциях умножает и гипертрофирует формы явлений, которые пусты и ничтожны, а посему – для чего их созерцать, если в них нет бытия? Искусство ведь не отражает, оно проявляет содержание бытия, его красоту через форму и знаки, современные способу восприятия современного человека», на что был получен ответ – «что Вы подрезаете крылья!, – может быть и авторская интерпретация...». Ну коли так – то пусть она, эта интерпретация, и остается в воспаленном сознании средь единомышленников, не место ей на театральных сценах и экранах для смущения общественного сознания под видом «исторической реконструкции», или, наконец, определяйте ее как буффонаду или историко-психологическую утопию...

Что же касается моего утверждения, что в историографии до сего дня все еще нет ни одной полномасштабной монографии или исследования, посвященных Патриарху Никону, так я не одинок в своих суждениях – нужно всего-навсего знать историю вопроса и содержание работ. Работа М.В. Зызыкина такой считаться не может, поскольку она в большей части посвящена анализу государственно-канонических идей Святейшего, наши исследования – анализу религиозно-философских идей и системы богословия, Н.А. Гиббенета – судному делу, труд С.В. Лобачева «Патриарх Никон» лишь приближается, но не дотягивает до уровня такой работы, поскольку в большей степени ориентирован на социально-политический контекст жизни; правда, образцовым основание к подобной работе может служить труд С. Михайловского «Жизнь Святейшего Никона, Патриарха Всероссийского». Написание подобной работы все же еще впереди.

Остановлю еще раз внимание и на определении деятельности Патриарха Никона как реформаторской, хотя это уже делал, отвечая на вопрос проф. А.И. Ионовой, поскольку вопрошание вышеназванных коллег усиливается вопросом проф. Н.И. Шестов: «Если это не была реформа, то почему же общественное сознание фиксирует Патриарха Никона исключительно как реформатора...?».

Восприятию Патриарха Никона как реформатора Церкви, историография в большей степени благодарна старообрядческой традиции и тем институциям, которые занимались изучением старообрядческой традиции: Никона воспринимали как

[38] Никанор, архиеп. О перстосложении для крестного знамения и благословения. СПб., 1890. С. 1–2.

реформатора Церкви благодаря полемике, которая начала разворачиваться к концу 80-х гг. XVII в., к тому времени, когда Патриарх Никон скончался после более чем 20-летнего устранения от дел, среди которых 15 лет заточения по его слову «за слово Божие и Церковь Христову».

Говоря о последующих веках – XVIII–XIX, – нужно хорошо представлять раскольническо-старообрядческую традицию и историю борьбы с расколом старообрядчества, как тогда называли это социально-религиозно-политическое явление. Организация и проведение подобных дискуссий, на мой взгляд, натолкнется на многоуровневое противодействие и массу подводных камней, поскольку это явление чаще всего воспринимается как демократическое и, как ни странно, практически, если не сказать совершенно, не изучено – в его «темности» много заинтересованных. Наши же общего свойства суждения и некоторые выводы подтверждаются в свою очередь некоторыми положениями отзывов проф. В.И. Новицкого и проф. А. Мироновича.

Подходя к предмету, который не является ни основным, ни значимым для нашего исследования и этой дискуссии, – *старообрядчество* – постараемся не забывать о крайней напряженности политического и социокультурного пространства, в среде которого оно развивалось и кристаллизовалось. Оценивая условия существования богомильских (старообрядческих) поселений в западных территориях Руси (ныне, например, – Новозыбков и Гомельщина) как хорошие и даже вольготные, нужно понимать, что это происходило во время первого, второго и третьего разделения Польши, когда интересы российского правительства в этом регионе были весьма специфичны, а старообрядчество было агентом влияния, в связи с чем и поддерживалось. В Поволжье и Забайкалье были как свои социально-политические условия, так и определенные зоны различных геополитических интересов, в которых куда более, чем кстати, приходились вожделения так называемых раскольников к посадским свободам, которые к тому времени были значительно ограничены действующими нормами «Соборного Уложения», «Торговыми» и «Таможенными уставами». Это очень тонкий социально-экономико-политический момент, поскольку он усугубляется решительной борьбой Патриарха Никона с «Соборным Уложением», с одной стороны, а с другой, как принято считать, – раскольниками с Церковью, которая ими воспринималась как проводник государственной политики. Это – первое. Второе же заключается, как опять-таки принято считать, в противостоянии-борьбе богомилов-старообрядцев с Патриаршими нововведениями, которые якобы порушили древнерусское благочестие и традицию. Но и здесь мы видим значительную нестыковку, если обратимся к старообрядческому наследию, созданному в условиях западной культуры, например, Ветковское согласие, поскольку культурные артефакты свидетельствуют о полной ассимиляции – освоении элементов более высокой барочной культуры что в иконописи, что в музыкально-песенном, что в декоративном искусстве, что в использовании печатной книжной продукции.

В связи с тем, что я не занимаюсь старообрядчеством – не являюсь специалистом в данной области, – но как специалист в области философии и религиоведения с учетом вышесказанного вижу достаточные основания для постановки задачи исследования старообрядчества как социально-политико-экономического феномена и проведения его демифологизации, поскольку само это явление как религиозно-культурная традиция оказалось мифологизированным куда более, нежели образ Патриарха Никона. Думаю, это – очевидно.

XX в. начался и был весь наполнен серьезными разного уровня и масштаба напряженностями и катастрофами. Мы помним в большей степени политических указах Николая II, в частности, и о веротерпимости, который с 1905 г. вводит в гражданско-правовую практику и закрепляет за раскольниками именование «старообрядцы». Вот, что есть контекст.

В советский период с первой трети XX в. в Петербурге складывается крупнейший институт по изучению древности – Пушкинский Дом (Институт русского языка и литературы). Русская древность бесспорно изучалась, но изучалось наследие, составляющее все более социально-демократическую, антицерковную традицию: почти в 100 тт. ТОДРЛ начиная с 1934 г. опубликовано более 110 статей, посвященных старообрядческой проблематике; если Аввакум и его наследие изучено всесторонне и досконально, то Патриарху Никону не посвящено ничего, а его окружению, т.е. традиции монастыря Нового Иерусалима и т.д. не наберется и 10. Факты налицо – пропагандировалось старообрядческое наследие, становясь дидактико-педагогическим ресурсом всей советской гуманитарной традиции, выдаваемой за русскую. Показателен еще один

факт: за последние три века в нашей стране «Житие протопопа Аввакума» издавалось более 60 раз, «Житие Патриарха Никона» в различных его версиях – всего лишь 10.

Так что вполне можно согласиться с выраженным мнением проф., прот. Дм. Лескина, что «данная гипотеза, в случае ее принятия, способна принципиально поменять установившиеся воззрения на эпоху XVII в. и привести к существенной переоценке ряда центральных для нее дефиниций, таких как "раскол", "книжная справа", "церковно-обрядовая справа", "церковная реформа XVII в.", "старообрядчество" и др., а также подвергнуть глобальному пересмотру описание формы и содержания церковно-государственных отношений XVII в., участие в их развитии Патриарха Никона, Царя Алексея Михайловича, боярской думы, раскольников, ныне называемых старообрядцами и др.». Сразу заметим, что это не столько гипотеза, сколько во исторической факт, в связи с которым делаются первые шаги. Так, в частности, одна из крупнейших и известных ученых в области древнерусской музыкальной культуры проф. А.Н. Кручинина пишет, что в музыкальной медиевистике, начиная с XIX в. существовало устойчивое суждение о разрушении Патриархом Никоном древнерусского певческого искусства, однако реальные рукописные источники с середины – конца XVII в. не соответствовали этой концепции, но она принималась как аксиома, не требующая доказательства. Работы же по популяризации наследия Патриарха Никона понуждают иначе взглянуть на проблему и определить реальный вклад в певческую культуру, сделанный Патриархом.

Если уж упомянутым оказался в данном контексте протопоп Аввакум, думаю, было бы правильным прояснить свою позицию в отношении данного человека, как это было сделано в отношении Царя Алексея Михайловича.

Полагаю, и протопоп Аввакум, и Патриарх Никон были ревнителями Церкви в меру чина своего служения – каждый осознавал меру своей ответственности за паству и за участие в церковной жизни. Но если один был Патриархом и отвечал за всю полноту Русской Церкви, а т.к. Москва воспринимала себя в XVII в. не только третьим Римом, но и новым Израилем, то Святейший Никон, что следует из его духовного наследия, в полной мере ощущал себя ответственным и за хранение наследия Вселенского Православия в масштабе Вселенной. Другой же, полагаю, никак не мыслил категориями вселенскости и пекся лишь о своей пастве и о своем личном благочестии. Не менее важно и то, что протопоп Аввакум не подчинился соборной воле Церкви и боролся в буйстве страсти с Первосвятителем и церковным собором, оказываясь не способным сдерживать себя, остановиться...

Аввакум, с одной стороны, показал внушительный пример «ревности по Бозе» за веру «до единого аз», а с другой стороны, будучи человеком все же малопросвещенным, впадал в серьезные богословские заблуждения, о чем, кстати, стараются все более умалчивать – достаточно открыть любой справочник, энциклопедию и редко где увидишь описание системы воззрений знаменитого протопопа, которая последовательно разворачивается как система манихейская (впрочем, ни один из так называемых расколоучителей, не продемонстрировал собственно ортодоксальной системы, все их системы укладываются в ту или иную версию ересей, осужденных Вселенскими Соборами). А вот об этом как раз никак нельзя забывать.

В связи с этим, оппонируя уже упомянутому здесь проф. Шахову, мне приходится обращать внимание на необходимость исследования «старообрядчества» как церковно-гражданского наследия, восходящего к решениям Стоглавого собора, к той традиции, которая не преодолела в своем генезисе влияния манихейской, кальвинистской и других идеологем в их древнерусских версиях, а на протяжении последних двух с половиной веков в рамках которой и в отношении которой проводилась политика, которую с феноменологической позиции М. Хайдеггера можно характеризовать как «сокрытие посредством самоистолкования... мнимой содержательности.., обеспечивающей ниспадение вот-бытия от своей собственности как обладания-собой-при-себе-самом... в со-бытии вот-бытия». Результат этой царско-цезареполистской и советской политики с характерными формами идеологически ангажированного и социально-перверзивного процесса в области государственно-конфессиональных отношений, в частности в отношении к расколу (старообрядчеству), оказался неутешительным: с одной стороны, небезосновательно во внешнем восприятии «старообрядчества» со стороны господствующего большинства у старообрядцев произошла квазиполитизация их жизни и без того политизированной религиозно- и социально-философской мысли с нагнетанием ее антисоциальности установок, а с другой, – у никониан – стремление

избегать предметных исследований, популяризации и возрождения ортодоксальной онтогносеологии с ее аксиоматической системой.

Было акцентировано внимание на использовании термина «*гетерономия*». Сделаем небольшое пояснение.

Философия в ее классическом, традиционном понимании оказывается действительно гетерономной богословию. Об этом пишет и проф. К.И. Никонов в статье «Антроподицея» (Религиоведение: Энцикл-пед. слов, 2006), да и собственно определенное в этом же словаре понятие «Гетерономия», не дает простора для вольностей. Приведенное мнение проф. В.К. Шохина еще более обостряет проблему.

Использование этого термина применительно к философии «русской античности» действительно способно смутить. Понимая это, я постарался выйти из сложной, ситуации конкретизировав это понятие, указав, чт именно понимается как гетерономия – ее органичное сочетание. Согласен, что этот пассаж на первый взгляд несколько странен, и коль я говорю о необходимости возрождения славянорусской философской традиции, центральным ядром которой является антропохристоцентричность, то и утверждать следует ее качество – именно синергийность, «симфоничность» богословию, но о гетерономности также не следует забывать, о чем убедительно писал Е.Н. Трубецкой в своем труде «Смысл жизни» – позволю себе напомнить некоторые его мысли. Так, в гл. IV «Откровение Божьего дня» в § I «Явление Софии в творении. Свет» он пишет: «...мир по отношению в Богу и по отношению к предвечному замыслу Божию есть "другое". Это – не простое логическое, а *реальное отрицание* божественной идеи, т.е. некоторое реальное *нечто*, которое не только *не есть* она, но которое обнаруживает свою отличную от нее реальность через *противодействие*...». А несколько выше, в § III «Мир как относительное небытие: его положительные и отрицательные потенции» III-й главы «София», он говорит: «Мы уже говорили, что мир во времени есть *другое* по отношении к Софии... Не будучи тождественно с Софией, "другое" имеет в ней свое начало, так что София является источником его возможности и действительности. С одной стороны, в качестве "другого" – мир есть отрицание "Софии". Но, с другой стороны, в вечной божественной действительности это отрицание побеждено и *снято*, ибо "другое" преображается в *друга*: стало быть, отрицание здесь превращается в утверждение. – Совершенное существо, которое в несовершенном своем начале является *отрицанием* идеи, в своем назначении является ее носителем. И вечная жизнь есть исполнение этого назначения. Этим определяется сущность временного бытия. – Временная действительность есть область, где мир *вечных идей* – София – заслоняется *другим*, т.е. некоторым его реальным отрицанием. Это "*другое*", стало быть, определяется как небытие идеи или небытие Софии; но это – небытие относительное, а не абсолютное (μή όν, а не ούχ όν): ибо *в возможности* своей (в потенции) мир является откровением или воплощением той самой идеи или Софии, которая не вмещается в его временной действительности, *отрицается им*». Так что, судите сами, – когда заходит речь о философской антрополигии, сотериологии и эклессиологии, – оказывается не все так однозначно в определениии гетерономности философии богословию именно в историко-философских подходах.

На этом, полагаю, можно остановиться. Многообразие и тонкость обсуждаемых предметов очевидна, как очевидно и то, что они вряд ли будут оставлять безучастными размышляющих о смыслах и в будущем. Сегодня, пытаясь увидеть Святейшего Патриарха Никона и приблизиться к пониманию его наследия, можно указать на ряд отраслевых проблем, которые были сформулированы нашими общими усилиями:

военные науки: необходимость и целесообразность детальной разработки вопросов обеспечения национальной безопасности России с учетом проведения духовно-идеологической политики при использовании ресурсной базы Церкви (Православия), т.к. последняя оказывает влияние на международные (региональные) отношения;

искусствоведение: необходимость более «тонкого» и целостного взгляда на решения Стоглавого собора (1551) в контексте социокультурной и социально-политической динамики реализации его постановлений вплоть до смены парадигмы общественно-государственного развития, преодолевающей базовые принципы Средневековья и фиксируемой нормами Уложения 1649 г., восходя от «нации-племени» к «нации-государству»;

исторические науки: необходимость более детального учета, с одной стороны, феномена «старообрядчества» (= раскольников, обрядоверов-богомилов) как культурно-политического субъект-объекта влияния, одновременно увязанным и с государством и

Церковью, и с этно-религиозной и политико-экономической традицией, активно демонстрирующим приверженность политико-экономическим устоям посадских свобод, а с другой стороны – Церкви как социально-политического института, вынужденно регулирующего свою историческую жизнь в условиях «пременения царств» двумя различными типами норм – вселенско-иерократическими церковно-каноническими и автократическими национально-государственными, как залогу национально-культурной идентичности и сохранения цивилизационных ценностей в условиях секуляризации и десакрализации «этно-племенных ценностей» как элемента глобализации позднего Средневековья;

педагогические науки: необходимость исследований идей русского Средневековья и включения их для активного использования в научно-педагогической практике, поскольку они оказывают позитивное влияние на формирование патриотических позиций подрастающего поколения;

политические науки: необходимость проработки соотношения различного вида мифов в контексте их системообразования историографической реальности, задающей базу для качественных признаков критичности и достоверности, а также перспектив методологической коррелируемости парадигмальных подходов к объект-предетной области исследования;

психологические науки: перспективеность сближения подходов и развития методологических социально-психологических, политологических комплексов на базе религиоведческих и философско-культурологических, поскольку открываются перспективы для исследования таких сложноорганизованных явлений социального бытия как апостасийность, сотериологизм и т.д. в аспектах цивилизационного противоборства и нивелирования смыслополагающих оснований бытия и сущего в социокультурном эго-этно-этато-центризме;

теологические науки: перспективность исследований в части формирования аутентичных представлений, соответствующих историческим типам культур, указывающим на взаимосвязь предметных областей философии и богословия, влияния на генезис идей и практику их реализации индивидуальных и институциональных комплексов, кроме того – написания истории высшей церковной власти на Руси, включая историю Соборов и историю Предстоятелей Русской Церкви;

юридические науки: важность учета философско-методологических установок господствующей власти на предмет политико-правового регулирования, а также формирование системно-исторических представлений о генезисе этих установок и динамике сформированных моделей как организации, так и управления обществом и государственными, общественными институциями;

экономические науки: необходимость исследования экономико- и политико-правовых преобразований, которые во многом нашли преломление, если не оказали существенное влияние на последующую российскую историю;

филологические науки: необходимость аутентичного изучения и популяризации литературного наследия русского Средневековья (создание «Патрологии Россика») не только для критичной (качественной) оценки исторического и социокультурного опыта общества и государства, но и для построения современной социально востребованной духовно-нравственной программы и идеологии, источником которых является святоотеческое наследие, в целом, и национальная литература, в частности, с пропагандируемым в них онто-аксио-социологическим и метафизическим комплексом;

философские науки: дискуссионная привлекательность никоноведения и ряда общефилософских проблем, среди которых – разработка теоретико-методологической энергийно-ономатологической платформы в области гуманитарных наук и аутентичное освоение идейного славяно-русского наследия; методологическая база исследований в области социокультурного мифотворчества и архетипии, а также проблемы демифологизации/ремифологизации, диалога религиозного и секулярного сознания с их символизмом, симулякрами и т.д.; конкретизация и уточнение понятийно-категориального аппарата ортодокс-славянской системы православной философии, поствизантийской богословской традиции в аспектах типологизации и отраслевой организации научного знания, а также компаративистских исследований ряда фундаментальных аспектов восточно- и западно-христианских философско-теологических традиций; уточнение и корректировка дефиниций, соотносимых с предметной областью гражданско-церковного, социокультурного раскола второй половины XVII в.; расширение предметных областей философских

наук наряду со смежными гуманитарными и естественнонаучными отраслями в части постановки исследовательских задач и уточнения критериев результативности; и т.д.

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.:

Итак, уважаемые коллеги! К сказанному здесь я хочу добавить следующее. Творческое наследие Патриарха Никона и работы В.Ш., как и многих других никоноведов, на мой взгляд, заслуженно обращают на себя внимание не только благодаря предметной области, но и своим профессионализмом. Отвечая на вопросы корреспондента РИА «Новости» О. Липич, я, как историк, также высказала свое мнение по поводу работы В.Ш. «Патриарх Никон...: демифологизация», указав, что данная тема приобретает наибольшую актуальность именно сейчас, потому что автор решает, в том числе, и проблему государственной идеи, которую мы все ищем и найти не можем; что это исследование имеет гражданское звучание, поскольку может совершенно спокойно использоваться в современной России для регулирования социально-политической жизни общества, совершенствования общественно-институциональных отношений и отношений с международным сообществом. Кроме того, хотя о Патриархе Никоне вроде бы написано много, но больших, фундаментальных работ уже давно не было. Конечно, в работе В.Ш. не все бесспорно с точки зрения ныне бытующих в ученом сообществе и в общественном сознании устоявшихся мнений на Патриарха Никона и его эпоху, но тем она в еще большей степени ценна, поскольку имеет широкую дискуссионную перспективу не только в области философии, религиоведения, истории и культурологии, но и целого ряда других гуманитарных отраслей знания, что здесь все мы имели возможность увидеть.

Что же касается столь значительной реакции на сочинение В.Ш., и связанную с ним никоноведческую проблематику, то подобный случай не первый и не единственный – вспоминается, например, ситуация защиты исследования глубокого знатока истории Церкви и раскола Е.Е. Голубинского, который написал великолепные работы «История Русской Церкви», «О нашей полемике со старообрядцами» и которого С.А. Белокуров характеризовал в 1891 г. на страницах журнала «Православная община» «человеком прямолинейным, который любил все называть своими именами, не подыскивая каких-либо мягких выражений». Так вот, в 1880 г. в диспуте на защите своей работы «История Русской Церкви: источниковедческие аспекты» Е.Е. Голубинский в ответ своему первому оппоненту Н.И. Субботину говорил: «На всем пространстве допетровской церковной истории выступает перед нами как живой до некоторой степени человек только Патриарх Никон... а все остальные суть совершенно безличные тени... и просто ярлыки на пустых местах... допетровская история скудна памятниками». Как видите, В.Ш. не одинок в подобного рода оценках и суждениях. Работа же Голубинского вызвала такой интерес, что на следующий день после защиты о ней написали все московские газеты... Не стремлюсь проводить параллелей, но не менее высокий интерес был проявлен и к работе В.Ш., когда 20 сентября 2007 г. все крупнейшие электронные СМИ сообщили о «работе, реабилитирующей Патриарха Никона». Надеюсь, что такое высокое внимание к никоноведческой проблематике не приведет к политизации вопроса, а позволит сохранить его в поле академической дискуссии.

Глубокоуважаемые коллеги, благодарю всех за интересную, плодотворную и, несомненно, имеющую большие перспективы дискуссию!

© Васильева О.Ю., д-р истор. наук, проф.,
зав. кафедрой государственно-конфессиональных отношений РАГС

© Шмидт В.В., д-р филос. наук,
зам. зав. кафедрой по научной работе государственно-конфессиональных отношений РАГС
в ранге Советника Российской Федерации 1 кл.

© Участники дискуссии